

III
IV
3^{св}
11-6386

ОСНОВА

1864

АПРѢЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковчарь, XIII. Невольникъ, Т. Г. Шенченко.
- II. Два синя, Марка Вовча.
- III. Титъ Настя, М. Т. Шенчю.
- IV. Пивничка, Наталья Козюк.
- V. Воспоминаніе о двухъ малыхъ, М. Ш. Мостемарова.
- VI. Стихотворенія:
 - I. Питання, М. Кулига. II. Де вона, М. Гавриг-Морозовского.
 - Байки: I. Вовкѣ и вівчарі, Л. М. Галъбова. II. Жаба и вилъ, III. Мірошникъ, Р. Витавського. IV. Горлиця и Горовецъ, Л. М. Галъбова.
- VII. Гетманство Выговскаго, I. М. Ш. Мостемарова.
- VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. ГОРОДЪ. Ш. А. Кулига.
- IX. Музыка Южнорусскихъ песенъ, А. Ш. Сьрова.
- X. Гимназическая переписка, Ласовкина.
- XI. Нѣсколько словъ о народности въ религиозной жизни, Г. Т.
- XII. Листы съ хутора, Хуторянинъ.
- XIII. Кладовя, Иванъ Затиркисвца.
- XIV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, А. Л. Ш.....кого.
- XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украйны», Л. М. Жемчужникова.
- XVI. О народномъ языкѣ, А. Л. Ш.....кого.
- XVII. Одь редакціи.
- XVIII. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XIX. Библиографическое извѣстіе.

Кіровоградська область
Облестека Месті
П. І. Чукленко
ИНВ № 999454

8. Дек. 1914

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

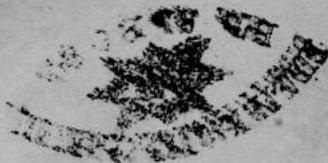
635

•Добра хочу братья и Русскѣй Земли. •

Владиміръ Мономахъ.

1141

1861

АПРѢЛЬ

ИМПЕРИИ КНЯЗЯ СЕМЕЕННА
ВЪ ЛЬВОВѢ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

КОБЗАРЬ.

ХІІІ.

НЕВОЛЬНИКЪ ⁽¹⁾.

(ПОЭМА.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Думи мої молоді —
Понурі дітв,
И ви мене покинули!...
Пустку натопити
Нема кому... Остався я —
Та не сиротою,
А съ тобою, молодію —
Раю мій, покою —
Моя зоре досвітня,
Едина думо
Пречистая!... ти вітаешъ...
Якъ у того Нуми
Тая нимфа Эгерія, —
Такъ ти, моя зоре,
Просієшъ надо мною —
Ніби заговорішъ —
Усміхнєся... Дивлюся я —
Нічого не бачу...

(1) Правобісьмо, одмінне, въ де-якихъ словахъ, одъ нашого звичайного, взято изъ саморучнаго письма Т. Гр. Шевченка.

Прокінуся... сѣрце плаче —
 И о́чи заплачуть.
 Спасі́бі, зіронько!...

Мині́ає

Неясний день мій; вже смеркає;
 Надъ головою вже несé
 Свою неклéпаную кóсу
 Коса́рь непе́вний... мовчки скóсить, —
 А тамъ — и слі́д мій занесé
 Холо́дний віте́рь... Все мині́ає!...
 Згада́ешъ, мо́же, молодáя,

Ві́литу слéзáми
 Мою́ дýму, — и т́хими —
 Т́хими речáми
 Проговóришъ: я любі́ла
 Ёго́ на сі́мъ сві́ті —
 Ї́ на т́мъ сві́ті любі́тиму... —
 О, мій т́хий сві́те,
 Мо́я зóре вечі́рняя!
 Я б́ду ві́тати
 Коло́ тебе, и за тебе
 Го́спода благáти!

Той блука́є за моря́ми,
 Сві́тъ перехожа́є,
 До́лі-до́леньки шука́є —
 Нема́є, нема́є...
 Мо́въ уме́рла; а то́й рве́ця
 Зъ усі́єї сі́ли
 За до́лею... отъ-о́тъ догна́въ,
 И — бебéхъ вь моги́лу!
 А вь і́ншого сі́ромаху
 Ні ха́ги, ні по́ля,
 Ті́льки то́рба, а сь то́рбину
 Вигляда́є до́ля,
 Мовъ диті́нка; а вінъ і́ї
 Ла́є, прокли́на́є

И за чвѣртку закладѣе, — на II
 Ні, не покидаѣе!
 Якъ репьяхъ той, уцѣпица
 За лѣтані полі
 Та й збираѣе колосочки
 На чужому полі,
 А тамъ — снопи, а тамъ — скирті,
 А тамъ — у палатахъ
 Сидить собі сіромѣха,
 Мовъ у своїй хаті.
 Така-я то доля тая, —
 Хочъ и не шукайте:
 Кого схоче — сама найде,
 У колісці найде.

Ще на Україні веселі
 И вольніи пишались сѣла
 Тойді, якъ праведно жили
 Старій козакъ и дітокъ двое.
 Ще за Гетьманщини старі
 Давно се діялось колісь.
 Такъ, коло полудня, въ неділю,
 Та на Зеленихъ ще й Святкахъ,
 Підъ хатою въ сорочці білій
 Сидівъ, зъ бандурою въ рукахъ,
 Старій козакъ.

— И такъ и сякъ!

(Старій міркує, розмовляє.)
 И грѣба бѣ, — каже, — й тріхи шкода.
 А грѣба бѣде; два-три годи
 Нехай по світу погуляе
 Та самъ своєї пошукѣе,
 Якъ я шукавъ колісь.... Яріво!

А дѣ Степанъ? — »А онъ, підъ тінномъ,
 Неначе вкопаний, стоить.«
 — А я й не бачу! А идить-
 Лишень сюді, та идить обѣе.
 А вѣте, діти, отакі! —

И вшкваривъ по струнахъ.
 Старій грає, а Ярина
 Зъ Степаномъ танцює;
 Старій грає, примовляє,
 Ногами тупцює.
 »Якъ-бі мині ліха та ліха,
 Якъ-бі мені свекрівонька тіха,
 Якъ-бі мені чоловікъ молодій,
 До другі не ходівъ, не любівъ! —
 Ой гопъ, чіки-чіки! —
 Та червоні черевіки,
 Та троїсті музики;
 Одъ віку до віку
 Я любила бъ чоловіка!
 Ой гопъ! Заходивсь,
 Зробивъ хату, оженивсь,
 И пічъ затопивъ
 И вечерять наваривъ.« —
 — А нӯте, діти, отакіі! —
 И старій піднявся;
 Якъ ударить, якъ ушкварить, —
 Ажъ у біки взявся.)
 »Чи такъ, чи не такъ, —
 Уродивъ постернакъ,
 А петрушку
 Кришій въ юшку, —
 Бўде смакъ, бўде смакъ!
 Ой такъ, такі такъ,
 Оженився козакъ:
 Кинувъ хату
 И кімнату,
 Та й потягъ у байракъ.»
 — Ні, не така вже — підтопалась
 Старá мой сіла,
 Утомівся.... А все це вї
 Такъ розворушили.
 О, бодай васъ! Що-то ліга!

Ні вже, не до ладу....
Минулося. Иді лишень
Полуднувать лагодь:
Гуляючи, якъ той казавъ,
Шматокъ хліба ззісти.
Иді жъ, доню... А ти, сину,
Послухаешъ вісти.
Сідай лишень. Якъ убіли
Твогó батька Йвана
Въ Шляхѣтчині, то ти ще бувъ
Машенькимъ, Степане, —
Ще й не лазивъ. — «То я не синъ?
Я чужій вамъ, тату?» —
— Та не чужій, стривай лишень.
Отъ, умѣрла й мати,
Такі твоѣ, а я й кажу
Покійній Марині —
Мої жінці: а щó, кажу,
Візьмемъ за дитину —
Тебѣ бъ оцѣ? — Дóбре, каже
Покійна Марина,
Чому не взять? — Взали тебѣ
Ми, та й спарували
Зъ Яриночкою до-кўни....
А тепѣръ осталося
Ось-щó робить: ти на літі
И Ярина зріє; —
Треба бúde людѣй шукать
Та що-нѣбудь дїять.
Якъ ти скажешъ? — «Я не знаю,
Бо я думавъ... тѣе...» —
— Що Ярина сестра тобі?
А вонó не тѣе,
Вонó прóсто: любітєся,
Та й зъ Бóгомъ до шлюби.
А пóки щó, трѣба бúde
И на чужі люде
Подивїтись, якъ тамъ живуть:

Чи óрють,
 Чи не на óраному сїють,
 А прóсто — жнўть
 И не молóченее вїють;
 Та якъ и мѣлють и идѣть —
 Все трѣба знѣть. ✕
 Такъ óтъ якъ, дрўже: трѣба вѣ люде
 На рїкъ, на два пїтї
 У наймитї;
 Тойдї й побáчимо, щó бўде.
 Бо хто не вмїе заробїть,
 То той не вмїтїме й пожитї.
 А ти якъ дўмаешъ, небóже?..
 Не дўмай: коли хóчешъ знѣть,
 Де лўчче лїхомъ торгувѣть,
 Идї ти вѣ Сїчъ. Якъ Богъ помóже, —
 Тамъ наїсїся всїхъ хлїбївъ;
 Я їхъ чи-мáло попоївъ,
 И дóсї нўдно, якъ згадáю!
 Коли здобўдишъ — принесешъ:
 А коли згўбишъ — поживешъ.
 Моє добрó! то хочъ звичáю
 Козáцького наберéсся,
 Та побáчишъ свїта,
 Не такóго, якъ у бўрсї,
 А живї мислїте
 Съ товариствомъ прочитáешъ,
 Та по-молодéчи
 Бўдешъ Бóгу молїтїся,
 А не по-черпéчи
 Харамáркать. Отáкъ, сїну! —
 Помолївшись Бóгу,
 Осїдлáемъ булáного
 Та й гáйда вѣ дорóгу!
 Ходїмъ лишéвъ полўднувать.
 Чи ти вже, Ярїно,
 Змайструвáла намъ що-небўдь?
 Отакé-то, сїну!.. —

»Ужé, тáточку!« озвáлась
Изъ хáти Ярина.

Не їстця, не пьєця и сѣрце не бьєця,
И бѣчи не бáчять, не чутъ головѣ!
Замісь шматкá хлѣба—за кúхоль берєця.
Дивиця Ярина та нѣшкомъ смієця!
— Що се ѣму стáло? Нѣ їсти, нѣ питъ,
Ничóго не хóче! Чи не занедúжавъ?
Братіку Степáне, щó вь тебе болить? —
Ярина питáе. Старóму байдúже,
Нѣби-то ѣ не чýе. — Чи жать, чи не жать —
А сїяти трѣба, — старій промовлáе
Нѣби-то до сѣбе. — А нýмо вставáть;
До вечѣрни, мóже, ще пошкандибáю.

А ти, Степáне, ляжешъ спáть,
Бо зáвтра рáно трѣба встáть

Та коня сідлáть. —

»Степáночку, голúбчику!
Чогó се ти плáчешъ?
Усмѣхнѣся, подивѣся —
Хибá ти не бáчишь,
Що ѣ я плáчу? Росѣрдився —
Богъ знáе на кóго —
Та ѣ зо мною не говóрить,
Утечú, ей-Бóгу,
Та ѣ сховáюсь у бурьянѣ...
Скажи бо, Степáне,
Мóже ѣ справдѣ нездúжаешъ?
Я зїлля достáну,
Я побїжú за бáбою...
Мóже, це зь пристрїту?«
— Нѣ, Ярино, моѣ сѣрце,
Мій рожєвий квїте!...
Я не братъ тобѣ, Ярино!
Я зáвтра покїну
Тебѣ ѣ бáтька, — на чужїнѣ

Де-небудь загину;
 А ти менé й не згадаешъ, —
 Забúдешъ, Яріно,
 Свого брата... — »Схаменіся!
 Ей-Бóгу, зъ пристрігу!
 Я не сестра?.. хтó жъ оцé я?
 О, Бóже мій світе!
 Щó тутъ діять? Батька нема,
 А вінъ занедúжавъ —
 Та ще й умре. О, Бóже мій!
 А ёму й байдúже,
 Мовъ смієця. Степáпочку,
 Хибá ти не знаєшъ,
 • Що безъ тебе п тáточка
 И менé не стáне?« —
 — Ні, Яріно, я не кíну,
 А тільки поїду
 Недалéко. А на тóй рíкъ
 Я до васъ прііду
 Зъ старостáми — за тобóю
 Та за рушникáми...
 Чи подаєшъ? — »Та цуръ тобі
 Зъ тíми старостáми,
 Ще й жартúє!« — Не жартúю,
 Ей-Бóгу, Яріно,
 Не жартúю!.. — »Та це й справді
 • Ти зáвтра покинешъ
 Менé й бáтька? Не жартúєшъ?
 Скажи бо, Степáне, —
 Хибá й справді не сестра я?« —
 — Ні, моé кохáнне,
 Моé сéрце! — »Бóже жъ ти мій!
 Чомý я не знала?
 Була бъ тебе не любила —
 И не цілувала...
 Ой, ой! сóромъ! Гéть одъ мене!
 Пусті менé! Бáчишъ,
 Який дóбрий! Та пусті бо!

Ей-Бóгу, заплачу. —
И заплакала Ярина,
Якъ та́я дитина.
И крізь слёзи промовляла:
»Поки́не! поки́не!«

Якъ той яворъ надъ водо́ю,
Степа́нъ похилився,
Щі́ри слёзи коза́цькиі
Въ се́рці запекліся,
Мовъ у пеклі. А Ярина
То клене, то про́сить,
То замо́вкне, подиви́ця,
И зно́въ заголо́сить.
Несчу́лися, якъ сме́рклося;
И се́стру і брата,
Ніби скóванихъ до-ку́пи,
Заста́въ ба́тько въ ха́ті.

И сві́тъ наста́въ, а Ярині
Не спи́ця, — ридає.
Уже́ Степа́нъ изъ крини́ці
Коня́ напуває.
Й вона́ зъ відрами побігла
Ніби за водо́ю
До крини́ці. А тимъ ча́сомъ
Запоро́зьку збро́ю X
Старі́й ви́нісь изъ комо́рі.
Диви́ця, радіє,
Приміряє, ніби зно́ву
Старі́й молодіє.
Та й заплака́въ. — Збро́е моя,
Збро́е золотая!...
Лі́га мо́ї молоді́ї,
Сі́ло молодя́я!
Послужи́, моя ти збро́е,
Молоді́й ще сі́лі,

Послужи ёму такъ щіро,
Якъ мині служила! —

Вернулись одъ криниці,
И Степанъ сідлає
Коня, свого товариша,
Й жупанъ надіває.
А Ярина дає зброю,
На порозі стої;
Степанъ її надіває
Та плачуть обое.

И шаблюка, мовъ гадюка,
• Й ратище-дрючина,
Й самопаль семипяденний
Повисъ за плечима.

— Ажъ зомліла, якъ узріла;
И старий заплакавъ,
Якъ побачивъ на коневі
Такого юнака.

Ведє коня за поводи
• Та плаче Ярина;
Старий батько пде рядомъ,
Научає сина:
Якъ у війську пробувати,
Старшинъ шанувати,
Товариство поважати,
Въ таборъ не ховатись.

— Нехай тебе Богъ заступить! —

Якъ за селомъ стали
Сказавъ батько, та всі трое
Разомъ заривали.
Степанъ гукнувъ, и кюрава
Шляхомъ піднялася.

— Не барися, мій сїночку,
Швидче повертайся! —

Сказавъ старий. А Ярина,
Мовъ тая ялина
При долині, похилилась...

Мовчала Ярина.
 Тільки слёзи утирає,
 На шляхъ поглядає;
 Изъ кúряви щось вигляне
 И зновъ пропадає;
 Нїби шапка черезъ поле
 Кóтиця, чорніе,
 Пропадає, мóшечкою
 Тільки, тільки мріє,
 Та й пропало. Дóвго, дóвго
 Стояла Ярина
 Та дивилась, чи не вірне
 Знову комашіна
 Изъ кúряви. Не вірнула —
 Пропала! И знову
 Заплакала Яриночка
 Та й пішла додóму.

Минáють дві; минáє літо;
 Настáла осінь, шелестить
 Пожóвкле лістя; мовъ убитий
 Старій підъ хáтою сидить —
 Дочка нездúжає Ярина!
 Ёго єдина дитина
 Покінуть хóче. Зъ кимъ дожить,
 Добіти віку віковóго?
 Згадавъ Степáна молодóго,
 Згадавъ свої благі літа,
 Згадавъ — та й заплакавъ
 Багáтий сівий сиротá. —

— Въ Твоіхъ рукахъ все на світі,
 Твой всюди воля!
 Нехáй бóде такъ, якъ хóчешь, —
 Такá мой дóля!.. —
 Старій вимовивъ, и нишкомъ
 Бóгу помолівся;

Та й пішовъ собі зпідъ хати,
Въ садокъ походити.

И барвінкомъ, и рúтою,
И рястомъ квічає
Весна зéмлю, мовъ дівчину
Въ зелéному гаї;
И сонечко середъ неба
Опинилось — стало, —
Мовъ женихъ той, молодію
Зéмлю оглядало.

И Ярина вийшла зъ хати
На світъ Божий глянуть,
Лéдве вийшла; усміхнеця,
То піде, то стане,
● Розглядає, дивуєця,
Та любо, та тихо,
Ніби вчора народилась...

А лютеє ліхо
Въ сáмимъ сéрці ворухнулось
И світъ запалило.
Якъ биліна підкошена,
Ярина схиллась;
Якъ зъ квіточки роса вранці —
Слэзи полились...
Старій бáтько коло неї
Якъ дубъ похилився.

Одужала Ярипочка.
Идуть люде вь Кіївъ
Та вь Почáївъ помолітись,
И вона йде зъ ними.
У Кієві великому
Всіхъ святихъ благáла;
У Мижигорського Спáса
Тричі причащáлась;
У Почáєві святому
Ридáла — молилась,

Щобъ Степанъ той, доля тая,
 Ій хоча приснілась. —
 Не приснілась!... Вернўлась...
 Знову забіліла
 Зіма біла. За зімою
 Зновъ заземіла
 Весна́ Бѣжа. Війшла зъ хати
 На свѣтъ дивуватись
 Яріночка, та не Бѣга
 Святого́ благати,
 А нищечкомъ у ворожки
 Про ёго спитати....

И ворожка ворожила,
 Пристритъ замовляла,
 Таланъ-долю та весілля
 Зъ во́ску виливала.
 — Онъ бачишь: кінъ осідланий
 Тупае ногою
 Підъ козакѣмъ; а онъ-де йде
 Дідусь зъ бородою
 Ажъ до колінъ. Отѣ гроші;
 Якъ би догадався
 Козакъ отѣ злякѣть діда...
 Злякѣвъ! — та й схѣвався
 За могїлу, лічить гроші...
 А онъ знову шляхомъ
 Козакъ иде, ніби старецъ,
 То, бачъ, ради́ страху,
 Щобъ Ляхи, або Татари
 Часомъ не спиткали. —
 И радесенька Яріна
 Додому верталась.

Ужѣ третій и четвѣртий
 И пѣятий минѣе
 Не малий рікъ, а Степана
 Немає, немає!

И стéжечка-доріжечка,
 Яромъ та горою
 Утоптана до ворóжки,
 Поросла́ травóю, —
 Немá ёго!... У черніці
 Кóсу росплітає
 Безталáнна; коло не́ї
 Падає — благає
 Старій ба́тько — хочь літечко,
 Хочь Пётра дїждаги,
 Хочь Зелéної Недімі...

Дїждались, и хату
 Уквічали гарнєсенько,
 И вь сорочкахъ бїлихъ
 Невесєлі, мовъ сїроти,
 Підъ хатою сїли.
 Сидять собі та сумують.
 Слўхають... щось грає,
 Мовъ на кóбзі, на ўлиці,
 И нїби співає...

ДУМА.

»У неділю вранці рано
 Сїне море гра́ло:
 Товари́ство кошового
 На раді прохало:
 »Благослові, отáмане,
 Байдакі спуска́ти,
 Та за Тендеръ погуля́ти,
 Турка пошукáти.
 Чайкі й байдакі спуска́ли,
 Гарматами рештовáли,
 Зь Дніпрóвого гїрла ширóкого випли́вали,
 Середь но́чі тёмно́ї,
 На морі сінєму,

За островомъ Тендеромъ потопали, пропадали...

Однѣ потопае,

Другій вирнае,

Козацтву — товариству изъ синїї фїлі рукою махае

И зично гукáе:

»Нехай вамъ, панове-товариство, Богъ допомагає!»

И въ синїй фїлі потопае, пропадае...

Тільки три чайки, слава Бóгу,

Отамана куринного

Сироті Степана молодого,

Сїне море не втопило,

А въ Турецьку землю Агарянську

Безъ кормиль прибило.

Тоді сироту Степана

Козакá лейстрового,

Отамана молодого,

Турки — яничари ловили,

Зъ гармати гримали,

Въ кайдани кували,

Въ тяжкюю неволю завдавали.

Ой Спасе нашъ Мижигорський,

Чудотворний Спасе!

И лютому ворогові

Не допусти впасти

Въ Турецькую землю, въ тяжкюю неволю!

Тамъ кайдани по три пуди,

Отаманамъ — по чотїрі...

И свїта Божого не бачать, не знають, X

Підь землею камїнь ламають,

Безъ сповїдї святої умирають,

Якъ собáки здихають.

И згадавъ сиротá Степанъ въ неволі

Свою далеку Україну,

Нерідного бáтька старого

И кóника вороного

И нерідну сестру Ярїну...

Плаче, ридáе,

До Бóга рúки зди́мае,

Кайдани ламáе,
 Утікає на вольную волю...
 Уже на третёму полі
 Тўрки — яничáрі догна́ли,
 До стовпа́ вьяза́ли,
 Очі вийма́ли,
 Гарячимъ залізомъ ви́пика́ли,
 Въ кайдани кувáли,
 Въ тюрму посади́ли
 Та й замурува́ли...»

Отта́къ на ўлиці, підъ тино́мъ,
 Ще молодий кобза́рь сто́явъ
 И про нево́льника співа́въ.
 За тино́мъ слўхала Ярина,
 И не дослўхала: — упáла.

»Степа́ночку! Степа́ночку!
 Крича́ла, ридáла.
 »Степа́ночку, моє се́рце!
 Де жъ це ти барився?
 Та́ту! та́ту! иди́ть сюди,
 Иди́ть, поде́вітесь!« —
 Пришо́въ старий, розгляда́е,
 И свого́ Степа́на
 Не пи́знає. Таке́ зъ ёго
 Зроби́ли кайдани.

✕ — Си́ну ти мій безтала́нний!
 Мой ти дити́но!
 Де ти въ сві́ті погиба́ешъ,
 Си́ну мій еди́ний? —

Пла́че старий та ридáе,
 Й Степа́нъ слі́пий пла́че:
 Невидю́щими очі́ма
 Мовъ со́нце побачи́въ,
 И беру́ть ёго́ підъ ру́ки
 И ве́дуть у ха́ту;

И вітає Яріночка
 Мовъ рідного брата;
 И голову ёму змила
 И ноги уміла,
 И въ сорóчці тонкій, білій
 За стіль посадила;
 Годувала, напувала,
 Положила спати
 У кімнаті, — и тихенько
 Вийшла съ батькомъ зъ хати. ✕

Черезъ тиждень безъ старостівъ
 За Степана свата
 Старий свою Яріночку, —
 И Яріна въ хаті... ✕
 »Ні, не треба, мій таточку,
 Не треба, Яріно!« —
 Степанъ каже. »Я загинувъ,
 На віки загинувъ!
 За щó жъ свої молодії
 Ти літа погубишъ
 За калікою, Яріно?...
 Насміюця люде,
 И Богъ святий покарає,
 И прожене долю
 Зъ ціі хати веселої
 На чужее поле...
 Ні, Яріно! Богъ не кине
 И знайде дружину;
 А я підú въ Запорóжжя:
 Тамъ я не загину, —
 Нагодують.« — Ні, Степане,
 Моя ти дитино!
 И Господь тебе покине,
 Якъ ти насъ покинешъ. —
 Оставайся, Степаночку;
 Коли не хочъ братись,
 То такъ будемъ: я—сестрою,

А ти будешь братамъ
 И дитми ёму обое,
 Батькові старому,
 Не йди одь насъ, Степáпочку,
 Не кидай насъ знову!..
 Не покинешь?.. — »Ні, Яріно!« —
 И Степáнъ остався.
 Зрадівъ старій мовъ малéнький,
 Ажъ за кобзу звівся,
 Хотівъ вшкварить метéлицю
 Зъ усієї сіли,
 Та не вшкваривъ...

Підъ хáтою

Усі трое сіли.
 »Розкажи жъ ти намъ, Степáне,
 Про свою недóлю;
 Бо й я такі гулявъ колись
 Въ Турецькій невóлі.
 — »Отó жъ менé, вже сліпого
 На світь випускали
 Зъ товариствомъ. Товариство
 На Січъ прямувало
 И менé взяло зъ собою,
 И черезъ Балкани
 Простáli ми въ Україну
 Вольними ногами,
 А на тихому Дунáю
 Насъ перебігають
 Січовики-Запорóзці
 И въ Січъ завертають..
 И розказують и плачуть,
 Якъ Січъ руйнували,
 Якъ Москалі срібло, злóто
 И свічі забрали
 У Покрóві; якъ козаки
 Вночі утікали
 И на тихому Дунáю
 Новимъ Кошемъ стали;

Якъ цариця по Київу
Зъ Нечосомъ ходила...

— — —

И якъ степи Запорозькі
Тоді поділили
И панамъ, на Україні,
Людь закріпостили...

— — —

Оттакъ, тату! Я щасливий,
Що очей не маю,
Що нічого того въ світі
Не бачу й не знаю...

— — —

Оттакé-то! тїжко, тату,
Изъ своєї хати
До Турчина поганого
Въ сусіди прохатись.
Теперь, кажутъ, въ Слободзѣі
Останки збирає
Головатий, та на Кубань
Хлопцівъ підмовляє...
Нехай йому Богъ поможе!
А що зъ того буде —
Святий знає: почуємо,
Що розкажуть люде. —

Отакъ вони що-день Божий
У двохъ розмовляли
До півночі, а Ярина
Господарювала,
Та святихъ отихъ благала...
Таки жъ улагала:
На всїдній у неділю
Вона спарувалась
Съ слїпимъ своїмъ....

Такéе-то

Скóилось на світі,

Мої любі дівчаточка,
Рожеві квіти!
Такее-то. Одружились
Мої молодії.
Може вонó й не до ладу,
Та щó маю діять,
Коли такé спдіалось.

Рікъ ужé минае,
Ужé й другий: Зъ дружиною
Ярина гуляе
По садóчку. Старий батько
Сидить коло хати.
Та вчить внука пузанчика
Чоломъ отдавати....

Т. ШЕВЧЕНКО.

ДВА СИНИ.

(М. А. Максимовичу.)

I.

Чоловікъ умеръ, двоє дітокъ мнѣ покинувъ, два сині. Треба мнѣ заробляти, треба своїхъ дітокъ годувати. Не справлюсь самъ. Тѣ продала, тѣ продала — усѣ попродала. Вѣжко намъ убогимъ своє добро збувати — що воно въ насъ кровью обкипіло!

Збула... клопочуся, бідкаюся — зъ нѣчи до нѣчи. Ніколи гараздъ и діточками втішатись....

А дітки ростуть, уже й вьютця коло мене и щебѣчуть — мої соловейки.

II.

Андрійко бувъ у мене повновидий, яснобкий, кучерявий; веселий бувъ хлопчикъ, жвавий. Було за день добре мнѣ впечѣтця своєю пустотою, а ще лѣтче розважить. И посварюсь, и поцілую єго. Вінъ бувъ старшенький.

А що вже Василько, — тихий, сумірний: и въ хаті не чує, и надворі невидно. Бувъ якийсь задумшливий зъ-малку. Чи те, що вінъ у такую тяжкую годину народився, хутенько після мого чоловіка, чи такую вѣдчу єму Богъ давъ.

Андрійко село обіжить, — вернетця червоний, сміючися, пустюючи; а сей, гледи, підъ хатою де-небудь сидітме: землєю пересипаєтця, або зілля всякі вишукую; роскопує щось — робачка шугребе, або метелика вловить, — дивитця, думає.... Гукне Андрій, вінъ увесь издригнетця. А коли, то було ляже въ садку,

та цілісненький день и пролєжить нерухомо, мовъ прислухаетца до чо́го.

»Що се задумався, сїну?« спитаю.

— Який сей світъ великий, нене!

Ще хлопьямъ бувъ, приземкомъ, а всі вже зілля знавъ — и якъ зветца, и де й коли процвітає, и якимъ цвітомъ, — и коли пташки у вірай одлітають и коли прилітають зъ вірею — усє вінъ тее знавъ.

»Се єму такъ Богъ давъ!« було мнї кажуть люде. »Не хайте єго, — се єму такъ Богъ давъ!«

III.

Отó було тіми вечорами довгими осінними, якъ вже стómить менє робота, — заберу обойко до себе на колїна, та почну на добрий рóзумъ навчати — якъ вмїю, такъ и навчаю... розкажую їмъ и про те, и про друге, — толкуюся зъ ними. Отъ же, мій Андрийко хутко и заскучає; такъ вінъ и варитця: очи собі тре, и позїхає, и зітха. »Пустїть вже, мамо!« прóсїтця. А скóро пустївъ, чо́го не загадає! И гомонїть, и пустєе — по́ки й сонъ змóже. А Василько бóде хочъ цілечку нічъ тую довгу изо мною сидїти, менє слухаючи, та мнї вь вічи пильнєсенько дївлячсьє.

Поснемó. Вь-ночі прокїнеся, — не спить Василько мій.

»Сїну! Чому не спишь?«

— Такъ... не хóчу!.. Чо́го, мамо, нічъ тёмна-невїдна? —

»Такъ Богъ давъ, дитино, що тёмно у-ночі... Спи«, кажу єму, »спи!«

Вінъ и змóвкне... Тїльки довго ще непокійно ворóчатця.

Булó, якъ місяць вь вікóнечно засвітить, Василько дївїтця, очей не звóдячи. А я одъ людєй чўла, що недóбре, якъ на сонних дїтєй місяць сїпле промінїямъ, — то й укриваю булó їх и на́казую Васильковї: »Не дивїсь, Васїлечку, на місяць: не годїтця!« Вінъ и зітхне... Тó вже вь радї-годї упаде така нічка, щобъ вінъ спочївъ тїхимъ дўхомъ, абó зовсїмъ нема єму сну, абó-жъ снї непокійні снїтця.

Андрийко не такий. Уже зоря занялась, вже й сонечко зїшло, а вінъ мїцнїмъ сномъ виспаєтця, роскїдавсьє-розгорївсьє...

Якъ ёго зъ-вѣчора трѣдно упорхати, такъ и піднятъ у-ранці. А прокїнувся вінъ, мій пустунчикъ, — и гўкомъ ёго въ хаті, ажъ сохи движять! Нў бігать, гомонїть, гайпувати, ажъ усє піде жўжмомъ! А самó такє радєє, весєлє, мїлє!... До тó вжє, хочъ жáлко, не жáлко, а трєба винїнїть: и пострахáєшъ булó и покрікнешъ на ёго....

Васїлькó мєншенкїй, а навчáє стáршого брáта. Андрїйкó скóрий бувъ, палкїй, якъ їскра; то булó трїчи на день и бїльшъ посвáритця зъ дїтьми на ўлиці, атó й побѣтця за яку пустóту.

»Андрїйку!« каже тоді Васїль, »а щó ти невесєлїй!«

— Бивсь, óтъ щó!

»Отó-то й бáчишъ, Андрїйку, щó за твою пустóту тобї и не минўлось; а якъ-бї ти не завóдивсь, то й не смутковáвъ би те-перъ, и не стїдно бъ булó, щó тебе попобїто!«

А Андрїйкó ёмў своó:

— И такъ сидїть нўдно!

Та зновъ югнє зъ хатї, — и слїдъ загўвъ!...

Тїхий бувъ Васїлькó, розсўдливїй. Хтó ёго й на рóзумъ дóбрїй наставлявъ, Госпóдь ёго знає! Чи піде булó, чи не піде до товáриша, вжє й повернўсь, вжє й дóма: не засїдитця, не за-граєтця піде. Такъ и зрїєть на самотї, самъ изъ собóю.

Не говіркїй бувъ, не смїшливїй. У кóго вжє вінъ вдáвся та-кїй! Андрїйкó, то всїхъ дївчáтъ у селї знає. Рóбїть и дїло, щї-рїмъ сєрцемъ рóбїть, а годїнку урвє собї на гуляння парубóць-ке! Сей же, якъ до чóго ставъ, — и очєй не зведє и дўмки нї на щó не звєрне — уся душá ёго въ рóботї.

IV.

Дїти мої, дїти мої!

Пройшла въ насъ чўтка — некрўтчина сєгó рóку бўде. Якъ я почўла, náче менє хóлодомъ обнялó. Поглянула на своїхъ паруб-кївъ: щó-то за хорóші, за молодї, Бóже мїй дóбрїй!

Одногó ранку — бодáй такóго нїхтó не оглядáвъ! — скáзано мнї, щó на чєрзї Андрїйкó у некрўти

Збїраю остáнне, споряжáю ёго.... Яковó-то свою дїтїну на

ліхо, на бідү впряга́ть! Хто то́го не зна́е, неха́й-же мене́ спи-та́е!... А вінъ, то на моїхъ очя́хъ вже привья́въ.... Дё той по-глядъ молодёцький, дё всміхъ весёлий!

Чи міні-жъ те́ опові́дати, що не одна́я нёнъка старá хлоп-цеві́ се́рденько слізьми́ вьялі́ла? Пла́кали и молоді́ о́чи за нимъ, за ё́го га́рною вро́дою! Любо́ вінъ пі́сні виспівуе́ бу́ло ясними зоря́ми. Го́лосъ ё́го по усёму́ селу́ разляга́етця. Отъ же й виспи-вавъ со́бі дівчи́ну лю́бу та га́рну. Літнёі́ порі́, тихими́ та те́п-лими́ но́чами, леж́у бу́ло до́вго безъ́ сну, — дү́маю та горю́ю, и чу́ю бу́ло розмо́ву їхъ́ тиху́ та лю́бу.... Сподіва́лась я невісточ-ки, якъ́ ла́стівочки, со́бі на вти́ху.... Пішла́ мо́я сподіва́нка слі-домъ́ за некрү́тами!....

V.

Ка́зано вь́ се́реду везти́ новобра́нцівъ́ по обі́ді. Сиджу́ я та до-жида́ю ти́ години, — коли́ вбіга́е мій Васи́лько зади́ханий, блі́дий, и за нимъ́ два чо́ловіки вь́ ха́ту.

»Панима́тко! споряди́ть обо́хъ... панъ́ звели́в и Васи́ля бра́ти!«
Я віри́ не йму́ імъ́....

»Не бу́де се́го!« та́ки на їхъ́ каж́у... »Аже́-жъ панъ́ самъ́ люди́-на Бо́жа!«

— Ні, ма́мо, — промо́вить Васи́ль, — такъ́ воно́́ дісне́ е́сть, якъ́ вони́ то́бі сказа́ли!

И всі́ мене́ вмовля́ють, а вь́ мене́ се́рце на́че заме́рло: и чу́ю, що гово́рять, и ба́чу їхъ́, а до се́рця ніщо́́ міні́ не дохо́дить....

VI.

Ви́їзджали́ три трóйки. Усе́ новобра́нці. За ними́ ри́дъ іде́, проважа́е. Си́ла й я міжъ́ своїми́ синя́ми, іду́. Шляхъ́ мигти́ть; га́й та поля́ на о́чи наби́гають....

И такъ́ міні́ ста́лося, на́че я дити́на ма́ла: не розумі́ю нічо́-го, не зна́ю, не пам'ята́ю. Тільки́, якъ́ гля́ну на дитё́й, то стра́ш-но ста́не.

Пріхали до приёму, повелі їхъ, а ми стоімо, ждемо. Менé мовъ сонъ хілить; та будять менé — хто плачёмъ, хто риданнямъ. Пёршихъ вівели моіхъ... Господи, Бóже мій! Ти жъ у насъ великий, ти жъ мїлостивий! Лúчче бъ я у зéмлю поховала їхъ обóхъ!...

VII.

Привелі менé у тёмну якусь хатїну — землїнка, чи лéхъ, чи щó воно такé, не скажú. Якїйсъ москаль сидїть: головáчть, розкошланий, невмїваний, підъ щотиною увéсь, якъ іжáкъ. Се бóде їхъ старший, дядько....

Клáняюсь, прошú: »не оставте ласкою вáшою, добродїю, и моїхъ синівъ!«

Даю ёмú, щó змоглáсь, грошеня́тъ; атó полотна́, и на дїтóкъ дé-щó....

»Не журісь, старúшка«, прохрипівъ; »трóшки вáші синкі поскучáють — безъ тóго не мóжна вь світі, а тамъ злюбитця: молóдці бóдуть, отъ якъ и я, приміромъ кáжучи!«

Поглáнула я тоді спїльна на ёго: червóний, обдúтий якїйсъ вїнь, óчи вь ёго якóсь помéрхли... Бóже-жъ мій!.. А мої синї, мої голубї сїзі! Щó у їхъ душá тепéреньки святá, и поглядъ ясний, и любї обличчя квіткою процвітають!...

VIII.

Попроцáлися. Провелі менé дїти за мїсто...

Отъ щцé й-дóсі, якъ вїберетця літомъ день гарячий, дúшний, то й згадаю собі те прощáння вáше: отъ, идемо мїстомъ... позачїнювані будїнки, запїняні вїкна скрїзь; за мїстомъ сосніна тёмна, далéка заступїла шляхъ пісковáтий; сýне передъ очїма по піскú риплївий вїзь, на небї сóнце пекúче....

IX.

Зостáлася я самá-самісінька, недугúючи. Нї сну миві, нї одпочїнку. Роблю черезъ сілу, нічóго не знáю, не чúю....

Минає рікъ и другий и п'ятий....

Обняла мене мовъ хмара чорна; тільки й світатця мині, якъ дві зіроньки темної нощі: то дітоньки мої!

По Різдві, сиджу я одного вечора, такъ вже у пізні лігови, пряду.... Надворі завір'юха, ажъ у вікна б'є, и світло мигт'ить....

Коли — стукъ, стукъ! Одчиняю — Василь!

»Василечку, с'ночку мій! а Андрійко д'є?...«

— Немá вже, мамо, Андрія! Лігъ Андрій, мамо — та й не встане вже!

А я наче знала: я ёго що-дня въ Бóга, що-ночи оплакала!.. А жити б'є такóму, та жити! На віристь и на силу й на лічко у ба́тька удавсь: отъ же за ба́тькомъ и на той світъ погнався!...

»Зстáрили ви, ненько!.. Якъ вамъ тутъ жилóся? нужді при- нялі?...«

— А такъ мині жилóся: устаю — плачу, и лягаю — плачу, такъ мині жилóся!

»Я, мамо, до васъ умірати прийшовъ!...«

Придивлюсь до ёго: лишенько моє!.. вонó й молодé, та вже надломлене!

— С'ночку мій! бодáй би я не д'ядала твого слóва почути! Отъ же то щіра правда була, що вінъ сказавъ.

Тáne й тáne мій Василько, якъ свічка. Полéжавъ, похирівъ — та на весні й переставився.

Дé ёму й жити було! Вонó й росло такъ, абі слава, а ті в'иправки та похóди силу зъ ёго усю в'їбрали....

— Не на те народивсь, мой ма́ти, щобъ мині людéй на вій- ні трáтити! — було ка́же; — не для такихъ, якъ я, війна, й воєвникъ зъ мене не жвáвий!

Якъ вже въ тяжкóму недúзі лежавъ, то все було дúма та дú- ма та дúма собі.

»О Бóже, Бóже!« заговóрить, »який у тебе світъ крáсний! А я й не навивсь у світі, а я й не навчився, я й не знаю ні- чо́го!...«

И въ остáнню годину промóвивъ:

»Не живъ я, мамо, на світі! тільки зб'рався жити!...

Молодé, то якъ косóю скосило... А я зостáлася....

X.

Тільки мині й потіхи, що коли присвѣтця мої дітки. Та все свѣтця вони маленькими, а парубкѣми ніколи не присвѣтця.

И якъ живіи вони стоять передь душею моєю:

Андрійко весѣлий, кучерявий, ніби по хаті бігає та гомонить, а въ хаті ясно, ясно! Василько надь квіткѣми та зіллями сидить, задумався....

Проківусь... пүсто! робота дожидає; треба жити, треба діло робити, треба терпіти горенько...

Живу; дивлюсь, якъ хата вѣлитця. Чую, що й самá я піломъ припадаю... якось дурнішаю, якось туманію, наче живá у зѣмлю вхожу....

216
МАРКО ВОВЧОКЪ.

ТІТКА НАСТЯ.

— — Тоді не такъ ще було, якъ теперъ! Теперъ и жилётки у насъ, и всяка дурниця; або ще іноді й самовари... Інший, поки не головувавъ або не прикажчикувавъ, — каша, може, зъ мякїною, борщъ — димъ зхоплюетця; та якъ и одіася людськимъ по́томъ, — сіре тобі, звиняйте, якъ той кнуръ сірий товстїй: »мені«, каже, »отто свіжопросо́лня« — риба — якъ пахнуть!« а линтваревий кожухъ — за півмілі чинбарьськимъ квасомъ; а »живить«, каже, »пáрить!« Й-й! не такъ би тебе, голубе, попарити!

Такъ-то, кажú, теперъ! И тоді люде любили и хóроше изходить, и смáшно ззієти; тільки все те́е — не забували, якъ було батькі й діди, а найпáче, що батькі й діди — може й ви чули.

Прихóдить оди́нь со́тений оса́ула до свого батька: »Повкóвникъ, татусь, каже, »хóче мене́ цифéромъ записать!« — »А ти жъ ёму́ щó?« — »А щó жъ би я ёму́? Кажú, батька, підú, зпитáю.« — »Тó-то жъ, ти мені гляди! атó онъ бачъ« — на ціпурú. »Скажи«, каже, »повкóвникові, що люде бóдуть сміятьця!«

Одже тітку и тоді вже було, на́веть було татусь: »Ти«, каже, »сéстро, старосвіцька лю́дина!« Усмíхнётця було покійниця, та ще й руко́ю — сількись, мовъ, — чи такъ, то й такъ!

Старосвіцька бу́ла лю́дина, дúже старосвіцька!

Синь було зъ Грúзїи хустóкъ усякихъ шовкóвихъ, матерїй турецькихъ та персїдцькихъ. — »Про смерть, на цёрковъ, по́намъ!« або пороздарóвye намъ, дядьковимъ, або отъ Кібченятамъ; а сама — матірчатий платóкъ, керсётъ зъ рука́вами, зелéні смужкї... запаскї, та ще щобъ и ляхівка, черевїки або чóботи — и вся невели́чкая!... Ахъ, и забу́вся — хúстка ще!.. у по́яса: безъ неї, якъ то ка́жуть, и не стúпить! Домотка́на, и тамъ — за́полоччу, або-що.

И такъ було вона, и въ будень, и въ свято. А міжъ люде, або въ церковь, кожухъ зъ стоячимъ комірцемъ, зімою, — сіроні-мєцький верхъ; а літомъ — голубій халатъ.... Иноді, якъ лучитця було зъ нею до родичівъ-панівъ: »Та ви бь, тітусю, що небудь!« звисно, діти. »Отъ Бігъ зна що! старі вибачають!« або: »Чого ви, каже, »турбуєтесь? Сьго не знімуть, кращого не дадуть!« — и чи до Кібця, то й до Кібця, хоть все теє куді попанячилось и пиндючитьця почало!.. або и до самого Петельки — и вінъ намъ зъ рідні доводився.

И було якъ придемо — ми жъ не знаємо, куді и повернутьца, а найпаче, якъ ще панство; а вона, мовлявъ — изогнўвшись, въ тихъ черевігахъ и въ голубому халатику — стукъ тихенько ціпчкомъ по горниці, стукъ!... Тихая у покійниці, и мова, и хода була.

Та и у всємў було вона! Достаточокъ бувъ гарнєнький: сусідскихъ хатъ зо три, чи зъ чотірі, клўнка, коміркі... волівъ супруга добра — що такі одъ покійника Буркўти, а то и синь; а въ хаткахъ, не тільки черезъ сїни, а и въ мїті: и пічъ, и піль... лави, полиці, стілъ на коникахъ, мїсникъ коло порога....

Старосвіцька, кажў, була людина, дўже старосвіцька!

Покі тільки здўжала, — и садить було, и полеть, жне, варить істи; хоть, якъ кажў, про одну дўшу и батечки бь! Покійникъ татусь не разъ — та чи тобі жъ, мовъ, старўючи! »Ти бь ужє«, каже, »утихомірлась: у тебе жъ, слава Бѳгу, сусїди, наймитъ, наймичка!« — Итъ, Бігъ зна що ти, Пєтре! на тєс, каже, »Бѳгъ и рўки давъ! Не вжє жъ тільки сидїть, зложивши їхъ, та готѳве істи?«

И було така, що чи въ кумпанїі, чи такъ міжъ людьми, рідко-рідко коли розгўторитця! та й то ще не зъ усякимъ, а хто тамъ ужє по душі, отъ, приміромъ, зъ матусею — нехай легєнько її згадаєтця, мої старєнькі! Ті тамъ и се, и те: »ми«, мовлявъ, або »наші батькі и дїдїс; а вона — рукою підъ щѳгу, або на свїй ціпчокъ, слўха. Иноді жъ усміхаєтця, ніби весєленька, а иноді — ажъ лице осўнетця, мовъ яку путь довгу, або коло мерця три нѳчі....

А щѳбъ оттамъ розсєрдитьця, погримать — на наймита, або такъ на кого — ніхтѳ и не чувъ ніколи, и не бачивъ! Дўже-дўже велико вжє було: »о бодай же тебе!« а то — »хїрний!« каже. Той тамъ кобилу припустївъ до новїхъ стїжківъ, — сноні повицўплю-

вала, або друге вшкóдивъ: »Оце, ти«, каже, »хїрний, и кобилу припустївъ!« Та такї, здаётця, вона и не вмїла лаєкъ тамъ, або слївъ якїхъ, що йноді и жонóта: »сякого такого сїна, сякої такої дочкї!«

Разъ тїльки нинáче розсёрдилась, та й то, не якъ їнші люде — зъ татусёмъ покїйникомъ. И за що вони, Богъ їхъ святий знає! Одно 'дногó любїли дўже, и татусь багáто допомагáвъ, — отъ якъ и Буркўта, кажутъ, вмеръ, и потїмъ, якъ її Степáна въ Грўзїю зъ Грáникомъ... Мóже, чи ни за ёго и вїйшло! До покїйника дохóдять булó чўтки, чáсто булó рёмствуе, що нїби обїжá нáшого. А мóже, и за що друге — Богъ їхъ, кажў, святий знає! И такъ воно скóро якóсь тée вчинїлося!

Я малїмъ хлопьямъ ще тоді бувъ, сáме по надвїрю, — и байдўже, що тамъ у хáтї. Коли вбїгáю, въ свїтлицю, и такъ, знаєте, ще прожóгомъ: матўся на дзїглику колó грўби, блїдáя, — и смутнáя-смутнáя! гóлову повїсила; протї неї тїтка, тежъ на дзїглику, хустїною слези... а покїйникъ у покўтнёго столá, виправився, и бчї, що все булó ажъ дрижить.... Я такъ и прикипївъ до землї!

Трóхи погодя, тїтка встáла и мóвчки зъ свїтлицї; за нею — матўся, я.

Вихóдимо на рундўкъ, а тутъ и сестри: »Чогó се ви, тїтўсю, чогó?« Тїльки плаче, и нáймитовї скорїше — кобилу; а запригъ — мóвчки, и поїхала.

Мовъ теперъ се бáчу!

На рундуцї, плачемо, вона їде, їде, — мовъ старїй богъ зъ двору зхóдить.... Вже до ворїтъ, за двїрь.... А далї матўся, мовъ у сёрце її кольнуло: »О, Царїце жъ мої небесная!« — за нею, ми... »бóже нашъ старїй, бóже! тїтўсю!«

Якъ ужé вона ублагáла її вернўтьця, нїчогó не памятую — коли теє у Бóга дялось! Памьятую, якъ ужé вернўлась, и ми за нею въ свїтлицю.

Татусь тамъ же такї, колó покўтнёго столá, лїктемъ обперся, на долóню гóлову. Сёрце, вїдно, пройшло вже, тїльки смўтокъ великїй.

Ввїшла, тихенько до ёго; вставъ, собї тихенько.... Разъ поцїлувáлись трїчї нáвхрестъ, у друге, у трёте, — и зноу, де сидїли... У брáта зъ сестрою тїха розмóва, оббе люде старосвїцкї — нечїсть якáсь!... Замóвкли, пролїзла — зноу тїха розмóва у брáта зъ сестрою, оббе старосвїцкї люде....

Одже, и що бь б́ачця! С́ерце, якъ каж́у; а щоб́ь тамъ най-
митъ, аб́о сусиди,—та и крий Ѓосподи! Чи такъ уж́е її поважа́-
ли, що, мовля́въ, и кривоѓо сл́ова бойлис́ь, — чи вм́ила; а якъ
вшќодить бу́ло, «о, бода́й же!» мовъ... «та л́учче б́ь», ка́жуть бу́-
ло, «зря́ду тр́ичи на сп́овидь!» а вмовля́е бу́ло на сп́овиди Верть-
кíвськый п́ипъ д́уже!

У не́ї кítъ Спорíшко бувъ—л́итомъ за́вжди в́ь спори́ші ко́ло
ха́ти, за те и Спорíшкомъ. А ми ще и Приц́удуватимъ. Оце́, при-
м́ромъ, сидítъ бу́ло пídъ полómъ, прислу́ха́етця, якъ мишеня́та по
пíркáхъ, аб́о па́рить че́рево на ко́мини, но́ги одки́давши, — та зря́зу,
ни́нче якýй ѓаспидъ ё́го, до тебе!.. и чобítъ ла́пами по щока́хъ, по
щока́хъ! по́ляпаса ё́му!... Такъ на́веть отто́й Приц́удуватий. Якъ
розб́исну́етця бу́ло оце́—а бу́ло якъ розб́исну́етця, то и ха́та ё́му
тíсна́: и по столу́, и по ла́вахъ, и по м́иснику — то неха́й бу́ло
тíльки покíйниця «оце́, мовъ, х́ирний! го́ди вже тоби́!»—тиць, де
бъ тамъ ни бувъ, и ў́ші насторо́шивъ! «Тоби́, тоби́, не ви́ляй хво-
сто́мъ!»—терне́ ла́пою за одні́мъ ў́хомъ, по́гíмъ д́ругою за д́ругимъ,
куса́, бачъ, щосъ ё́го—хíтра прокляту́ща зви́рина бу́ла—и пíде,
пíде тихе́нько, мовъ нестрéпени́й! и хiба́ пídъ ла́вою вже, за за-
кабл́у́къ тамъ тебе́, аб́о за халя́ву!

А вже що отті́ колíстрáтори вся́кі!... Зна́ете, якi вонí йно́ди
у насъ: и чва́нитця, инд́ичитця... ро́тъ-безъ-заворо́тъ, вся́ке чо́рт-
знащо вара́йкае: «И та́кий я, и та́кий тамъ ѓаспидъ!.. мiй оте́ць,
моí дíти...» дивítьця и сл́ухати гíдко; а тíльки неха́й вонá тутъ....
мовчязна́, и зогну́вшись, и тамъ де-небу́дь в́ь кутóчку, аб́о ко́ло
поро́га—та ба! мовъ ё́му язíкъ поц́упитъ в́ь сере́дину! Др́евня
людина́, зна́ете, зна́ла не тíльки iхъ, а и iхъ батъкíвъ и дíдiвъ;
и якъ-би до чо́го, и почала́ роска́зувати,—не одному́ б́ь при-
шл́ось, якъ то ка́жуть, у сíрка очéй позичáть. Та та́кі бу́ло йно́-
ди и донечу́ть, отъ якъ разъ Рíпиця у Петельки́—не сей Рíпи-
ця, що тепе́рь, а ё́го батъко́.

Та́кий, зна́ете, вiнъ великорозу́мний бувъ, той Рíпиця: на-
кру́тить-накру́тить оце́ верже́тъ, ажъ стричíть, мовъ у квака́ чу́-
бикъ, та ще й го́лову на́бiкъ: «Та вонó», ка́же, «такъ, а загля́нь
лише́нь в́ь за́кони!»—все бу́ло зъ тíми за́конами, ни́нче д́урень
зъ ст́упою! А якъ пья́ний, то таке́ жъ тоби́, прости́ Ѓосподи, пога́-
не, таке́ в́iдливе, що возьми́, та пря́мо и наплóй ё́му середъ ло́-
ба!... Отъ разъ вiнъ и заходíвся у Петельки́, пídъ пья́ну ручъ.

Та одігáтьця стáла, такі въ свѣтлиці — зáвжди булó, и одігáетьця и и роздiгáетьця въ свѣтлиці, де бѣ ни булá; а винь: »чогó та й чогó, прóбі, стóитця оцѣй халáтъ?« та ще й гúби зшйлить, кепкóвáть би то, брiдкий, зъ старóй людiни!... Ми жъ зъ матусею не знáємо, якъ-то кáжуть, куди й подiтьця — татусá на той разъ у Петельки не булó; а вонá хотъ би тобi óкомъ змигнула! застiбá повáгомъ гудзикъ пiдъ бородою — рúки тiльки нiби тримтiть.... »Оттого й оттого«, кáже, »стóитця!« — »Поцiнно«, той, »поцiнно — одѣжина хотъ би й княгинi!« Не вiдержала напоследокъ покiйниця! »Се«, кáже, »Онiську Семѣновичу« — Онiськомъ Семѣновичемъ ёго — »се«, кáже, »теперъ вонó поцiнно здаетьця, грóші дешѣвшi стáли; а якъ купувáвся сей халáтъ, тодi грóші дорогi булi. Тодi... Вамъ«, кáже, »покiйникъ вашъ панотецъ, мóже, розкáзувавъ, що за такі грóші, абó ще й тогó дешѣвше, тодi въ Кiевi пáнство мóжна булó купiть!« — а Рiшиця, знáете, бувъ зъ такихъ, якъ би й ми грiшнi, та тiльки бáтько ёму чiна, въ Кiевi, за три четверикi пшеницi.... Якъ сказáла вонá се, тодi Рiшиця, якъ той цúчикъ, вхопивши óблизня. А тутъ ще й Петелька, спасiбi ёму, — за насъ рúку потягъ. Подождáвъ трóхи, щобъ такі не такъ вже дúже: »Чи ви«, кáже, »Онiську Семѣновичу«, придiвлюючись ёму до бороди, — що-недiлi, мовъ, оттáкъ гóлитесь?...

И булó такъ покiйниця: куди бѣ ни iкала, а вже безъ паланицi не мóжна. »Годiтьця такъ!« И приде, склонiла головою, добрiдень, чи якъ прихóдитця, и напередъ усѣго — зъ хустини и на стiлъ ii! а вже потiмъ, и привтáтьця, и щобъ тамъ наддiгтiсь.

И гостiнцiвъ тежъ булó дiтямъ, — нiкóли булó безъ гостiнця! »Свáримось«, кáже, »трѣба и голúбити. Чимъ же«, кáже, »и згáдувать iмъ бúде старú?« И не те, щобъ тамъ медяникiвъ, абó другóго чогó, городськóго — нi, сѣгó у неi не булó нiкóли. А отъ: насiнячка по жiнцi... коржá медяногó, абó прóсто по шматкú книшá абó гречáника. »У зáйчика«, кáже, »однялá! Бiжить«, кáже, »и несé, — я и однялá!« И якiмъ смашнимъ намъ здавалось, що вонá у зáйчика однялá! Такъ якóсь умiла все вонá, — якъ то кáжуть, всяку копiйку рúбомъ.

И чи й до неi булó придемо: дúже любiла пáдатьця колó насъ; а щобъ тамъ пúндикiвъ якiхъ, прищiвъ — нiкóли! И не одъ свiáрости, абó, сказáть би, нi зъ чогó — нi! такá вже людина!

На обідь було оцѣ — борщъ зъ мясомъ, каша зъ молокомъ, и дуже-дуже вже багато, якъ ще й вареники; для забавки — насіннячка, а иноді й вареної по чарупинці: «сес», каже, «можна»; на полудень — ковбаси, або кришеніківъ сала... Було дядькови — звісно, мазаніші — мўлятця: «Не копільте», каже, «дітки, губокъ, не копільте! їжте, вонó смашніє!» — и ті, мовъ не певні, уплітали кришеніки.

А щобъ тамъ тарілокъ білихъ, або виделокъ и ножівъ — тогó й заводу въ неї не було. Просто: на деревїні тарїльці — хлїбъ, на другї — сіль... білі ложки деревїні, ніжъ колодїй, рушникъ кругомъ столу рўки обтирають, та для дїтєй по поливаному полумиску для кожного, борщъ набїрають — отъ и все! «Сїдайте», каже, «дітки, за стїль, атó борщъ простигне!» Хлїбъ було рїже, хїба котрє не подўжає; м'ясо — зъ однієї тарїлки, пальцями... Позаблòжуємо було собї и носї, и рўки — усміхаєтця тїльки тихенько, витира: «О, якъ же ти», каже, «Васїльку, нечупарно!» — а самá, мовъ вона до єго не приторкалась!

И було вже такъ пильнўє за кожнимъ, щобъ тамъ кришеніка безъ хлїба, або щобъ вареники не дуже въ м'асло! Заразъ за рўку: «хлїбця», каже, «дитїно моя, хлїбця — вава б́уде!»; або: «помаленьку єгó, помаленьку, — ослїпнешъ!»

И що жь! Якъ тїльки приходять було святкі, або скажуть, що, мовъ, до тїтки Настї, — тїльки объ тїмъ и рєчі у насъ!

Простенькі у неї були хаткі, и въ їхъ нічого бъ и такогó; а якось такъ тамъ!.. Якъ згадаю, отъ якъ разъ ми до неї на Голóдну Кутїю...

Темновáто, морóзъ вїкна позамурóвувавъ — мовъ у наші старї цєркві... и стїни, мовъ у наші старї цєркві; на столї трийця — въ васїлькахъ — въ калїні, казанокъ зъ кропїльцемъ, надїалена свїчка восковá... Мовъ ми справді въ нашу стару цєркву на Голóдну Кутїю, нема нікого, а б́уде та слўжба: и парамї, «тако глаголетъ пророкъ... рїки Ордáнскїї... водо́ освященная».

И отті ложки білі, мїсникъ, сволокі: просто, и двáдцять-сóрокъ разъ їхъ бáчивъ; а ще хочетця передивїтьця, ще щось нивáче въ їхъ... въ оттїхъ мережкахъ, держалнахъ зъ горляночками, въ оттїхъ закамáркахъ въ мїснику... въ оттому́, на свблóці: «Рóку», каже, «Бжого 1764 соорудїся домъ сей... «Соорудїся?... И старá цєрковъ соорудїся... Пєвно сего...»

и въ Хибцяхъ: и владика — старій, старій! въ золоті шапці; хлопчики въ золотихъ свиткахъ — якъ янголята співали!... въ землю щось закопували...»

А миски у тітки! И на полицяхъ, и на міснику, зъ вінцями и безъ вінця, круті и розложисті, зъ боками и безъ боківъ... И все те, знаєте, поливяне: червоні, зелені, білі, жовті... цяцьковані!

Ми часто було: »Будьте, мовъ, ласкові, тітусю!« Зопнітця старенька на лаву — любила такі їх показувать; а ми на землі, кучею, — и почне одну за другою: и білу велику, на вінцяхъ хрещики, на бокахъ пружки — и червону, що паски святять, зъ кривулькою и зъ зеленими голубами на дні. »Оцю«, каже, »въ Лубняхъ, на Спаса — півзолотого вража сидуха! а оцю торікъ въ Оржиці — пятакъ зъ шагомъ; а оцю«, каже, »тутъ такі, ганчарь въ Богодухівку іхавъ«, — и почне намъ, якъ той ганчарь Коломійівськимъ шляхомъ, а вона на вгорді: »по горшки«, кричить, »по горшки!« — пшенишного борошна зъ верхомъ!

А для играшокъ було у неї! та ще й додому надає!... ячюк-знісківъ, карахонекъ, близнятъ усякихъ: сояшникового або гарбузового насіння, житніхъ колосківъ, що по два на одному стеблі. Або ще воликівъ: »Ось«, каже, »діти, скільки орелъ зъ степу нагнавъ!« — и цілісіньку намъ горбину квасолі: жовтої, синїї, та ще й смужками усяк! »Тутъ«, каже, »я сіві, и полові, и підчереві!« Підъ Великдень — безконешнихъ писанокъ всякихъ, крапанокъ бразолійнихъ. А літнїї порі лучитця у неї — понавозимо додому зайчєнятъ малюсінських, пірв великихъ, що журавлі зъ кривъ гублять, дровнінихъ яецъ, оврашківъ — степовий хутір!

Такая-то була, та тітка Настя! Старосвіцькая, дуже старосвіцькая людина! Теперъ такихъ людей, гляді, чи можна вже й найти!

Не веселее тільки покійниці життя було! Одъ чоловіка зосталась давно — я й не зазнаю покійника Буркүти; синъ одинчикъ бувъ, та й той заіхавъ въ далекі сторони: одна въ Божому світі, якъ палець! А щобъ по бенкетяхъ тамъ, по весілляхъ, въ кумпанії — не любила. Въ ряді-годи хіба міжъ люде, та й то, щобъ не зовсімъ такі одцуратьця, притьмомъ треба; а то все

домує, все одна! Та якъ лучалося и міжъ люде — мовчязна, кажуть: якось не тулілось, и люде ті мовъ її чужі, и вона мовъ імъ чужа... А родичі бь сказать... Изъ уснеі рідні вона тільки насть; такъ разъ те, що такі далеко й жили — коли-то въ Бога доведѣтця! а друге — матуся тоді молодá людина була, все не те! ну, й другою жінкою у татуся: все ніби чужѣ, чужіше, ніжъ перша — такъ ужѣ скрізь ведѣтця!...

Люде приравляи, щобъ когô за дитину — все такі, кажуть, охвітніше. Послухалась и взяла дядькову найменшу: »Зъ маюго«, каже, »якъ зъ воску, все зліпнись!« Звала жъ віскъ! Дитина вийшла невмоєна, оприсклива, — а вже що нечупарна, то й кінці погубила! А тутъ ще й старі: »Обиждає!«, кажуть, — що, бачь, іноді дубчикомъ, абô посваритця... Шуткує було покійниця: »Не мала«, каже, »баба клопоту, та купила порося!«, а видно, дуже її те доймало!

Одна робота, здаѣтця, и розважала тільки покійницю, та ще отъ, якъ було у цѣрковъ.

Придемо було до неі на степокъ, підъ косовицю: »косарик!« каже. А якъ гребовиця, то й сама ще зъ граблями: дівці, мовъ, соремъ, руки зложивши; — дівкою було себе, якъ веселиша. Прибіжись було, дася зза уха чоломъ... поцілує въ голову и знову за граблі. »Бачь«, каже, »якъ у насъ дівота! Скажи«, каже, »своімъ парубкамъ« — а парубки бь то, удові діді, що вже й зубівъ въ роті не гуртъ, — »скажи«, каже, »що онъ, мовъ, вона якъ!« — и геть валокъ підкіне граблями!

А въ цѣрковъ було, хотъ яка хуга бє, іде въ Вертькі! До угрені було ужѣ не завжди, а до служби — ні однісінької не пропустить. Та ще кожний разъ и свічку, завѣрне въ білу хустину... И якъ вѣрнетця, така жъ тобі! Неговоркіша ще, здаѣтця, а усміхаѣтця: видно, такъ тихо, бôжо, на душі! а скаже що — мьяко и ототъ, здаѣтця, заплаче! »Сироті бь«, каже, »тільки молитьця!«

Та ще було покійниця, якъ отъ обідъ хто, девятини, чи сороковіни, — любить. И не те, щобъ такі справді обідать и поминать, а щобъ поратьця: помôже все, якъ слідъ, и додому, ні за що не зостанѣтця! Отъ хіба хто заможний, и обідъ йде надвоє: въ хаті, а хто бідніший и старці — на дворі; тоді — такъ, и на такихъ обідахъ любила найпаче: все коло таганівъ! И оцѣ

духъ дѹха пошиба́, а вона́ — підті́кавши́сь, підсмі́кавши́сь, хустина́ та зпідъ керсе́та. А якъ при́дуть по́пи и поблагосло́влять — и почне́ коло́ своїхъ: садо́вить, по́штуе, припро́шуе... Ино́ді — вся́кові, зна́ете, бува́ють покійни́ки! Ивши́й и ві́къ сві́й зживъ, а нічо́го на то́й сві́тъ не зароби́въ — и зга́дувать ні-защо, найпа́че отті́ бідоти́. И якъ обі́йде ча́рка разі́въ кі́льки — вся́чиною почну́ть!.. То було́ покійни́ця, якъ по́чне, якъ по́чне — вмі́ла зъ отті́мъ наро́домъ — то чо́ловікъ и зха́менѣ́ця: »Неха́й«, ка́же, »уже́ Богъ є́го сѹди́ть! то оди́нь судді́я нелука́вий!«... Не одну́ дѹшу вона́ оберегла́ тамъ одъ людські́хъ проклѣ́нївъ.

— — —
 Зъ ча́сомъ у покійни́ці и то́го не ста́ло, ста́рість поча́ла одо́лівать. То було́, давни́ше — звісно, діти: »Чо́го, мо́въ, тіту́сю, зъ ці́почкомъ?« — »Охві́тніше«, ка́же, »одъ соба́къ!«; а то: »пожи́вете́, зъ мо́е, самі́ побачи́те«... А да́лі до то́го вже дійшо́ — ми пі́дрослі́, розумі́ть ста́ли, а найме́нший брату́ха... »На те«, ка́же, »мо́я дити́но, на трѣ́хъ, щобъ на чо́тирѣ́хъ не ла́зити!« И жарту́е було́ ино́ді, жарту́е, та на та́ке зве́рне... »Я«, ка́же, »бу́ду ско́ро тако́ю, якъ ти бувъ ко́лись: вѣ́ пелю́шкі ме́не заго́рпнуть, вѣ́ ко́лисочку по́ложать!«

Та и не доба́чать да́льше ста́ла, и не дочува́ть: де́вятий де́сятко́къ карата́ла, та и тру́дяца лю́дина... Ино́ді було́, якъ почне́ приглі́жуватьця до те́бе, аб́о прислу́хатьця, покі́-то пі́зна аб́о почу́е! »Мо́въ крі́зь густе́ сї́то«, ка́же, »а ў́ші ниня́че по́затї́кані.«

Тимъ вѣ́ цѣ́рковъ дѹ́же-дѹ́же вже́ рідко́, та й то хі́ба лі́томъ; а на обі́ди, вѣ́ по́ле, міжъ лю́де — »Одѣ́здила́ вже́ сво́е, неха́й ще́ дру́гі!« На вгоро́дь хі́ба було́ ви́дибу́ла, по́ло́ть, по́мацки; а то все́ вѣ́ ха́ті, все́ на по́лу — пряде́. И пряді́ння тамъ було́... Сама́ ино́ді: »Якъ упу́щу«, ка́же, »почі́нокъ, и нема́ ніко́го — покі́ то на́ма́раю! ино́ді всю́ ха́ту ви́рачкую!« Все́ то за ві́скъ! Сво́я й пасі́чка, та й мату́ся, — чи́ вже́ бѣ́ то пожа́ли! »Тру́довї́те«, ка́же, »не те́, що́ дарові́те, аб́о сво́е: мо́же, хо́ть симъ Бо́гови́ приспосо́блюсь!«

А по́тімъ и лі́жма трѣ́ба лягті́! При́то́мна була́, покі́ и вмѣ́рла — и памяту́вала́ тве́рдо, и говори́ла, и розумі́ла — та сї́ли нема́! Вѣ́ рука́хъ ще́ ся́къ-такъ — ві́конце́ одчи́нить, ло́жку; а но́гами — хі́ба підъ ру́ки, то й то́ тї́льки-тї́льки що́ ді́ба! »За́-

молоду не поберегла, одтупала, одтопала!.. Зажилась, каже, «зажилась, поря бь и честь звать!»

Такъ ще вона годівь кільки пронудила світомъ — вилежала, викачалась на полу. Якъ прийде вже дуже тяжко: «Приймі вже!» мовить було Богъ: «на-що я тутъ здалась!»; а полégша: «Его святая воля!... Вінъ», каже, «зна, що робить!»

Не разъ до сина писала: «Прилинь, мой дитино, хоть подивлюсь!... хоть въ остатній разъ! хоть очі мені закрий!» — «Радъ би», каже, «прилинути, та крилець не маю!»

— — —
Въ остатній разъ бачивъ за тиждень передъ смертю.

Приїжжю, а вона підъ коморою, на присінкахъ — на сонечко вніесли...

— Се ти, каже, — дитино моя?

«Я», кажу, «титусю!»

— А що жь ваши — чи ще вони, щє?

«Та ще, слава Бóгу!»

— Слава Бóгу! каже... А я, каже, на сонечко; тільки щось и воно — а сонце и дихать не дає... Я вже, каже, емъ: «и ти, мовь, старосвіцьке, и я — хоть ти мені!» не гріє, розмедачило, за молоднечечю!...

Якъ уміра́ла, ми зъ *моєю* не були, у Лубні ходили... Дали зарікь: якъ дасть намъ Богъ сина — пішкомъ у Київъ, до Печерськихъ, а дочку — до Офанасія святого: Богъ Надéждочку пославъ!

Смерть, кажуть, була — пошли, Гóсподи, и всякому такої! тихая, праведная!... *Зтривóжилась* трóхи — про сина згадала; а потім и зно́ву: до кінця вiдержала, хоть, кажуть, кричати, а не плакати!...

За день почула: «Идє», каже, «идє!»

Послала за всіма, и щобъ Михаїла старóго, одсобóрувать: «Его», каже, «батько вивь, а вишь нехай вивóдить!»

Зібрались, одсобóрувань покійникъ Михаїлъ — все то покійники!... Роспорядкувала — надить, на церковь, старціямъ... чимъ домовину — дєсять рóківъ ждала, такі дїждалась!

Вечорить почало!... «Теперь жє», каже, «попрощаймось!... — «Що ви!» — бѹдемо, мовь, жить, Бóга хвалить! — «Ні», каже, «попрощаймось!» — до татуся...

Нахиливъсь покійникъ, голову въ обѣдві рѣки, и довго-довго придивлялась! »Горенько«, каже, »менѣ тяжее!«, и вже пальцями, по лицю... И такъ же то, кажутъ!... »Такъ«, каже, »такъ!... и у покійника бѣтка — волосья, лобъ, нѣсъ... А брови«, каже, »матусини... Де то вона,« каже, »теперъ, моя рідная? чи побачу її?«...

Матусю довго, дуже довго тулила до себе!.. »Ти въ мене«, каже, »золотая була!.. Я, може«, каже, — »одпусти менѣ! Та не пускай въ далѣкі сторони — нікого не пускай, ні одного!.. Ой«, каже, »сіночку, Степаночку, дитино моя!..«

Потімъ нѣби заспокоїлась.

— Поверни, каже, мене на другий бѣкъ!

Повернули, позіхнула...

— Поверни знову!

Знову повернули, знову позіхнула.

— Ниваче, спить, каже, хочетця!.. Поверни впять, та квартиру одчини.

Повернули, одчинили...

— О-хо-хось! каже.

»Заснула!« хтось.

А покійникъ Михайль. »Заснула«, каже »заснула!...«

— — —
Ми зъ *моєю* саме до язвця доходили, вертались зъ Лубень...

— Така смутная-смутная вона, дитина плаче, та й у мене щось...

— Коли зразу, нѣби ладаномъ...

— Чують? кажуть...

»Чую!«

И въ слези!

— Чого ти?

А въ самого такъ и дуться ..

— И сама, любий, не знаю!...

И якъ разъ, въ той самий день, въ ту саму годину...

М. Номисъ.

Р. Б. 1860. генваря 10 дня.

СПБ.

ПІВПІВНИКА

Гушанська дитська казка.

Була собі колись гарна курочка, и добре їй жилось у дворі въ селянина. Кругъ неї метушилась купка дітокъ чимала, и міжъ тими дітками одно собі вдалось препогане и скалічене. Отъ же сего найбільшъ мати й кохала, бо въ матірочкѣ такъ завжди буває. Мизерне те курчя вивелось изъ малесенького ячка. Півкурчяти тільки й вивелось, мовъ хто одтявъ половинку. Зъ однимъ тільки окомъ, зъ однимъ криломъ и однією ногою. Що жъ? дарма, що каліка, а така жъ була пиха въ того курчяти, якъ и въ его батька, старого півня; а батько его бувъ найпишнійший, поважний и огрядний півень, — хочъ сто верстовъ исходи кругомъ, такого другого не побачишь. Дурне курчя, підрісши, забрало собі въ голову, що воно диво міждо курмі. Якъ зачнуть було кури его на сміхъ підіймати, то воно собі й думає: »Се зъ заздности!« Якъ же курчята до его прикладки прикладують, то воно говорить: »Се зъ досади, що я на їхъ и дивитись не хочу!«

Отъ, разъ и каже те Півпівника своїй матері: »Слухай лишъ, мамо. Обридло вже мині жити въ селі. Надумавсь я до царя дступитись; хочу я подивитись на царя й на царицю.«

Бідна мати ажъ закудкудахкала зъ ляку, такє почувши.

»Дитино моя!« каже, »хто се тобі таку дурницю въ голову вкинувъ? Твій батько ніколи зъ свого села не виходивъ, дарма, що кращого півня на всімъ світі немає. Чого тобі й бажати, якъ нашъ двір? у царя краще тобі не буде. Глянь, якє тноїще гарне, якє зерно намъ смашне посипають, якє затишне сідало въ насъ, и сім'я, слава Бóгу, не маленька, и всі тебе кохають.«

— »Байдужé мині!«—одрізало нависнé Півпівника. »Браті мої и сестри — дурні сільскá темнóта.«

»Моé голубя́тко«, ка́же ё́му ма́ти, »хиба́ жь ти вь во́ду на се́бе не диві́лось? хиба́ жь не ба́чишь, що вь те́бе одно́го о́ка и одні́ но́гі дасть-Бі́гъ?«

— »Ко́лі ти зачепі́ла мене́ зь се́го бо́ку, ма́мо«, — одпові́дає Півпівника,—»такъ я то́бі скажу́, що со́ромъ то́бі самі́й, що я та́кий уроді́вся. Ти, ма́мо, сама́ томú ви́нна. Изъ яко́го я́чка я ви́лупився? Мабу́ть, така́ кúрка знесла́, що й на сі́дало не зско́чить.«

»Ні, мо́я дити́но«, ка́же ё́му ма́ти; »зъ та́кихъ я́ецъ лу́пляютъ тільки ящуркі́, а ти ви́лупило́сь изъ оста́ннёго я́чка, що я сама́ знесла́; зати́мъ таке́ и мизе́рненьке, що ти поскри́бочоць. Яка́ жь тутъ мо́я вина́, се́рденько?«

А Півпівника, зади́раючи черво́ний гребі́нець, ка́же:

— »Мо́же, я тако́го лі́каря знайду́, що мині́ все те поприста́вляе, чо́го вь ме́не нема́. То нічо́го бі́льшъ и бала́кати,—пійду́!«

Ба́чить бідолáшня ма́ти, що воно́ за упи́ряка, та й ка́же:

»Хочъ же послúхай мо́єї до́брої ра́ди, мо́я дити́но. Якъ пійдешъ у мандри́вку, то не прохóдь бі́льзько коло́ тако́ї це́ркви, на кото́рий святи́й Петро́ намалéваний: не лю́бить вінъ півпівъ здо́рово, а ще бі́льшъ—і́хъ кукури́кання. Ще жь оберега́йся у сві́ті тихъ люде́й, що ку́харями звúтця, та й ку́ховаркамъ на́ очи не наvertsáйся, бо все то ли́хі на́ши ворогі́: и не пі́снешь, якъ вони́ то́бі шийку́ перечика́ють! Тепе́рь же, си́ночку, неха́й тебé бере́же Госпо́дь и святи́й Мико́ла, до́брий помі́шникъ у до́розі. Пиди́ собі, ко́лі не хочетъ зь на́ми жи́ти, тільки попросі́ та́та, неха́й тебé благосло́вить на до́рогу.«

Півпівника ски́нуло до пова́жного півня, вкло́нилось ё́му ни́зесенько и поцілу́вало вь кі́хоть. Шаво́вний ба́тько поблагосло́вивъ ё́го не такъ-то жа́лібно, а бі́льше зго́рда, бо за спесі́ву вда́чу не любі́въ вінъ сво́го синка́. Ма́ти жь, такъ та за слі́зми й сві́ту Бо́жого не ба́чила, и зна́й сухи́мъ листóчкомъ о́чи втира́ла.

Рúшило Півпівника вь до́рогу, стрепену́ло кри́цёмъ и тре́йчи заспі́вало на зна́къ сво́го одхо́ду. Приві́шло воно́ до рíвчакá, а дія́лось се ді́ло середъ лі́та, такъ рíвчакъ ма́ло не зовсі́мъ пересóхъ, и дiтвóра ё́го гребелько́ю пересі́пала. Побáчивъ рíвчакъ подоро́жнёго, та й ка́же и дзюрчи́ть такі́ слова́:

«Ти бачишъ, братіку, якъ я заслабъ, насілу ворущусь; немає въ мене сили й дїтську грібельку прорвати, щобъ вона мене не зупинила; а звернути въ бікъ, — про се вже хочъ и не кажи. Візьволь мене зъ сеї бідї, розгребї своїми кіхтями пісокъ на гріблї. За се ти питимешъ мою воду, коли схочешъ и скільки схочешъ, а якъ пійдуть дощі та прибавлять минї води, то я, може, тобі въ великій пригодї стану.

А Півпівника ёму одказує:

— «Не хочу розгрібати! Що я тобі за робітникъ? Хибá бувають такі робітники въ такого мизерного та каламўтного рївчакá?»

«Ну, дамся жъ я тобі въ знаки тоді, якъ ти й не думатиметь!» замимривъ рївчачокъ тихимъ голосомъ.

— «Дождись перше дощў!» — одрізало ёму Півпівника. «Жуди, який ти страшний на словахъ! а зáвтра може й горобці по тобі скакатимуть.»

Далї стрїло воно на дорозї вітра. Лежить бїдаха вітеръ, ледви дїше.

— «Любе моє Півпівника!» каже вінъ подорожнїюму, — «на віку, якъ на довгїй нїві, всєго траншїця; треба намъ помагати одїнь однóму. Підїйди ближченько та придивись до мене. Бачишъ, якъ мене спека полуденна одолїла! а я було и лїси ламаю, и житá толочу, и стрїхи зриваю; нїхтó проти мене не встóить. Не лежавъ би я й теперъ на дорозї, та лїхо минї надало, підунавши на сїлахъ, коло квітóкъ гуляти; впївся я одъ їхъ дўху солóдко-го, а жаркий день и вклавъ мене середъ дорóги. Колибъ ти мене тїльки трóшечки одъ землі своїми кіхтями підкинуло та ще криломъ піддало, то я й піднявсь би вгóру и полетїв у свою стóрону. Тамъ мой мáти хуртовїна зъ сестрами фїжами працюють теперъ, направляючи золотї хмáри, що я порозривавъ козакўючи. Тамъ, тїльки дадуть минї попоїсти, такъ я зновъ увїйду въ силу.»

«Добрóдію!» одвітувáло Півпівника, «а забўвъ, якъ ти було мнóю гордўнешъ, та хвїсть минї куєвдишъ та ростопїруешъ, мовъ томў индикóви, людямъ на смїхъ, а мнї на велику досáду? Отó жъ знай, що всякому своя порá. Бувай здоровъ, мїй пáне!»

Сказавши се, закукурїкало гóлосно Півпівника и гóрдимъ поступомъ пошкандибáло далї.

Наузкраї нїви, на стернї, курївсь димóкъ маленький. Півпів-

ника підійшло до ёго и побачило іскорку въ по́пелі; ледві, ледві жівріє іскорка.

— «Кохáne Півпівника!» ка́же вона ёму— «у до́бру годи́ноньку ти надійшло до мене; ти мене одъ сме́рти оборо́нишь; отъ-отъ му́шу зга́снути, що нічимъ ми́ні живі́тися. Не знаю, де мій при́-
тель вітеръ застрівъ, ато́ бъ віпъ мені за́разъ допомігъ. Будь
ла́ско, пригорні до мене грóшки су́хого лі́стачка або́ солімки, —
я за́разъ оживу́ й звеселю́ся.»

«А що́ ми́ні по то́му?» одказа́ло ёму́ Півпівника. «Га́сни собі,
ко́лі тобі хо́четця; ти ми́ні ні на ві́що не потрі́бенъ.»

— «Ой гле́ді лишъ!» ка́же і́скорка. «Мо́же, й я ко́лі-небу́дь
стала бъ тобі въ при́годі! Не плюй, ка́жуть, у во́ду; мо́же, зго-
ди́тця напі́тьця.»

«Дви́сь!» гукну́ло на не́ї Півпівника: «ще́ й стра́шить! Отъ
же тобі́ за се!»

Та й засі́пало і́скорку по́пеломъ; а по́тімъ поча́ло, своїмъ
звича́емъ, зво́въ куку́рікати, мовъ я́ке вели́ке ді́ло зроби́ло.

При́шло Півпівника въ сто́лицю и йде́ мі́мо це́ркви, а на
це́ркві свя́тій Петро́ намале́ваний. Тутъ би ёму́ мерці́й уті́кати,
такъ що́ жъ, ко́лі ледáча вдáча така́! Ста́ло якъ разъ проти́въ
дверей, напу́жилося, та й куку́рікнуло зъ усі́єї сі́ли, аби́ ма́тери
не послухáти.

Підхо́дить воно́ до ца́рського буди́нку, щобъ подвигі́тись на ца-
ря́ й царі́цю. Моска́ль, сто́ячи коло́ буди́нку зъ ору́жінною, за́разъ
гукне́: «Куди́? наза́дъ!» Воно́ таки́ й зляка́лося та підъ воро́та.
Гляне, ажъ чоло́вікъ якийсь въ бі́лій ша́пці. Воно́ й пита́ється
въ горобця́: «Що́ се за чоло́вікъ?» — «Се», ка́же, «ку́харь ца́рсь-
кий.» Ну, що́ же бъ уті́кати хочъ зві́сіля, якъ ма́ти навча́ла! Куди́!
воно́ й гребі́нець свій черво́ний и хві́стъ закру́чений настовбу́рчи-
ло, на́че що́ пúтне, та прóсто й чимчи́кує до ку́харя бо́комъ на
ёго позира́ючи; а ку́харь хіпъ ёго́ за крило́! та за́разъ чикъ!
тутъ воно́ й ні́жкою задрі́гало.

— «Гей!» гукне́ тоді́ ку́харь на свої́ хлопя́та, — «а кете́ сюди́ кі-
пячу́! ось я ёго́ обпа́трошу!»

«Води́це, мо́я сестри́це!» ка́же тоді́ Півпівника, «бу́дь ла́ско,
не печі́ мене, зми́лосе́рдись на́до мно́ю!»

— «А ти на́до мно́ю зми́лувало́сь, якъ я тебе́ проха́ла, течу́чи
ривча́комъ?» одрі́зала вода́, та ажъ кипі́ть изъ се́рдця, и обпа́рила ёго́

до-щенту; а тутъ хлопці-кухарчата кинулись и ні одного перця на ёму не зоставили.

Потімъ узявъ кўхарь мїску, положивъ туди Півпівника, та й поставивъ протївъ жару.

— »Ой бгнику, мій братіку!« пищить Півпівника, — »не печй жь менé, не жарь же менé!«

»Ось постой лишь!« затрепавъ огонь, пїзнавши ёго и безъ пїр'язь: »я тебе навчу, якъ менé побеломъ закидати!« та якъ прищваривъ (а кўхарь одлучивсь на часинку до шинку), то воно й почорніло, якъ головешка.»

Вернувся кўхарь зъ шинку, бачить, що огонь знівечивъ Півпівника, та й викинувъ ёго на смітникъ.

— »Ой вітре, вітроньку!« квілить тоді вже Півпівника, — »не займай же хочь ти менé: лэмлі лўчче дéрево, толóчч лўчче житá и зривай стріхи, а я вже тутъ лежати́му та на свою́ долю пла́кати́мусь.«

»Ні, такъ одь мене не вікрутисся!« реве ёму у вь-одвітъ вітеръ, та ажъ свїще крутячись; далі підхопивъ ёго, піднявъ вище царського будинку та й кинувъ. Летить воно унизъ, а на будинку гóстрий шпиль залізний; воно на той шпиль и настромилось; а вітеръ и почавъ ёго зривати, щобъ ищé поглумитися; а воно на шпилью й крутитця. И такъ нема ёму впокою ні вь день ні вь ночі. Спочине трóхи вітеръ, и воно спочине; а скóро прокинусь, зáразъ и почавъ вертїти то сюди, то туди Півпівника. Отó жь ёму за те, що було неслухняне, що високо несло́ся и всімъ тільки пакість робило.

ПАНЬКО КАЗЮКА.

Казюка

ВОСПОМИНАНИЕ

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селѣ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замѣчательная. Эта личность способна возбуждать въ душѣ много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлѣнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грицкó, ремесломъ — маляръ. Какъ извѣстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Малярство — одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледѣльческой колен. Маляръ, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотный; искусство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, какъ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что съ ними творилось въ жизни, и маляръ читаетъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ имѣетъ дѣло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно такъ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извѣстно, что Малороссіянинъ, какъ только сдѣлается благочестивымъ человѣкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссіяниномъ, а обращается либо къ піетизму, либо къ размышленіямъ, и — въ первомъ случаѣ — ведетъ къ поэзіи въ жизни, во второмъ — къ желанію знать природу, человѣка, однимъ словомъ — къ наукѣ. Это желаніе обыкновенно находитъ себѣ скоро предѣлъ по

скудости матеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ нашимъ маляромъ Грицькомъ.

Онъ родился крѣпостнымъ. Въ дѣтствѣ потерялъ онъ родителей и остался на попеченіи родни. Его приставили пасти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикѣ было что-то странное; крестьяне считали его придуркуватымъ. Лишнимъ будетъ рассказывать, какъ удалялся онъ отъ дѣтскихъ игръ и какъ мальчишки за это щипали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то, что такъ часто встрѣчается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дѣтства. Когда безвѣтріе не позволяло работать мельникамъ, Грицько усаживался близъ села подъ вѣтряной мельницей, и рисовалъ углемъ или мѣломъ на стѣнѣ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высѣкли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Помѣщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ изображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходитъ свою служебную карьеру: изъ него скорѣе выйдетъ живописецъ, чѣмъ свинарь или овчарь; подумалъ помѣщикъ и отдалъ его въ науку къ какому-то художнику въ своемъ уѣздномъ городѣ. Такъ поступилъ помѣщикъ въ тѣхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться, станетъ ему платити^{ко} оброкъ; и принесетъ, со временемъ, барину больше пользы, чѣмъ сколько могъ бы принести въ званіи пастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозяина, учится прилежно; хозяинъ не похвалится его понятливостью; его не нужно понукать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, — онъ самъ спроситъ и не забудетъ того, что ему скажутъ. Захотѣлось самому Грицьку научиться грамотѣ: хозяинъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучился складамъ и сталъ читать бѣжно. Впослѣдствіи онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницѣ фигуры, то это были вымышленныя имъ буквы. Грицька занимала мысль: какъ это люди читаютъ? »Я«, говорилъ онъ, »долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, вѣрно, какое говорится слово, такое и малюется; и началъ въ умѣ самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потомъ и помню, что вотъ такъ я его намалювалъ; послѣ того пришло мнѣ въ голову, что вѣрно не такъ: словъ много, — какъ можно все ихъ припомнить! Тутъ я началъ

примѣчать, что иное слово на другое походить, а иное разнится: такъ я, что похóже, то на одну статью и малуюю. Сколько припоминаю, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цѣли, которую давно нашло человѣчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ея обычнымъ для всѣхъ путемъ за букваремъ у уѣзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читалъ и романы, читалъ Библіотеку для чтенія: тамъ, какъ говорилъ онъ, — на него сдѣлали впечатлѣніе особенно жизнеописаніе папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болѣе, его стали занимать помѣщенные въ «смѣси» извѣстія о разныхъ открытіяхъ въ области естествознанія. Бѣда только, что, по причинѣ множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятого на десятое. Болѣе всего хотѣлось ему знать: какъ это свѣтъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвѣта, ни въ тѣхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ ариѣметику; онъ получилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумѣлъ таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ у хозяина, Грицько сталъ платить помѣщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околка по церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году, — онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здѣсь, въ церкви, въ ночь свѣтлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дѣянія.... тогда я въ первый разъ его увидѣлъ. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбѣ его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упadaющій, голосъ. Въ характерѣ его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не спѣшилъ самъ ни съ кѣмъ разговаривать, а если на-

чивалъ разговоръ, то для того, чтобъ спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смѣлѣе, когда видѣлъ, что его любятъ. Онъ зналъ священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любимымъ Поморскимъ начетчикомъ. Но замѣтно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искалъ въ немъ того, что называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болѣе всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задавалъ себѣ вопросы, давно уже рѣшенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвѣта то въ библии, то въ Иванѣ Выжигинѣ Булгарина, то въ повѣстяхъ Марлинскаго. Одинъ помѣщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ, началъ давать ему книги и расширилъ кругъ его чтенія. Грицько читалъ ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Миллота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ былъ внѣ себя отъ восторга.

Нѣсколько лѣтъ не видалъ я Грицька послѣ этого, но случай привелъ меня увидѣть его въ томъ же селѣ, въ 1845 году. Грицько былъ уже женатъ на крестьянской дѣвушкѣ изъ своего села, имѣлъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и занимался малярствомъ, выручая насущный хлѣбъ на иконахъ. Безъ посторонняго руководства, Грицько уразумѣвалъ свою книгу — курсъ математики и, съ изумительною правильностію и вѣрностію, рѣшалъ трудныя алгебраическія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, любилъ толковать объ опытахъ, которыми человѣческой умъ достигалъ до уразумѣнія этихъ законовъ. Но библии онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Онъ, повидимому, лишень былъ поэтическаго чутья. Его не плѣняла красота природы: онъ стремился къ природѣ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотѣлъ изслѣдованія, а не восторга; чудесное не плѣняло его — онъ отвращался отъ него; на первомъ планѣ у него стояла мысль: «это невозможно; а что невозможно — о томъ и толковать нечего». Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковскій; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повѣсти заняли его, но не по художественности, а по вѣрности изображенія крестьянскаго мало-

російскаго быта, въ которомъ онъ самъ родился и выросъ. Прежняя кротость и скромность остались въ немъ неизмѣнны. Грицько, казалось, съ покорностью и безъ ропота сносилъ свою долю, но когда ему замѣтили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились люди, хотѣвшіе и тогда выкупить его у помѣщика, и давали, по тогдашнему счету, 500 р. асс.; помѣщикъ не соглашался: по своимъ расчетамъ могъ въ нѣсколько лѣтъ получить съ него болѣе оброкомъ... И Грицько остался крѣпостнымъ. »Больно то«, говорилъ Грицько, »что насъ, бѣдныхъ людей, держать въ заблужденіи и невѣжествѣ.«

Быть можетъ, неизбѣжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ могилу; быть можетъ онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-нибудь Продиаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя... Во всякомъ случаѣ, ему теперь подъ пятьдесятъ лѣтъ; онъ угасъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Грицька-маляра, на противоположномъ, западномъ краю Малороссіи, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обоихъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Нѣтъ нужды здѣсь излагать повѣсть о его дѣтствѣ, о первоначальномъ его воспитаніи: онъ самъ описалъ все это въ своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цѣняхъ, которыя обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорвалъ ихъ, вывелъ его изъ тѣсной сферы неизвѣстности для высокихъ думъ, тяжелыхъ страданій и безсмертія. »Той бѣ слава дней своихъ«, скажетъ о немъ нѣкогда Малороссія, какъ это нѣкогда сказано было объ одномъ изъ ея Тетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я познакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На первый разъ въ немъ не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и не церемоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откоро-

венность и искренность, тѣмъ становится онъ осторожнѣе. Иначе и быть не можетъ въ народѣ, который слишкомъ часто видитъ обманъ и двоедушіе. Это качество измѣнилось у Шевченка въ послѣдніе гѣды, когда мы съ нимъ увидѣлись послѣ долгой разлуки: оно даже перешло у него въ другую крайность, — излишнюю довѣрчивость. Но въ тѣ времена, въ тѣ поры его молодости, онъ сохранялъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружались. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ мнѣ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлѣніе, которое они производили, напомнило мнѣ Шиллерову балладу »Занавѣшенный Санскій Истуканъ«. Я увидѣлъ, что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и употельно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса, — не знающей, что сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло вошла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Легко будетъ входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнетъ; но какая человѣческая крѣпость можетъ устоять противъ убивающаго въ мгновение всѣ силы жизни, погашающаго всякой земной огонь, вѣковаго испаренія! Горе дерзкому поэту! онъ забываетъ, что онъ человѣкъ; и если первый рѣшается вступить туда, — то можетъ пасть.... Но поэзія не устрашится никакого губительнаго испаренія, если только она истинная поэзія; и не погасить ея свѣточа никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этотъ свѣточъ горитъ негнѣннымъ огнемъ — огнемъ Прометея....

Не долго видѣлъ я Тараса-малыра въ Кіевѣ: обстоятельства

насть разлучили.... Не мнѣ рассказывать его дальнѣйшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидѣлись снова въ стѣнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цѣлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъ его, пока не услышалъ отъ меня самого. Тогда онъ заплакалъ и этимъ показалъ, что не отъ того не узналъ, что забылъ обо мнѣ. Но въ немъ— все напоминало прежняго Тараса; его желѣзная натура много выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убѣжденіяхъ, свѣжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбѣ съ вліаніемъ виѣшняго растлѣнія; но талантъ его великаго творчества — начиналъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отвергающеюся пропастью, хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда онъ читалъ мнѣ въ Кіевѣ. Время возьметъ свое надъ человѣкомъ, *зане перстень есть*.

Прострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видѣла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіяне и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокой полѣтъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искони существовавшихъ, нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій, и потому-то болѣе способномъ для того, чтобъ дать Россіи истинно народнаго поэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изящнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный поэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достоинства и значенія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тотъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнилъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражалъ* народнымъ пѣснямъ; Шевченко не имѣлъ цѣлю ни описывать своего народа, ни поддѣлываться къ народному тону: ему не зачѣмъ было поддѣлываться, когда онъ по природѣ своей иначе не говорилъ. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. Народныя пѣсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вслѣдствіе изученія, не по разсужденію — гдѣ что употребить, гдѣ какое выраженіе годится поставить, — а по естественному развитію въ его душѣ всей безконечной нити народной поэзіи; не потому, что Шевченко хотѣлъ ихъ ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзіи, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло высвиться до способности — выразить то, что хранилось на днѣ его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской прозы, и было для него самого невидимо, незамѣтно, пока животворные звуки генія не коснутся до сокровенныхъ тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упительною мелодіею и не покажутъ чувству того, что составляло его достояніе и не было до сихъ поръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозаической апатіи голосомъ такой поэзіи, народный человѣкъ, съ трепетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: «Это самое я только-что готовъ былъ сказать точно такъ, какъ сказано поэтомъ!» Этому не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кромѣ одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонѣ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ ужъ заговорить, и только ожидалъ, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ: и вслѣдъ за такимъ творцемъ точно такъ заговорить и весь народъ, и скажетъ едино-

гласно: это — мое; и будет повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пѣсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ какъ эта послѣдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пѣвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастью, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народѣ. Уже и пѣсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удѣлъ поэзіи. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упадая въ своемъ достоинствѣ, растлѣваясь; и потому-то новѣйшія передѣлки старыхъ пѣсенъ и новѣйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутствіемъ изящнаго. Народъ не можетъ творить цѣлою массою, ибо для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясеніе вызвало его къ творенію новой поэзіи. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній вездѣ бываютъ личности, обладающія талантомъ первоначальнаго творчества; въ сферѣ существующихъ народныхъ пѣсенъ, эти творческія личности исчезли въ массѣ: ихъ запѣвы переформировались въ теченіи долгаго времени; къ нимъ присоединялись новыя мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тѣмъ, потребность самооживленія ощущается въ народѣ; народъ чувствуетъ, мыслить; многое переполнилось въ его душѣ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находитъ его въ своихъ избранныхъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнью, стоящихъ выше каждаго въ отдѣльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что всѣмъ чувствуется, думается, желается. Вотъ такую-то личностью былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формѣ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имен-

но отъ того, что онъ — возвыститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народного чувства.

Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Только легкомысленное скользаніе по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотрѣть на Малоросію не болѣе какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперіи; — но съ другой стороны, только насилующая централизація, убивающая всякую человѣческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можетъ, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изученіи исторіи и этнографіи русской, всегда признаётъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустила ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже нѣсколько вѣковъ тому, къ иной сферѣ. Ни Великоруссы безъ Малоруссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чѣмъ стройнѣе, уравнительнѣе, взаимнодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И это, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что, будучи достоинствомъ малорусскаго элемента, имѣло въ то же время и общерусское значеніе. Оттого поэзія Шевченка понятна и родственна Ве-

- ликоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію, — что можно сказать, на примѣръ, о *Маруся* Квитки, превосходнѣйшей, вѣрнѣйшей картинѣ народныхъ нравовъ, но дурно понятой нѣкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народности. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія. Не пойметъ и не оцѣнитъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лорнетъ, — кто, желая узнать его, не въ состояніи принять другой методы, кромѣ той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ изучаютъ энтомологическій кабинетъ; заносить въ дорожную книжку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дѣвушекъ пѣсни, слышанныя ими въ дѣтствѣ на селѣ, и по такимъ пѣснямъ произносить сужденія о сущности народнаго поэтическаго гения; — кто, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ и готовъ заботиться о народномъ благѣ, но не знаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дѣла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, — и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ — какъ народъ уже пѣлъ; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пѣлъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумѣнія послѣдняго нужно чего-то побольше, чѣмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же незрѣлымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свѣжую могилу поэта, — сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дѣлѣ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературѣ и въ жизни. Такіе приговоры не болѣе, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденіи извѣстныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, имѣющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

поэзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Шевченко былъ мало извѣстенъ, были люди, не выдавшіе во всю жизнь Малороссіи съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, по причинѣ языка, прочтавшіе *Кобзаря* (хотя самый языкъ Шевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ перваго раза: «это — великій поэтъ!» Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ первородная поэзія не высказывалась наружу. По нашему мнѣнію, переводить Шевченка отнюдь и не слѣдуетъ: достаточно будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совсѣмъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературѣ находились критики, не понимавшіе достоинства малорусскаго поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій талантъ, но соблазнялись нѣкоторыми его произведеніями, гдѣ поэтически воспроизведены древнія времена вражды Малоруссовъ съ Поляками: видѣли въ этомъ какую-то неприязнь къ польской націи. Между тѣмъ, таланта у Шевченка отнять нельзя. Какъ тутъ поступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червонной Руси явились презабавныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта. Писали, — что Шевченко поселился у какого-то *Hrabiego Działyńskiego*, который, по своему панскому великодушію, оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа — Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живетъ у графа въ качествѣ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывѣ справедливой благодарности, *wszystko, co napisał przeciwko Polakom, rowumazał i porzgerabiał* (1) въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелѣпа, что вѣроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скорѣе смѣялся бы надъ ней, чѣмъ сталъ бы оскорбляться.

(1) Все, что написалъ противъ Поляковъ, исключалъ и передѣлалъ.

Въ настоящее время, когда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ пользы моимъ бѣднымъ малярамъ. Грицько - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крѣпостного права, не давшаго ему развить свой замѣчательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ; Тарасъ - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнѣйшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: ибо этотъ день положилъ начало исполненія того, что было душою Тарасовой поэзін.

Но стоить ли, скажете вы, жалѣть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Стоить, — потому что, съ воспоминаніемъ о двухъ малярахъ, тѣснится въ воображеніи тысячи, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, пастиховъ, земледѣльцевъ, барской челяди — лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были природою съ правомъ быть чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; тогда какъ другіе великіе мужи слова и дѣла — книгописцы, художники, законники, сообразнѣ бы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Стоить — потому что со всевозможнѣйшими человѣческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землѣ человѣкомъ его природнаго призванія. Стоить, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человѣкѣ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно останавливаешься на убійственныхъ, безотвѣтныхъ вопросахъ: Зачѣмъ мы смертны? — Зачѣмъ мы глупы? — Зачѣмъ мы старѣемся?...

Н. Костомаровъ.

Апрѣля 14.
1861.

I.

ПИТАННЯ.

Козаче-чумаче!
 Йдешъ у дорóгу —
 Послúхай же, сiну,
 Дiда старóго:
 Покiль ще живий я,
 Покiль помiра́ть,
 Про рóдичiвъ дé-що
 Хотiвъ роспитáть.
 Якъ зъ сiлю итiмешъ
 На той Берислáвъ, —
 Зъ Хорти́ци-сестри́ци
 Щобъ вiстку прислáвъ.
 Якъ стáнешь близéнько
 Сухóго Яркá,
 Помьяни́ тамъ дúшу
 Дiдуся-Сiркá.
 Якъ «собъ» повертáти
 Черезъ Чортомлiкъ,
 Прислúхайсь... чи чúти
 Тамъ брáтчикiвъ крикъ ⁽¹⁾?
 Якъ бúдешъ минáти
 Самáрську палáнку,
 Привiтáй вiдъ мéне
 Старúю паня́нку.
 Спитáй, якъ доiдешъ,
 У бáтька-Днiпрá:
 Чогó нáша мóва
 И слáва вми́ра?

(1) *Сухий Ярoк* — по дорóзi одъ Берислáва на Перекóпъ; тамъ, кáжуть старi люде, Сiркó бiвся зъ Татарвóю. *Чортомлiк* — рукавъ Днiпрá; течé въ Днiпрь, коло порóгiвъ, зъ великою сiлюю и гóмiномъ. «То гомонiть Запорóзцi», кáжуть побережáне.

Чи то жъ старá мати
 Замóвкла на вікъ,
 Чи то жъ народила
 Ниміхъ, та калікъ?
 Чи то жъ відцурáлись
 Відъ неі сині,
 Чи то жъ насміялись
 Надъ нею вони?...

В. Куликъ.

Полтава, 1861 р.

II.

ДЕ ВОНА?

И сонечко у садочокъ
 Прийшло такъ раненько,
 По гілечкахъ осміхнулось
 Такъ же веселенько;
 И тумани надъ водою
 Снуютьця, якъ думи;
 Качечкі межъ осокою
 Лепечуть, мовъ куми —
 Все такъ було, якъ ходивъ я
 По сіхъ стéжкахъ зъ нею —
 Світомъ моімъ, щáстямъ моімъ,
 Дóлею моєю; —
 Якъ не смівъ я мою крáлю
 За рúченьку взяти;
 Якъ не мавъ я бiльшъ нічого
 На світі бажати...

Женé вітеръ туманъ ланомъ,
 Сонце закриває:
 Такъ ти, моé дру́ге сонце,
 Зникло — та й немає...
 Хожу оди́нъ, розгортаю
 Трави́цю, листóчки,
 Чи не вглэжу, не пізнаю

Хоть її слідочка...
 Нема́, нема́ ні слідочка,
 Замо́вкь голосочокъ,
 Що садочкомъ було чу́ти,
 Ягъ срібний звоночокъ!

Ось та лавка, де любила
 Вона́ спочивати,
 До білої березоньки
 Голо́вку схиляти...
 Було стою́ підь тимъ дубомъ
 И дивлюсь на не́ї, —
 Нема́ сили очей звести
 Зъ зіроньки моє́ї;
 А береза свої ко́си
 Зелєні спускає
 И холодкомъ любій гості
 Тихо повиває;
 А де-не-де промінь сонця
 Лістомъ проберєтця
 И цілує її щічку,
 Вь очіцяхъ смієтця...
 Було думаю: мій Бóже!
 Ти давъ мені волю,
 Ти давъ розумъ, и я, може,
 Маю яку долю: —
 Де жь той розумъ, доля и воля?..
 Усе потону́ло
 У тихъ чарахъ, у тимъ гóрі,
 Що такъ огорну́ло
 Безталанну молодичку —
 Продану дідузї: — *Каліні*
 Чи на ка́мені каліні
 Цвісті, якъ у лу́зі?...

Тяжко тобі! — Мені жь, Бóже!
 Ще ва́жче се ли́хо....
 Коли́бъ зна́ла, що тутъ — вь сєрці,

Хоть ізвѣрху й тихо...
 Не зна вонá, якъ тi бчи
 Свiтять менi вь дuшу,
 Якъ сижy я цiлi нoчи
 И зь мiсця не рyшу, —
 И все вонá, однá вонá
 Вь дuмкахъ, якъ у мoрi,
 То потoне, то зновъ вiрне
 У красi и гoрi...

П. ТАВОЛГА-МОКРИЦЬКИЙ.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ И ВІВЧАРІ.

Разъ Вовкъ тихесенько підкрався...
 Всімъ відомо, куди вінъ звикъ ходить
 И дe вінъ лиха набiрався, —
 Та щo жъ робить,
 Коли на те вже Вовкъ удався,
 Щобъ овечокъ давить!
 И сeй разъ вінъ туди жъ попхався...
 Тихесенько кошару обiйшовъ;
 Прислухався — не чутъ, мерщій на тинъ зопьявся,
 Зирнувъ — та й охолoвъ:
 Вiвчарики прехорошенько
 Найкращого баранчика взяли
 Та й паграють гуртомъ, а кунделі
 Мовчать! лежать собі смирененько —
 Неваче-бъ то усiмъ iмъ тамъ,
 Кудлатимъ гаспидськимъ синамъ,
 Позакладало!.. мовъ не знають,
 Щo передъ ними виробляють!
 Дивiвся Вовкъ, дивiвся,

Здихнѣвъ и зновъ у лѣсъ поплѣвъсь,
 Та й каже: »Дѣ та й правда ділась?!..
 Якá бь тутъ шарварка зробилась,
 Якій би гомінъ підняли
 И Вівчарі и кунделі,
 Якъ-бѣ миві такѣ вчинить зхотілось!«

II.

ЖАБА Й ВІЛЪ.

Зелѣна Жаба, зүздівши Волá,
 Гладкою и собі задумала зробитьця:
 (Ій на-лихо — завидлива булá)
 Та й надулась, ажъ очі стали їй коситьця.
 »Дивись-лишъ, кумонько, чи бѣду я зъ бика?«
 Подрүзі каже. — Ні! и трόхи не така. —
 »Анү-жъ, теперъ дивись.«
 — Шкодá, хочъ и не дмись. —
 »Дивись же вже теперъ: объ кѣпу обіпрѣсь,
 Да здóрово надмѣсь...
 Теперъ — якá я?«
 — Такі, якá булá, й теперъ такая.
 »Ну и теперъ-би-то не потовстѣла?«
 — Ищѣ жъ такі! кажѣ жъ — така, якá й булá. —
 Щѣ надулáся Жáба... лусъ — и околá,
 А не зробилáся похóжа на Волá.

Оттáкъ бувá и зъ нáми,
 Якъ хочемо ривнѣтися съ панáми;
 Хочъ дмись-не-дмись, — жупáна не достáвъ,
 А кобенякъ и просвистáвъ!...

М. ГЛѢБОВЪ.

Ш.

МІРОШНИКЪ.

Въ Мірошника Івана Шаповала
 Водиця грібельку прорвала.
 Вово бѣ то й дарома — катъ-мало бѣ бідъ,
 Якъ-би полагодитъ задалегідъ;
 Дакъ що жъ бо то! Мірошникъ и байдуже;
 Вода жъ псує, руйнує гріблю дуже
 И почина вже й геть-то литьця,
 Дзюрить и цебенить, мовъ изъ відрá.
 »Эй, дядьку, схаменись! Порá,
 Порá за рóзумъ ухопитьця!
 — Толкуйтесь, ще далéко до бідí,
 Не море трéба для млина водí,

Ищé її багáто. —

А самъ на пичъ у хату.

Ажъ ось — прийшла бідá:

Зовсімъ понížшала вода;

Ставъ камінь, — снасть не служить, —

Вже млинъ не меле.

Іванъ у гóлосъ тужить,

Кричить, мовъ нависній: »ой, леле, леле!
 Не приберé й ума, якъ во́ду зупинить.

Ажъ-ось прийшли до річки кúрі пить.

»А, гаспидьська«, кричить вінъ, »птиця!

Тутъ и безъ васъ зовсімъ нема водí,

А ви ще пить прийшли сюди —

Ось я вамъ дамъ напíтьця!
 Да зъ слóвомъ сiмъ на їхъ поліномъ и поперъ.

Що жъ, дядьку, вигравъ ти теперъ?...
 Потягъ сердега до дверей
 И безъ водí и безъ курей.

Такий, якъ дядьдо нашъ Іванъ,
 Буває инчий панъ;
 Ёму за панську ласку
 Ми й розказали казку.

IV.

ГОРЛИЦЯ Й ГОРОБЕЦЬ.

Ворковала Горлиця у садку,
У куточку тихенькому, на бузку,
Жалкувала сизокрила, що вона
Несчлася, якъ минула п весна,
Несчлася, якъ одцвівся п садокъ,
П черешні, п вишеньки, п бузокъ;
Сумувала, що прийдетця въ-осені
Десь шукати ще іншої сторони.
Підлабузвивсь до Горлиці Горобець,
Наче справді запорозький молодець:
»Ой послухай, голубонько, не журись,
Ти на мене, молодчика, подивись!
Чи е въ світі де такіі молодці,
Якъ ми, славні та веселі горобці, —
На все вдатні—до любовщівъ, до пісень?—
Цвірінькаемъ, жартуючи, увесь день!
Ти не бійся, голубонько, що зіма
Посиплетця білимъ снігомъ.... то дарма!
Насъ зъ тобою тее ліхо не зляка:
Перебудемъ підъ стріхою въ козака.
А якъ гліне ясне сонце на весну —
Забудемо тую зіму нависну.
Поростають тії біліі снігі,
Покривотця травницею всі лугі,
Розивьётця калинонька п садокъ
Розцвітутця п вишеньки п бузокъ;
Заспіввають усі пташкі, якъ въ раю,
Привітатимуть голубоньку мою;
А ти, серце-голубонько, не журись
Та до мене молодчика прихились....
— »Бодай тобі, Горобчику, не брехать,
А Горлицямъ твоїхъ брехень не чувать.
Не до парі голубонці Горобець,

Хочь який він прехорóший молодéць:

Трéба мені, сизокрiлий, голубкá,

Якь хорóший дiвчiнoньци козакá.« —

Дé не взявся сизокрiлий голубóкь —

Якь ухóпить Горóбчика за чубóкь,

Помнявъ ёго, понiвечивъ якь хотiвъ,

Оскубъ ёго, молóдчика, та й пустiвъ:

»Оцé тоби, Горóбчику, такь не вчись,

До чужóй голубоньки не тулiсь.«

Якь дремéне Горóбчикoкь у садóкь;

Боли́ть ёго голóвoнька и чубóкь.

Регóчутця проклiтiи горобци:

»Оттáкь нáшi добувáють молодци!»

Засорóмивсь осмiяний Горобéць

Та й покiнувъ рiднiсенський табунéць,

Полетiвъ вінъ свiтъ - за - очi у садкi

Вiдшéптувать голóвoньку и бoкi.

Я вигадавъ, лёжачи на печi,

Для васъ сiюю бáечку, паничi!

Ой, не бóдте, паничeньки - молодци,

И ви такi, якь оттiи горобци;

Пригортáйтесь, козáчeньки, до дiвчáтъ —

Хiба мáло е хорóшихъ бровeня́тъ?

Дiвчiнoнька, якь квітoчка, — зъ нею рай, —

А чужóй молодici не займáй,

Бо налетiть чáсомъ сiвий голубóкь —

Болiтиме голóвoнька и чубóкь!

Д. ГЛБОВЬ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

I.

27 июля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностью, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдями, которые хотѣли ея завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ пачалахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи Козачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и нестроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершенно было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею все Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распался на *козаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привилегированный классъ; — положеніе послѣднихъ не бы-

(1) Настоящій отрывокъ былъ читанъ на публичныхъ лекціяхъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ въ январѣ 1861 года. Авторъ преимущественно пользовался дѣлами Архива иностранныхъ дѣлъ; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онѣ, подъ его редакціею, скоро будутъ изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свѣдѣній, почерпнутыхъ не изъ этихъ дѣлъ, означено въ ссылкахъ.

ло ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всѣ повинности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній; — со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія старѣства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были тоже, что и они, и въ свою очередь сами теперь хотѣли быть козаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а признанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ.) И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, не смотря на козацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ козакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространить козачество на всю массу народонаселенія Украины противодѣйствовало другое направленіе — ограничить козацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; ибо съ представленіемъ о козацкѣ соединялось понятіе о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всѣ хотѣли быть козаками, всѣ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорокъ тысячъ изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Противодѣйствіе посполства, исключаемого изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.)

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословіи возникло раздвоеніе: образовались козаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуковые товариши) шляхтичи, приставленіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки *простые*, которыхъ значные называли *козацкою чернью* и которые, при случаѣ, готовы были противодѣйствовать возвышенію значныхъ.) Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнять себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ успѣніемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но она, пользуясь всеобщимъ къ

себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радю, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радю начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они сбѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе козаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовымъ* козачествомъ ⁽¹⁾, какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ козачества, хвалились, что не *городовые* козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не *городовое*, а *низовое* козачество должно преимущественно распоряжаться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи ⁽²⁾. Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, по видимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ козакамъ это правилось, посполству, хотѣвшему равенства, еще болѣе, и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ козаковъ и посполство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончатся только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ козаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныхъ не соединяло единство наміреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ пре-

(1) Лѣтоп. Самов. 38. — (2) Лѣт. Велвч. 1,309.

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же неприятностямъ отъ своихъ товарищей.

Въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ было двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ козакамъ—кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не нравился, а потому, что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соответствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ называемыми *правами и вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ комиссарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключеніи виленскаго договора—что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великоросіянъ надъ тѣмъ, что въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Сѣвальною (1). Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы козаки не носили красныхъ сапоговъ, а непременно всѣ обулись въ черные, а посполитые одѣвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ (2). Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украины къ Польшѣ (3) и не уничтожилъ бы

(1) Ист. Рус. 145 — (2) Hist. pan. Jan. Kaz 1. 182. — (3) Лѣтоп. Велич. 1. 366.

Козачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщаль возвратить Польшѣ всѣ земли, отъ нея отторгнутыя ⁽¹⁾. Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ цѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думаль уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій, — и теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Еленѣ ⁽²⁾, Константинъ и Фѣдоръ, дядя его Василій, овручскій полковникъ, и племянникъ Илья ⁽³⁾; воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, эсаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи — Григорій Лѣницкий, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральнымъ писаремъ; обозный Тимофей Посачъ, человекъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человекъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петро Дорошенко, лубенскій — Швець, черниговскій — Іоаннкій Силичъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не виницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, подіетрянскій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Хапенко, бывший кіевскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный по волѣ царя за походъ противъ Польши — люди также получившіе образованіе ⁽⁴⁾. Къ этой партіи принадлежали нѣкоторыя знатныя украин-

(1) Полн. Собр. Зак. I. 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

(2) Лѣт. Велич. I. 377. 15.

(3) Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. rap. Jan. Kaz. 4. 398. Полн. Собр. Зак. I. 504.

(4) Лѣт. Велич. I. 328. Лѣт. пов. о Мал. Рос. 11. 6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

скія козацкія и шляхетскія фамилія, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Печай (1), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казеннаго въ Паволочѣ, въ 1652, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозѣнко*, неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный—Юрій Немиричъ. Потомокъ древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немиричъ былъ наследникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства напитался тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ тотъ вѣкъ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Белгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и рациональнаго богословія; въ 1648 г. онъ пріѣхалъ къ Хмельницкому первый разъ, спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ Зборовскаго мира, но съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна Казимира, Казимиръ Бенѣвскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что казаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признастъ ихъ свободными, и если казаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ правъ и волюностей, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Дюпписій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, проехода изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много ищли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ родило съ

(1) Лѣт. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московіи. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что не смотря на единство вѣры, они далѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрческой Московіи, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія кое-какъ заглушались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежнее недовѣріе. Сильвестръ Коссовъ умеръ. Бутурлинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же взявиль духовнымъ—епискому Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю—царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское «поискала милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотѣло бы итти въ послушаніе къ святѣйшему патриарху московскому.» Украинѣ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать новаго архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтобъ избраніе не было, пока не испросятъ благословенія патриарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были по неволѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдавалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевского митрополита. Признать надъ собою власть московскаго патриарха они ни за что не захотѣли, да и не могли, еслибъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, епископы польско-русскіе испрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ ихъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, а Бутурлинъ писалъ къ Выговскому, выставляя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, извѣщалъ, что пошлетъ козацкихъ пословъ на избраніе митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, при стать къ союзу готовы были богатые ищущае въ го-

родахъ для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибѣгали къ Польшѣ.

Другая партія — если можно всю массу народа назвать партиєю — держалась слѣпо царя московскаго. Чувство единства вѣры и племени инстинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ большую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозившей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые козаки и все посольство будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московією, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволя сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмѣстѣ преданностію Московщинѣ — Мартынъ Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ ⁽¹⁾. Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновеніи московскому государю ⁽²⁾. Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федератисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ... Но народъ былъ на слишкомъ низкой степеніи развитія и всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ виленскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и протекціи. >

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какому требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный,

⁽¹⁾ Ист. о през. бр. 1. Лѣт. Велич. 29. Лѣт. пов. о Мал. Рос. II. 2.

⁽²⁾ Лѣт. Самов. 29. Лѣт. Велич. I. 309—312.

онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечъ на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признавали Юрія гетманомъ на Чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, не шухавшему пороха; другихъ волновало явное нарушение козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человекъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, отклоняя козаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ Путивльскому Зузину, что гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, «а впредь какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю.» Такимъ образомъ въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. «Послѣ трудовъ воинскихъ,» выражался онъ, «я радъ опочить, и никакого урлничества и начальства не желаю.» Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: «гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покаместъ Юрій Хмельницкій вырастетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ.»

Иезуитская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говоритъ украинскій летописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его опасное положеніе, съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что козаки ропшуть и не хотятъ повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что ему дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радю отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и вначтѣ не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.>

Также точно обозный Тимофей Носачъ, воспитатели Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ козаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ должностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиню и выборъ гетмана и старшинъ. (Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.)>

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

«Въ воскресенье, 24 августа, добилиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою;» впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всѣ знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

«Изъ дома вышелъ Юрій съ булавою въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, остиная его.

«Панове рада!» сказалъ Юрій: «благодарю вижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по молодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы другого, старше меня и заслуженнѣе.»

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столѣ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу — знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой перначъ, судьи — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собраніе молчало. Козаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и «много было такихъ», говоритъ лѣтописецъ, «которые хотѣли ее взять, но не смѣли безъ воли народа.»

Между тѣмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломались въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: «Кого желаете наставить гетманомъ?»

Все молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

«Хмельницкаго!» раздалось въ толпѣ; «Хмельниченко нехай бѣдетъ гетманомъ!»

«Панове рада!» сказалъ Юрій: «я младолѣтень и неопытень, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскѣ и печали.»

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

«Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ Хмельницкій. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій и Носачъ и все будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ было, такъ и теперь пусть будетъ.»

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

«Не позволямъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго!»

Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскѣ и предводительствовать козаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

«Пусть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ — войскомъ коман-

довать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.»

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостойнство. Козаки усиленно требовали.

«Дайте время одуматься, панове рада!» сказалъ Выговскій: «Не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени.»

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. «Хмельницкаго! Хмельницкаго!» кричали они, и ломились въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннолѣтія, управлялъ Выговскій»

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потушеннымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нехотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была въ восторгѣ.

«Теперь я спрошу вотъ о чемъ», сказалъ Выговскій: «молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъже рада прикажетъ мнѣ подписываться?»

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

«Пусть панъ Выговскій», сказалъ онъ «подписывается такъ: «Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъчасъ Войска Запорожскаго», потому что въ то время, когда у него будутъ клейноты, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ.»

Простые козаки были просты, говорить лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: «добре, нехай такъ! Служи, пане гетьмане, вѣрно его царскому пресвѣтлому величе-

ству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.»

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: »Сія булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!«

— »Вычитай же намъ«, сказали полковники, »новообранный пане гетмане, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на якихъ воляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества.«

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ вслухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

»На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ войскомъ запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ непріателямъ.« >

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго, — Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву только тогда, когда его принудили козаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и льстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока стѣвое товариство не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ (1); отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенѣвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Бенѣвскій прислалъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ бѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступить къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

(1) Величко, II, 307.

III.

«Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была не полная и могла казаться пезаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взялъ булаву, но только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія козацкихъ правъ, онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней всѣ сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новозбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить козацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

«Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ писаремъ, а не гетманомъ, хотя царь уже извѣстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобъ Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своими, и отнюдь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнитъ приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлался такъ: «когда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя.»

«Артамонъ Матвѣевъ сказалъ:» Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалюя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казацкому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да околицному и ржевскому намѣстнику, Богдану Матвѣевичу Хитрово, да думному дяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и велѣть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человекъ было прислано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ чернаскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ коннымъ и пѣшими людьми, да велѣно также боярину Василю Борисовичу Шереметьеву выслать коннымъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы. « >

Гетманъ, разумѣется, общалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромодановскимъ, въ Переяславѣ, другой, съ Лапуновымъ, въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, потому что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи, съ стороны польской — Бенѣвскій, со стороны шведской — Немпричъ, по извѣстію кіевскаго воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тутъ невольно дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему присланы отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежнія вольности отнимать. «Я въ неволѣ быть не хочу», прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

«Мы», говорили козацкіе чиновники, «будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было перемѣны, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.»

Выговскій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада. >

— На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ воеводою на провѣдки, посадскій человѣчишко Николка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе. («И я Николка былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада», доносилъ онъ своему начальству въ *ропросѣ*).

«Выговскій сказалъ: «при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать никакихъ дѣлъ. Пышъ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ «подданство», переименовалъ Николка: въ писмѣ Бутурлина просто — *союзъ*, а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочеть, чтобы Антона Ждаповича наказати: «вы уже», говорить, «прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану и Ракочию венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?»

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать козакамъ покорность. }

«А только намъ», продолжалъ онъ, «отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до копечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить?»

Выступили полковники: пѣжинскій Гуляницкій, полтавскій Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, иркѣвскій Джеджалы, и сказали:

«Мы не отступимъ отъ присяги, данной его царскому величеству.» >
Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Дибра

повторили тоже: «мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.»

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить, — вмѣсто совѣта, они закричали:

«Якъ ти намъ прирадишь, такъ ми й будемо!» —

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакаая имъ, сказать:)

«Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.»

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ («имени его не упомяну», говоритъ свидѣтель) отозвались не въ такомъ духѣ.

«Намъ, пане гетмане и всѣ паны-рада, не ладно быть у царскаго величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальныя его люди къ памъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять!»

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

«Вы, панове, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чините; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!»

Наконецъ порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

«И всѣ тогда», пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю, — «межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было.»

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, по сказанію украинскаго лѣтописца, наложилъ на себя какъ условіе, когда козаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору кореунской рады, отправили въ Моекву посланцами: кореунскаго полка есаула, Юрія Миневскаго и сотника Ефима Коробку — просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпустилъ Бенѣвскаго съ дружескими увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенѣвскимъ пріѣхалъ другой гонецъ

и агентъ Вороничъ. > Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенѣвскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на козаковъ, своихъ *душмановъ*, вмѣстѣ съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Бенѣвскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничъ — по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшѣ; но козаки не дозволятъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. > Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время, союзъ хана съ Польшою болѣе всего не позволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбиваютъ московскаго владычества, и ханъ первый подаль желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посланца своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у земляного вала. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. «Принимая гетманство», говорилъ ему архипастыръ, «ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣплай Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества.» Сказавъ это, епископъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. > Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. «Но я теперь опасася», прибавилъ онъ, «государева гнѣва, что безъ его указа избранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.»

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

»Когда мы, козаки, поддались подь высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперъ присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подь королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подь государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляхскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ панежской вѣрѣ, либо въ униі.»

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

»На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисpravленіе: обираютъ тебя на Богданово мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ свѣше прежняго.»

—»Когда только меня стали выбирать въ гетманы«, сказалъ Выговскій, »я не хотѣлъ брать на себя этого реимента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упроеомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятели и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества!«

↳ Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возрасло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.»

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ. —

Не смотря на подозрѣніе, которое раждалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ смрти Богдана, онъ, Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и наконецъ описывалъ внутреннее безпокойство края. «Послѣ Богдана Хмельницкаго», — говорилъ онъ, — въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольникій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичъ, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожьѣ большой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и измѣну царскому величеству, поѣду ихъ умирять съ войскомъ, а ты, окольникій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, брагавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живимъ Богомъ общаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся.»

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые объявляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украину. Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Ромодановскаго за Днѣпръ, Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодованіемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостать туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отправилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ-подъ земли зарытые имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселія пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человѣкъ трезвый, но чтобъ понравиться толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгѣ кричали: »отъ щірий, не гордый козакъ!«) —

IV.

Въ Литвѣ, въ послѣднее время, распространилось козачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; хлопы самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно послѣднему, поступили теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь козаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылаясь на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. «Война наступаетъ» — представлялъ онъ, — «козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли и въ осадахъ сидѣли.» 27 августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копильскаго, минскаго. «Воеводы», писалъ онъ, «отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ, требуютъ съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, рѣжутъ имъ чуприны, бьютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно». Полковникъ приписывалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотреть, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измѣнники воеводы теперь меня и товариство мое преслѣдуютъ, какъ непріятелей«. Въ особенности жаловался онъ на боярина Василя Шереметьева; »козакоу беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ«, говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ бояринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Уманн и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожьѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандъ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а стануть всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ...«)

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такими вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣренія защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: «мы, заднѣпровскіе козаки, не привыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ.» Великій государь, говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину, — «не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводу царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ, — мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.»

Противники московскаго владычества толковали народу: «вотъ, какъ возмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чорныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носить не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячь десять козаковъ, да и тѣ на Запорожьѣ; а тѣ, что въ городахъ будутъ, тѣ службу станутъ держать подъ капитанами.»

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородѣ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ каждаго города и мѣстечка по пяти человекъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о переменѣхъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народныя интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь приказываетъ собирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

«Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?» сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки — говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго, — сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что сдѣлаемъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и отаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитывать простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело советъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: «мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ, — мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ.» Такіе отвѣты послѣдовали изъ всѣхъ со-

тень. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинецъ и пульки наготовить, въ походъ за Днѣпръ пойдутъ. — »Мы за Днѣпръ не пойдёмъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдёмъ, когда царскій указъ будетъ.«

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду и отдавалъ свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. (Присылкою бояръ и уничтоженіемъ козакаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говорилъ московскому послу лубенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбливаемъ; и мы и мѣщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братією, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царскаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ. > —

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что прійдетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковники да старшины; и это дѣлаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовла-

стіемъ, ибо уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человѣка старшинъ, а войску изъ ней заплата нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непременно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя всѣ наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.»

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василя, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кievскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

«Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣеть быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панями, нашими начальными! всѣ мы сего ждемъ, а я желаю, чтобы одинаго небеснаго Христа царя имѣючи, и одинаго царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе царю, того дождати!»

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы простого народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и прощется — и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячъ; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привилегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутация отъ простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и паживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сноится съ Поляками, съ ханомъ, съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдѣлалъ его цисаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радъ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ;

последнее мѣсто правилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводу и московское управленіе. «Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ», говорили они, «да козацкая старшина недопускаетъ ради своей корысти.» Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны итти съ родовыми козаками усмирять Запорожье и приказалъ разставить каравулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинець и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умолялъ его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержатъ посланцевъ. «Пусть бы, государь», писалъ онъ, «покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру православную и за достоинство государя, при женахъ и дѣтяхъ и маестностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы.» —

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и покорности и возбуждалъ неудовольствіе гетмана на толпу повѣс, пришлецовъ изъ Украины. «Тѣ, которые поднимаютъ бунтъ», писалъ онъ, «пришли изъ миргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки зимовчакіи ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.» —

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дѣлали бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернил всячески Лѣсницкаго, указывалъ, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всемъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ научаетъ народъ къ неповиновенію и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить козацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ) и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобы склонить козаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣтъ имъ въ этомъ. (Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ полковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины и выборные козаки. «На Запорожьѣ», объясняли они, «людей вовсе немного, всего тысячъ пять, и тѣ не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.»)

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

«Мы не чаемъ бунта», говорили они, «потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобы собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городскую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ будетъ и проченъ; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется.»

«А прежніе гетманы гдѣ выбирались?» спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьѣ. «Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?»

«На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались», сказалъ Миневскій, «и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ.»

Бояре замотали себѣ на усъ, что Миневскій говорилъ въ-одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску) гдѣ сказано, что такъ-какъ козаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ безъ

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже посѣтилъ одинъ московскій гонецъ, страшчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украину подъ предлогомъ извѣстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что дѣлается на Украинѣ, и любятъ ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

«Вотъ, сказываютъ», говорили поселяне Рагозину, «будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придутъ къ намъ, а мы этому и рады.»

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные — тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнѣйшій врагъ, который образовалъ около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкаръ; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкаръ надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сносится съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкарь отправилъ къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша (1). Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравненію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастье. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинѣ отъ разореній, смуть и отвычки къ работамъ во время непрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокуренъ и пивоваренъ, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймиты; не имѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ теперь бѣжали козаковать — въ надеждѣ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что носило названіе *голоты* (т. е. голи, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, по замѣчанію лѣтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи (2). —

Пушкарь составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейнеками*, (т. е., можетъ быть, *де-не-які*, кой-какіе) и въ короткое время у Полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ... (3) и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; посольство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисника* Тимоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагалъ миръ.

(1) Лѣтоп. Величка, I. 317.

(2) Лѣтоп. Величка, I. 328.

(3) Крагк. повѣст. о Коз. Мал. Нар. 83.

»Чи не такъ«, сказалъ Пушкаръ, »Вигóвський хоче менé зъ собою погодити, якъ погодивъ въ Гадячомъ браттю нашу, луччихъ одъ себе товаришівъ Війська Запорозского, поутинавши імъ голови?... аlé не дїжде сёго!«

Приказалъ Пушкаръ оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему прїятелю, въ Каменное ⁽¹⁾.

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междуособной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затяжніе* полки (*затяжці*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25 генваря 1658 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Сербїна, и Малороссїянъ, подъ предводительствомъ Богуна. Они должны были напасть на Полтаву въ распахъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человекъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и были отосланы къ московскому воеводѣ, прїятелю Пушкаря. Лѣсницкій, узнавъ о несчастїи, дѣлалъ кличъ по всему миргородскому полку, призывалъ епѣшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ ⁽²⁾.

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Дїонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

»Хотя ваша святительская милость«, отвѣчалъ Пушкаръ, »и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаеть его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберуть его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

(1) Лѣтоп. Величка, I. 323. — (2) Лѣтоп. Величка, I. 325.

веніе извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желает добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (1).»

Пушкаръ выступилъ изъ Полтавы и дейнеки повсюду грабили жилищныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражалъ всѣхъ имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже козацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посоль ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить своею свободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе ничего не значить. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрешиться съ пріѣздомъ боярина. Зловѣщія слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣсницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово пріѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ просить, чтобъ рада была не въ Переяславѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ гонцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: «это тебѣ за то, чтобъ, пріѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто.»

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ пріѣдетъ на раду. Выговскій былъ предъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣсницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужъ путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Мос-

(1) Истор. М. Росс. II. прил. 12.

кву. Выговскій обѣщавъ вѣхать какъ только утихнетъ волненіе и кончится дѣло, по которому пріѣхавъ бояринъ Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибыль гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: «Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.»

На раду прибыль и новоизбранный митрополитъ Діонисій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибыль въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

«Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себѣ отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ.»

Съ негодованіемъ выслушали козаки официальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

«А бодай того нікто не дїдавъ, щобъ Вигівського зъ булави запорозької зкінули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не зділали, щобъ ви право наше козацьке — обірати гетьмана — у насъ видерли; Вигівський голову смѣживъ, насъ зъ тяжкої неволі лядської визволяючи; всі при німъ умирати, изъ нимъ жити готівисьмо; то вся Україна: полковники, осаули, отамани, сотники и чернь, поприсягаємо!»

«Згода! згода!» раздалось множество голосовъ.

«Все», говорилъ какой-то полковникъ, «все, що царь и ти, боярине, намъ скажешъ, ми учинимо, а зъ рукъ у себе обірання гетьмана видерти не дамó: на те постріли рани й літу смѣртъ у битвахъ зъ ворогами одважно терпимó, щобъ дослужити елави й чести въ нашимъ козацькимъ народі!»

— «Если такъ, панъ рада», сказалъ бояринъ: «если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считатьъ непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ, кто будетъ его царскому величеству непріятелемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества (1)».

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Воевода изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходилъ войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь присылалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами козаки хвалили это.

«И теперь», говорилъ бояринъ, «великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устраивать осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые собирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ собираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.»

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. «Тогда», говорилъ онъ, «если непріятели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріятелю пустошить городовъ и уѣздовъ;

(1) Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Climact. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всемъ будетъ охотиѣ служить: будете знать, что дома ваши цѣлы и не разорены: воеводы берегутъ.»

Простые козаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

«Но въ которыхъ именно городахъ», сказалъ Выговскій, «надобно быть воеводамъ?» — «Вамъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство.»

Посоль требовалъ, чтобъ козаки, водворившіеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ козацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, раздѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приисало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радъ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожило козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впоследствии уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорию, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Поляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго расширения козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевскаго, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ дома—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со всѣхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильцовъ умирать възаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

«О всѣхъ тѣхъ людяхъ,» отвѣчалъ Выговскій, «мы съблаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію.»

—»Великому государю учинилось вѣдомо,» сказалъ бояринъ, «что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не царецъ, и теперь уже скинулъ съ себя чернеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ; онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинить ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; и потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству.»

Гетманъ отвѣчалъ на это:

«Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что-нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.»

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не поѣлано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему неприязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбежна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

«Мы», отвѣчалъ гетманъ, «готовы итти на польскаго короля и велѣли написать универсаль, чтобъ разослать козакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достойніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ каждаго царскаго неприятеля пойдёмъ покорно, по царскому приказанію.»

Наконецъ бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

«Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ козаковъ къ царю — *вольными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листъ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вольными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгѣ пишутъ васъ отъ великаго государя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ козаковъ, не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе, а если бъ васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.»

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что нибудь и отвѣчать на него; оставалось молчать, потупивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотѣть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и бояринъ изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говорить, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ собаляхъ и рубляхъ, и Выговскому и всѣмъ старшинамъ и духовенству и многимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе ⁽¹⁾. 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда бояринъ находился въ Переяславѣ, Пушкаръ со своими дейнеками стоялъ въ Гадячѣ; власть его рас-

(1) Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: миргородскій — Лѣсницкій, черниговскій — Иоанникій Сивичъ, корсунскій — Тимофей Анисіевъ(?), каневскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, иркѣвскій — Матвѣй Пацкѣвъ(?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, нѣживскій — Григорій Гуляницкій, кievскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кievскій — Василій Дворецкій.

ширлась на побережь Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ было итти прямо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ царскій бояринъ, прїѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. Притомъ, разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрову въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую рать и приходить къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссянъ. Онъ отправилъ снова козака, по имени Яковенка, гощемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, — увѣрялъ онъ всѣхъ, — помирился тайно съ Лахами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, письмомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю, увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производитъ смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъявлялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрову, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ то же время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недостойнъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

«Побѣдите», сказалъ Пушкарь, «якій огонь зъ сѣго разгорѣтца!»

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

»Не я нападаю на Выговскаго«, отвѣчалъ Пушкаръ, »а Выговскій нападаетъ на меня, хочеть принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподанный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себя, такъ и всѣмъ вѣрноподаннымъ, царскаго заступленія и покровительства (1).«

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкаръ продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкаръ и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московія, естественно должны были въ Москвѣ нравиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстную независимость.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводу, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложить. Мысль отторгнуться отъ Московія и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣзду подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопиль ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. »Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ)

(1) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II. 4.

«околичій его царскаго величества часто ко мнѣ пишеть; но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотять вмѣстѣ итти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, стоятъ уже на Кисляхъ съ ханскою великою ратью.» Задѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. «Ума не приберу, какъ мнѣ и быть», писалъ онъ въ Кіевъ, «куда мнѣ повернуться не знаю.»

Въ Москву поѣхалъ Лѣвицкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апрѣля, писалъ къ путивъскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извѣстія въ Москву: «Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на столицу не думаетъ; вездѣ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ!»

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берега Ирклѣя. Прибылъ старинный пріятель козаковъ, побѣдитель при Батогѣ—Карабей съ ордою, которая, по сказанію одного современника, простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и послѣ привѣтствій уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать одни другимъ и итти повсюду, гдѣ бы ни предстояла опасность кому нибудь изъ союзниковъ. Козаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась ве-

селяя пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татаръ присягу или шерть по ихъ закону ⁽¹⁾.

Въ слѣдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Оно усилилось, когда въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бесѣды, услышалъ такія двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчалъ и шлъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него копьё: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивши, гордо кричалъ: «Лежить собака, що козацькую кровь Ляхамъ та Татара́мъ продае! У чо́рта теце́рь гро́ші лічітимеш!» Но гетманъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій лагерь ⁽²⁾.

Неизвѣстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ пркѣвскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время послѣдней Переяславской рады при бояринѣ Хитрово, вмѣсто его полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матеей Пацкѣвъ (Пацько?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Павлочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кіевскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Янѣнко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украинцы, кричали: «уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придуть, начнутъ враги церкви Божіи раззорять, людей нашихъ въ полонъ погонять.» Нѣкоторые нисьменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Нушкарю и оборонилъ бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

(1) Лѣтопись Самов. 29.

(2) Hist. panow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clm. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинь получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москали стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: »Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ сродниковъ нашихъ и козаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чисть.« Бутурлинь послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщалъ, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцемъ отъ гетмана и всего Запорожья; за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительной просьбою объ усмиреніи мятежниковъ. Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и раззорили бы весь край. « Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, собразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились прельстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска просилъ комиссаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ, чтобъ такимъ образомъ отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться козаками; ибо отъ этого происходятъ и смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывалъ на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ; »объ этомъ«, говорилъ Лѣсницкій, »и гетманъ и все Запорожское Войско бьетъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для войска: смириѣ станеть. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше.«

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаромъ для реестрованія козаковъ боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись

по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкаря, Лѣсницкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы раззорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмысленными; послали къ нему стольника Скуратова надзирать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не выдавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаремъ. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы царскій посоль не подвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана полковники и всѣ козацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Велѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ козацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ принять его, но уже плохо скрывалъ свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился козакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его итти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посоль заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣдлатъ коня; какъ увидѣлъ это вводившій посла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посоль проговорилъ передъ нимъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказѣ, и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота, онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъявлялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему

Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: «достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя». — «Все у васъ высоко», сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что къ Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ ее самъ и сказалъ:

«Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да голу ему отрубить или прислать въ Войско Запорожское живого.»

— «Такая грамота», объяснялъ Скуратовъ, «отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алфимьевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза, и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побывать.»

Выговскій заговорилъ сердито: «Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его усмирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечемъ. Я не домогался бузавы, хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщаль мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ, да не только не привелъ, но пуще ободрилъ его, подарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что гоеударь вольность намъ обѣщаетъ паче того, какъ было при польскихъ короляхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинить во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; подавали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было; все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никакихъ не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало.

Не впервые къ нему такія грамоты посылаются, да Пушкаръ ихъ не слушаетъ вовсе.»

— «Это уже въ послѣдній разъ», сказала Скуратовъ; «иногда, навѣ гетманъ, что сдѣлаеть Пушкаръ. Если онъ теперь не учинить по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать.»

«Ты, стольникъ», сказалъ гетманъ, «пріѣхалъ проповѣдывать, а проповѣдывать тутъ нечего, — все явно; вѣстей про непріятели нѣтъ; я иду на Пушкаря и смрю его огнемъ и мечемъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ: онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дубраву. Я съ нимъ хочу бится не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а самъ пойду къ Волохамъ или Сербамъ или къ Мультянамъ, — вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣритъ во врагъ, которые государю не служивали, на степи царскихъ людей убивали, казну царскую грабили, — тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаеть, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское.»

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщаль, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

«Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь потакаетъ Пушкарю; самъ Пушкаръ толкуеть, что во всемъ войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ воровъ, пока воеводъ не пришлютъ. А при короляхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было челоуѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили.»

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали, хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17 мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой патеръ. Гетманъ уважительно подвнялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

«Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобы все дѣлать по своей волѣ. Отъ

чего бунты начались? — Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ бывало: какъ начали ломать наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ и теперь въ Колоонтаевѣ задержаны наши козаки и Сербы, и терпятъ муку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ. Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынджу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? подержали, подержали, да и выпустили, а его бы въ войско — вотъ бы и бунты унялись!

— «Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ», сказалъ Скуратовъ; «великому государю неизвѣстно, что твои козаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа; и какъ только твои посланцы пожаловались — сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу перемѣнить; а Михайло Стрынджа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены.»

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

«Тебѣ нельзя идти со мною», говорилъ Выговскій; «оставайся въ Голтвѣ, пока я кончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ пушкареву совѣту много черни пристаеъ и кое-кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, я пойду и буду тебя извѣщать.»

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Лѣсницкій и извѣщалъ, что царь принималъ его отлично; а Пушкарепкова посланца, Искру, велѣлъ задержать въ Москвѣ. Выговскій былъ доволенъ расположеніемъ московскаго правительства, и прежде чѣмъ приступилъ къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ не прочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкарь. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и веъмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. «Мы не знаемъ до сихъ поръ», писалъ гетманъ, «съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинить похвалки на войско наше, общаются грабить пожитки наши и убавать насъ. Только и слышно о безпрестанныхъ убійствахъ, мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ

какія-то грамоты и возмущаютъ и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что прислалъ государь къ Пушкиарю съ дворяниномъ Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; пришлите двухъ своихъ товарищей прочитатъ ее, — увѣритесь, что царское величество не соизволяетъ никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ Прокопія Бережецкаго и Ивана Богуна, и миргородскаго полковника Григорія Лвеницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что не хотимъ проливать крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ — свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надѣлалъ, однако мы не лишили его маестностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и все доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается. «

Товарищи не прибыли съ покорностью. Между тѣмъ въ маѣ была первая стычка Пушкиаревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всею обозомъ подвинулся къ Полтавѣ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтвѣ. «Не кручинься, прошу твою милость», написалъ къ нему Выговскій съ похода, «что ты оставленъ въ Голтвѣ, ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобы ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено; я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкиарь, и если мы помиримся, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству. «

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хвалили Выговскаго, другіе

Пушкаря, но вообще простой народъ, чернь, явно склонялся на сторону послѣдняго. Простые козаки бѣжали толпами изъ войска Выговскаго. Козаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямилась и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и разорить мѣстечко, если они не послушаютъ. «Куда я ни ѣхалъ», писалъ Скуратовъ въ Москву, «съ кѣмъ только ни говорилъ, козаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей, но задѣйскіе не того желаютъ: »Пушкарь, — говорятъ они, — хочеть, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будетъ, мы не доустимъ!»

Поразвѣдавши что нужно, царскій посланникъ опять сталъ требовать, чтобъ гетманъ допустилъ его находиться при себѣ. Неизвѣстно, какъ случилось, — позвалъ ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его воли пріѣхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ былъ въ козацкомъ лагерѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ орду въ ущельѣ въ Сокольемъ-Байрацкѣ; потомъ съ козаками и нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ нѣмцевъ въ долину Полузори, а самъ съ козаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ въ виду города между селеніями Жукѣми и Рябцами на полугорѣ такъ, что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался-было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейнеки взбунтовались, кричали, что войска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голоту соблазняли возы въ обозѣ Выговскаго: голота не предвидѣла, что Выговскій рассчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

1 июня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во все стороны. Голота бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: «тутъ» говоритъ лѣтописецъ, «они не надѣялись конца своему счастью.»

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ пріѣхалъ въ долину Полузори и двинулъ впередъ нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили нѣтъ

бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горілку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная голота не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкарь держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно. Негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско. Наконецъ, какой-то козакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесъ къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, по замѣчанію лѣтописца, удаленная отъ войны въ продолженіе сорока девяти лѣтъ, со всеѣмъ окрестнымъ краемъ, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насилывали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дни, пока наконецъ войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Ордѣ разорять отечество. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволіе Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, те козаки отбивали у нихъ и плѣнниковъ и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вину на своевольныхъ козаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу. (1)

Въ то же время Гуляницкій умиралъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держалъ сторону Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволѣ долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убѣждалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпмятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгала, сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго — Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

(1) О битвѣ съ Пушкаремъ — лѣтоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

никій пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Все покорялось Выговскому. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубины и проспла пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это не повраилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману козакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковского полковника: полковникъ извѣщалъ его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ велѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ, гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводу боярину Хитрово, но, разумѣется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ язвительно и рѣзко.

«Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали оиять заводить бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-церковь назначенъ; а я еще въ Кіевѣ говорилъ: пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись».

— «Не за дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь», замѣтилъ ему Скуратовъ: — «ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы.»

«Нѣтъ», сказалъ гетманъ: «я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человѣкъ драгуновъ, да тысячу человѣкъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Федоръ все мнѣ рассказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говорилъ, что ему сказывалъ Артемонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохоль да и водить какъ угодно!»

— «Если», возразилъ Скуратовъ, «тебѣ нужны были ратные цар-

скіе люди, отчего же ты не взялъ ихъ у окольногочаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольнымъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорятъ тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкуютъ по своимъ дѣламъ да отговариваются, — хотять себя чѣмъ нибудь оправдать. Поѣзжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артемонъ говорилъ; Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артемонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Если бъ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ и грамотъ на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

«Мы», говорилъ Выговскій, «воеводъ не просили у государя; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.»

— «Какъ же, панъ гетманъ», возражалъ Скуратовъ, «ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота, и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во все государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое споможенье. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее, и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.»

«Я никогда», говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, «не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ, такъ пусть и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіямы бѣются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управлялся. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ матежниками, такъ наши Нѣмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!»

— «Да я же самъ», возражалъ Скуратовъ, «былъ съ тобою вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, я только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Моска-

ля изъ нашихъ украинныхъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что ска-
зываешь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а
бубень; такіе у насъ бываютъ у медвѣдниковъ. А хоть бы и въ самомъ
дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ что жъ тутъ такого? Малороссіине
ѣздятъ въ царствующій градъ Москву, и въ разные города пріѣзжаютъ
и покупаютъ, что имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нѣтъ. Лю-
дей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка.»

«А зачѣмъ же украинные воеводы», говорилъ Выговскій, «моихъ
измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ доволь-
но въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ.
Наши бездѣльники надѣлаютъ здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе
города, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы госу-
даревыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отда-
вать вашихъ злодѣевъ, что къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ горо-
довъ, и воеводъ къ себѣ не пушу въ города. Какъ государевы воеводы
съ нами поступаютъ, такъ и мы съ ними будемъ поступать. Государь
только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ;
въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ
королемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить мож-
но все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ.»

— «Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было
хорошо; только, вспоминая объ этомъ, слѣдовало бы вамъ плакать.
Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и
терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между ва-
ми униатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго го-
сударя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милости-
вому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ
непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ знать, и
не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воево-
ды ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты
чинишься царскому указу не послушень.»

«Я», сказалъ Выговскій, «радъ служить вѣрно царскому величе-
ству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны,— отъ нихъ только бунты
начнутся.»

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ
того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего войска просилъ
присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать перепись въ ко-
зацкомъ войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

«Не надобно, не надобно воеводу!» кричал Богунъ: «женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будетъ!»

Оскорбленный посолье просилъ Выговскаго унять Богуну. «Перестань!» сказалъ послѣднему гетману: «это не теперешняя рѣчь!»

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ обѣщался ѣхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ очень холодно: «Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ спасаюсь.»

17 іюня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами пріѣзжалъ крымскій посолье подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракочія, и Выговскій отправилъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро пріѣдетъ посолье, знакомый козакамъ, Янъ Бенѣвскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ.

Неизвѣстно, какъ и когда уѣхалъ Скуратовъ, но въ іюлѣ его не было въ Чигиринѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдѣ его полюбили: Бутурлинъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто изъ-за дѣла дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, преемственной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось...

«Василій Борисовичъ», говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву, «не только сажаетъ мѣшанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имущества, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.»

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣться хорошенько не успѣлъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ. Уже послѣ пораженія Пушкаря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположилъ

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у него; съ нимъ были нѣкоторые другіе подвижники душкаревой партіи: Довгаль, Семень писарь (онъ находился подъ видомъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волѣ). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодѣйствіе себѣ. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны; Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не является. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ; «нельзя жить иначе, какъ окружить себя Татарами», говорилъ гетманъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылають отвѣта. «Побѣдивъ Пушваря», говорилъ онъ, «я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василюемъ Петровичемъ Кикинымъ, а мнѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому дѣлають мнѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ». По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить; онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; гетманъ потворствовалъ народному нерасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козель извѣстилъ его, что въ Гадячѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними, какъ съ непріателемъ. По обычаю, пограничные воеводы отпращивали своихъ людей провождать вѣстей въ Украину; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинные молодцы Сѣверской земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшѣ, къ 10 юля, собирался сеймъ. «Въ настоящее время», писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ, «для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коммиссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ цѣлю утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Московитянами — двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободного избранія государей» (1).

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину, дабы впоследствии, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ веѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлютъ козацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить козаковъ на предмѣстіе (2). Черезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы приписывали эту перемѣну вліянію козаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украины, чтобъ Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексѣю Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые комиссары для заключенія договора съ Україною (3). Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали посламъ московскимъ назначить комиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію (4). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

(1) Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 345. (2) Hist. pan. Jan. Kaz., 347. (3) Hist. ab. exc. VI. IV, 416. (4) Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенёвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами ⁽¹⁾, держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Θεодосія Томкевича, который вкрался въ довѣренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козацкимъ правительствомъ и Бенёвскимъ ⁽²⁾. Сначала Выговскій повидимому подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій отвѣчалъ съ благодарностію, но не показывалъ охоты къ возобновленію подданства Польшѣ ⁽³⁾. Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтъ своемъ соглашался, — съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: »по Божіему устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишаящій насъ милости ⁽⁴⁾«. Онъ казался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Пивека, отдавашагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгнали оттуда козацкій гарнизонъ ⁽⁵⁾.

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Бенёвскій писалъ, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Московіею, и приписывалъ это своимъ трудамъ ⁽⁶⁾. Къ-сожалѣнію, неизвѣстны всѣ продѣлки, какія употреблялъ этотъ ловкій дипломатъ, чтобъ внушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать старшинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что склонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣми недоразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Бенёвскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя ⁽⁷⁾. Что касается до Бенёвскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обѣщанія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

⁽¹⁾ Пам. кiev. комм. III, 3. 161. 181. 190. 191. 202. 203. 204. 244. 248. 251. 270. 211. ⁽²⁾ *ibid.*, 217. 219. 220—227. ⁽³⁾ *ibid.*, 166—169. ⁽⁴⁾ *ibid.*; 173. ⁽⁵⁾ *ibid.*, 362. 193. 212. ⁽⁶⁾ *ibid.*, 221. ⁽⁷⁾ *ibid.*, 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ (1).

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между тѣмъ гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Выговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всемъ полкамъ приказанія, чтобъ все были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его проискамъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и козаковъ не вѣрить прелестнымъ писемамъ, которыя разсылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клеветуютъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно перемѣнился. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю; потомуъ выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ мнѣ полковники и сотники и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня извести. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всемъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Буду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государевы ратные люди вздумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

(1) Ibid., 239.

шемъ малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ, пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ построенъ по указу его царскаго величества.»

— »Объ этомъ«, возразилъ ему посланецъ, »тебѣ, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и околничій князь Ромодановскій посланы были по твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрить писемамъ твоихъ полковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ писать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значить: ты престопаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное дѣлованіе.«

»Много я писалъ«, отвѣчалъ Выговскій, »и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперь только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами.«

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свиданіе.

»Уже не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ«, сказалъ Выговскій, »о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ.«

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Федоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значить, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человекъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Велѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинимъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ проходящими, получать и передавать вѣсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворъ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмиистра съ отрядомъ козаковъ, взяли обоихъ посланцевъ и съ ними провожатахъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. »И терѣли мы«,

доносилъ Портомоинъ, «и голодь и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде.»

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевѣ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войскового суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ наналъ на него козацкій отрядъ черкаскаго полка, подъ начальствомъ черкаскаго полковника Джулая. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого времени, какъ рассказывали, случилось будто бы сдѣлающееся происшествіе.

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкѣ современныхъ лѣтописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, вѣроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

«Это еще не все», говорилъ козакамъ гетманъ: «перевѣзчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ».

Раздалися крики негодованія.

«Чого ще маємо ждати? Ходили до громади и до оборони самихъ себѣ и старшинъ, присягали единъ другому лягти, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину.»

Выговскій воспламенялъ такой духъ, выкативши козакамъ нѣсколь-
ко бочекъ горілки (1).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ мало-
россійскаго лѣвобережнаго края. А между тѣмъ, разсылались универса-
лы по всей Украинѣ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Мос-
калей.

Настроенные противъ Москалей козаки стали вездѣ задерживать,
грабить и оскорблять Великороссійанъ, гдѣ только встрѣчали въ своей
землѣ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода
готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь,
конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло
пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проѣзда: »и
твоихъ государевыхъ проѣзжихъ всякихъ чиповъ людей по дорогамъ
Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману
Ивану Выговскому«, доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, покусился взять Кі-
евъ; съ нимъ было пять полковъ: бѣлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій,
брацлавскій и подністрянскій... Но порученіе окончено очень неудачно.
Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на пастбищѣ и уда-
рили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ для на-
блюденія за приходомъ непріятели. Сторожи побѣжали и дали знать въ
пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посадъ,
перебили нѣсколько Великороссійанъ, зажгли посадъ, чтобъ очистить
мѣсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный
приступъ на городъ. Но Великороссійане вышли изъ города, напали на
козацкіе окопы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литав-
ры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдава-
лись, другіе пустились бѣжать и хотѣли переправиться черезъ Днѣпръ,
но потонули. Самъ Данило убѣжалъ раненый. Пѣнныхъ козаковъ под-
вергли пыткѣ. Со страху они старались какъ можно болѣе чернить Вы-
говскаго, и увѣряли, что пошли подъ Кіевъ по неволѣ, что ихъ съѣли
и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказаніе не
слушаться болѣе гетмана, и отпустилъ ихъ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыски-
вать, мучить, рубить головы—по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать не-
покорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

(1) Hist. panow. Jan. Kaz. I, 358. Ann. Pol. Cl. II, 308.

мействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Боришполь близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію. Съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Бенёвскій и Евлашевскій съ инструкціею для заключенія союза. Немиричъ былъ устройтелемъ согласія.

Х.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалкахъ на великорусскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ какъ злополучный Портомонинъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, какъ идутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставамъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были все почести. Когда посоль ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начесть; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человекъ сошелъ съ лошадей; все кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посоль приблизился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подаль увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьи.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами козацкими и татарскими?«

Гетманъ ропталъ, что, послѣ умирения Пушкаря, его приверженцы нашли покровительство у Ромодановскаго.

»Барабашъ«, говорилъ Выговскій, »именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, а околычій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; я это зналъ, и не побхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и сталося. Бояринъ нежданно наналъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мѣщанъ побили. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева!«

— »Какъ же«, говорилъ дякъ, »ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять: а теперь поджидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ кровь свою проливать за васъ! Блудитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то, что мнѣ прилучилось слышать о Кіевѣ—это прямѣръ, что Богъ свѣше зреть на неправду и метить за нее!«

»Мы отъ руки его царскаго величеста не отетупили!«, сказалъ гетманъ, »а воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ много намъ зла надѣлали: и правá наши поломали, и церкви Божіи пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невинно погубили. Мы зато будемъ имъ метить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станеть. Какъ и при короляхъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять.«

Дякъ замѣтилъ: »это не дѣло подданныхъ—управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити, а еслибъ что отъ нихъ и было, то можно послать битъ челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величеста и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше вамъ, вспомя свое обѣщаніе предъ евангеліемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустишь войска свои и отпустити Татаръ, впередъ съ ними не есылаться и не чинити соединенія.»

— «Этого и въ мысли нашей нѣтъ», сказалъ гетманъ, «чтобъ не управясь съ непріятелемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустити; не токмо Татаръ — и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ!»

«Такъ если вы задоръ учините», сказалъ дьякъ, «то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!»

— «Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показаль намъ своей милости, не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольничему Ромодановскому за его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ и на тѣхъ, кто стоитъ за нихъ!»

— Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковою судъ.»

— «Барабашъ уже въ моихъ рукахъ», сказалъ Выговскій.

«Зрадлива Москва», сказалъ черкасскій полковникъ Джулай, «дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значить, чтобъ мы его не отбили да не взяли!»

— «Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.»

«Съ чего это взяли?» сказалъ Гуляницкій: «у меня такого московскаго бѣглаго челоуѣка нѣтъ и не бывало!»

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненныя дѣйствія. Но гетманъ повторилъ тоже, что прежде говорилъ:

«Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ мстити! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиною посовѣтуемся!»

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентября, пришелъ къ дьяку Немиричь и сказалъ:

«Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Боришполѣ всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучать православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ пересталъ такъ поступать.»

«Я не смѣю», сказалъ дьякъ, «писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намѣстникъ бѣлозерскій, человекъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ.»

Затѣмъ дьякъ началъ просить отпуща.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дьякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему эсаулъ Ковалевскій.

«Хотѣлъ бы», говорилъ онъ, «гетманъ и всѣ старшины отправить пословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать — боится гнѣва царскаго, задержанія и ссылки.»

Дьякъ сказалъ:

«Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Поѣзжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные города.»

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

«Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертью и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видятъ да терпятъ, боится татарской сабли.»

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозѣ скованнаго Барабаша. По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного козака, Барабашъ подъ пыткой сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не присылаю отъ царя. Но теперъ гетманъ послу сказалъ такъ:

«Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ — будто бы отдавать его въ Войско Запорожское, на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говоритъ, можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ цар-

скаго величества: перебѣжчики изъ московскаго войска говорили надѣ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велѣно чинить промыселъ надѣ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить.»

— «Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій говударь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшка Барабашъ говоритъ воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человѣкъ разсудить: какое ужъ добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденному! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится!»

Послѣ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

«Что дѣлается въ Бѣлгородѣ?» спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостями: «много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ?»

— «Багато людей», отвѣчалъ Барабашъ.

«Это Барабашъ на ссору наговариваетъ», замѣтилъ дякъ: «въ Бѣлгородѣ людей немного.»

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предѣ гостями въ злополучномъ видѣ.

3 сентября опять позвали дяка къ гетману:

«Говоришь ты, гетманъ» сказалъ дякъ, «что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Векладывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно!»

Гетманъ на это отвѣчалъ:

«Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ еще не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про все насилія, и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посовѣтовавшись съ старши-

ною, призвавъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станеть.»

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напоминалъ о присягѣ, о единовѣрїи, о царской милости, и просилъ по крайней мѣрѣ удержаться отъ непріятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

«Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ.»

Дьякъ снова началъ убѣждать и страшалъ козаковъ гнѣвомъ Божиимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

«Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указа отъ сего числа три недѣли и четыре дни.»

— «Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспѣю!» сказалъ дьякъ.

«Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ», сказалъ гетманъ, «и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что. Какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазь Ивановъ, а государю кажетъ не подлинныя листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазь Ивановъ недоброхотенъ ни мнѣ, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что онъ къ великому государю вноситъ несходныя съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало—кто мнѣ недругъ, и о чемъ нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана рассердить на того, кто пишетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велить вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручить кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинныя мои листы, а не списки.»

— «Думный дьякъ Алмазь Ивановъ», объяснялъ Кикинъ, «по милости его царскаго величества, человекъ честный, навѣчный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человека его царскаго величества.»

«Мнѣ мои посланцы сказывали», — говорилъ Выговскій.

— «Посланцы твои», сказалъ дьякъ, «пьяницы и баламуты, на ссору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ.»

Съ этимъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковою Ѳеодоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

«Гетманъ», сказалъ Лобода, «положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываеетъ, что отпустить тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнѣ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъ-подъ власти царскаго величества.»

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

«О справедливости», сказалъ дьякъ, «бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти.»

— «Войска я не распушу и Татаръ не отпущу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли.»

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность тому, что говорилъ Лобода, но посла увѣряли, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы.) Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительно всѣхъ доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ошутительно еще и въ наше время, когда у

многихъ уже совершенно измѣнились историческія и этнографическія воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскія повѣсти Гоголя предметомъ своего изслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ *Черной Радѣ* я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изслѣдованія: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода* противъ исторіи и народнаго быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Бесѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявилъ, что будто бы я «умалюю достоинства повѣстей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе *Черной Рады*» въ глазахъ читающаго общества (1). По мнѣнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтлилъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издалъ, со всевозможно кропотливой повѣркой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Черную Радѣ*, возгордился мнимыми преимуществами своими въ изученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но *Черная Рада* могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибы это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка (2), которые уже тогда читали ее

(1) См. *Русск. Бес.* 1838 года.

(2) Писано при жизни Шевченка и читано въ его присутствіи, въ украинскомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по источнику матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разбѣжая по этому дѣлу въ разныя мѣста и лѣтя въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію, — я былъ тѣмъ же авторомъ *Чорной Рады*, что и нынѣ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, чтобы не слышать ни хвалой, ни осужденіемъ его произведеній (1). Если же, начертывая, въ эпилогъ къ *Чорной Радѣ*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значитъ, что я умышленно понижалъ ихъ достоинство. Известно каждому, что полного совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще не былъ авторомъ произведеній, которыя составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: »Дурно! дурно! нигде не годится!« Само собою разумѣется, что негодившееся никому для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* »дивнымъ созданіемъ«, не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! но не мѣрю нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовалъ цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобныя моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутациі какого-нибудь ав-

(1) Соч. и П. Гоголя, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но въдъ Гоголь богачъ, для котораго ничего не значитъ—заплатить дань критикѣ. Лучшія изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять лѣтъ — а пожалуй и менѣе — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственного развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудренаго, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасъ Бульба*, въ какъ и въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаеть онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ее очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нея, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющаго специальныя свѣдѣнія о предметѣ, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что высказано мною въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнья, могущія опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ выписать изъ моего эпилога къ *Чорной Радѣ*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

«... Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Украинцевъ сожалеютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творчествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Какъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обоихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіянъ своеобразный и поэтический народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по карриатурамъ. Судя строго, украинскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтический тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ «пророчества въ прошедшемъ». Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе брасаютъ ему искру свѣта, — съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ жидущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Украинцевъ сожалеютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя худо-

жественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ гения. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдалека бы въ разработку украинскихъ архивовъ и летописей, въ собираніе пѣсенъ и преданій, въ разъѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Украины; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъ допнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всё таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*. Этой великой попыткѣ произвестъ нѣчно колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всё Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ *Мертвыя Души*? Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинцемъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (1). Но созданіе *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторской Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это — самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдываетъ

(1) См. *Нѣсколько словъ о Поэмѣ Гоголя: Мертвыя Души*, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра ⁽¹⁾. (Со времянъ Гоголя, взглядъ Великоруссовъ на натуру Украинца переиѣнился: почуяли въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнью и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.» >

Вотъ онъ, несчастныя страницы моего эплога къ *Черной Радѣ*, которыя неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ моихъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя*.

Съ самаго появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргородѣ*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскіхъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русско-эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскіхъ повѣстей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа. (Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ у-

(1) См. Авторскую Исповѣдь въ Соч. и П. Гоголя, т. III, стр. 300.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская Ярмарка*, словами: «Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навѣкъ еще строго звѣдшавъ значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ —

Младая кровь играетъ

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу «умалить» цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про «влюбленную землю» и про «золото», которое «прыщеть» при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про «изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ», и про «сладострастіе и нѣгу» украинскаго лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первыя страницы первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что иное, какъ радужное облако юныхъ грѣзъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ «прозравшимъ сквозь всякій туманъ» взглядомъ великаго писателя, какимъ онъ впоследствии видѣлъ ее при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантазмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значить, что мы низводимъ Гоголя, даже

и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая Вечера на Хуторѣ, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: »Много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!« но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной »зрѣлости« въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней »обдуманности«, его достойнаго мужескихъ лѣтъ »совершенства.« Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: »Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя« (1). Но такой строгости, съ какою великій и »взыскательный художникъ« оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другія подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣетъ критика исключать ихъ изъ предметовъ своего *строгаго* вниманія?

Сдѣлаю кстати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имѣющее свою параллель и въ поэзи. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ изсѣкаетъ изъ мрамора статую, — какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, *докончить* изящное произведеніе. Смѣлость сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, — все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполне образовавшіеся. Поэтому - то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и предается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: »Жаль, что не докончилъ!« и онъ, забравъ кой-какія справки о судьѣ, готовъ обвинить его очень неблагоприятно въ »умаленіи« цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную

(1) Въ томъ же предисловіи.

цѣнность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. (Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполне и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было *докончено*. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная сопъ амоге великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго гениальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ни могущественна кисть живописца, создававшаго натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особености. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ — и съ трудомъ отыкалъ — въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки пѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всё таки многія стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а иныя совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всё еще, покаместъ, имѣемъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измѣрять достоинство повѣстей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородныя повѣсти Гоголя, одну изъ настоящаго, другую изъ прошедшаго времени и высказали мнѣніе о томъ, что помогало ему въ возсозданіи одной сферы и что препятствовало ему въ ясновидѣніи другой; то кетати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. »У меня не было влеченія къ прошедшему«, говоритъ онъ. »Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, — можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ же-

ланіе быть писателемъ современнымъ» (1). Далѣе: »Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ-бы его собственное тѣло.... Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умъ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрягъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣйшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ — когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно» (2).

Эти послѣднія слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ времени Острияницы вполнѣ воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти о шинели. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія проstonародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть — не статистика, и учесть всего, что въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого парубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ мѣшками, пенькою, полотною и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ — назначенная въ про-

(1) Т. III, стр. 511.

(2) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подь перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопупенковъ сынъ или Голопупенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что и мы, грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неудобно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскіхъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ.«

Это влюбленный молодой человѣкъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаемъ *нашъ* народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой проеиходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопиемъ, а по имени и по-жалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послѣднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Солопій, при всей каррикатурности даннаго ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ ⁽¹⁾. Въ Украинѣ заможность (зажиточность) хозяина соответствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ *безрѣшныхъ* доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что пріобрѣтаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностію. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человѣка. Отъ этого же онъ держитъ

(1) См. разговоръ о пшеницѣ на стр. 17 *Сорочинской Ярмарки*.

себя въ какомъ-то неприкосновенномъ величїи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненїи первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, не зналъ поселянину близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не посылъ на его свадьбы какого-нибудь почетнаго званїя, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина *дружкó* отъ слова *дру́жка*, что читатель и увидитъ изъ примѣчанїя, сдѣланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненїй (1). Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видящїй въ мужикѣ одно смѣшное (2). Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь прїятно для будущаго тестя — предложенїемъ себя въ зятевя, Солопїй ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спасівка* (Спасовъ постъ), ибо на страницѣ 12 сказано: »Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа.« (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъ-хлѣборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Занять* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, *хазайський синь* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, »что стыдно людей« и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дѣвчатъ вообще, а не то, что только невѣсть или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрощенныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что парубокъ *чѣсного и хорошого рóду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говоритъ въ пѣснѣ козакъ, котораго дѣвчина, лаская, назвала *стѣлющимся зеленѣнькимъ барвіночкомъ*:

Ой слався я, дѣвчинонько, по твоему горóду, —

Не тобі лишъ сподобався, *всѣму твоему рóду*.

(1) Тамъ же, стр. 18.

(2) Я покажу, въ своемъ мѣстѣ, что и какъ ему казалось не-смѣшнымъ, и въ какомъ отношенїи это не-смѣшное находится къ смѣшному.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкамъ. Есть пѣсня:

Пийшовъ би я нъ ўлоньку, — голѣвка болѣть:

Свѣтавъ би я дѣвчиноньку, — такъ ридъ не велѣть.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Солопія*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопупенкова сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что: «Что жъ, Параска? Можеть, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобы и паслись на одной травѣ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могарычу!»

«И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи — подъ яткою у *Жидовки*», и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ проstonародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. >Да и <каждый> кому угодно сойти ниле крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выдти изъ коляски и поселить въ немъ къ себѣ дружелюбіе (увидитъ, что приволакиваются къ дѣвчатамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заѣзжіе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: «Можеть быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого», а просто кричать: «Геть къ нечѣстому!» или: «Тю, навѣжѣний (!) чи е въ тѣбе сѣромъ мирскій» (2)? И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопія: «Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дръжкою (т. е. дръжкомъ: дръжка у насъ — дѣвушка), уже надоумилъ».

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнаеть Украинца-отца, котораго совершеннѣйшій типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

(1) Сумашедшій.

(2) Не стыдно ли тебѣ предъ обществомъ?

пролил слезу изъ сочувствія къ высокимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческія рѣчи Наума Дрота (1). Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидѣть бѣтько кінѣць стола,

На рѣки схилився,

Не дивитця на свѣтъ Божій,

Тяжко зажурился!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послѣдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Нехай тебѣ Богъ прощѣе

Та добріи люде!

Молись Богу та йди собі —

Минѣ лѣгше буде.

Вѣдь обѣ эти личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежатъ къ тому же классу, обѣ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣніи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ протодушно, такъ беззаботно, такъ *залибкій*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабацкѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабакъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

(1) Главное дѣйствующее лицо въ повѣсти Квитки: *Маруся*. Никогда я не забуду, какъ оцѣнила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. «Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтеніемъ поцѣловать руку», сказала она.

— «Что жь это за *красная свитка?*»
 «Тутъ у нашего внимательнаго слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.» (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толпѣ народа, рассказомъ о чортѣ и его красной свиткѣ, человѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такіи чортъ страшній, якъ ёго малюють.*) «Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки.»

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому *малоросійскому юмору* и, что называется, *лягнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: «Можеть, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже!» Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умóвъ кобзарь, сумýючи:
 Щось рúки не грають....
 Кругóмъ хлóпці та дівчáта
 Слáзонькí втирають.
 Пíйшовъ кобзарь по ùлиці,
 Зъ журбí якъ заграє!
 Кругóмъ хлóпці навирíсáдки,
 А вінъ примовлáє:
 »Нехáй бóде отгáечки:
 »Сидíть, дíти, у за́пíчку,
 »А я зъ журбí та до шíнку,
 »А тамъ найдú мою жінку,
 »Найдú жінку, почагúю,
 »Зъ ворóженькíвъ покецкúю!»

Низведа величаваго и поэтического своего земляка до уровня съ петербургскими фризowymi шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабакѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселянъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здѣсь не мѣсто; но объявляю не обинуясь, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: «Се все одно, що запивáти свáтання у чóрта въ дéклі!»

Вотъ, вамъ еще разъ—уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной України во время сочиненія українскихъ повѣстей. Онъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *паничъ*, несходившій ниже помѣщичьяго крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи, — не болѣе.

Сцена въ кабацѣ у Жидовки написана *дивно*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

«Эхъ, хватъ! за это люблю!» говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его палилъ кружку величиною съ полкварти и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. «Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ достала! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!»

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца и долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни комъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодецествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства ⁽¹⁾. Народныя пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, беспомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяга*, неработающій и неимушій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностію пьянаго человѣка:

Ой зажурилася бідная вдова:

»Якъ мнѣ жити, якъ горювати!

»Якъ своїхъ діточокъ прогудувати!»

Ой обізвѣтця козакъ-нетяга:

»Ой не журіся, бідная вдово!

»Я жъ тебѣ люблю, за себе візмю:

(1) Напримѣръ:

Ой не спийайте у ставу воді, нехай вода ріне:

Не дайте менѣ за п'яничку, нехай вінъ изгіне!

Я съ п'яницею жити не буду, тільки роскоші забуду;

Я съ п'яницею жить не піймуся, хибя піду утоплюся.

»Я твою худібоньку попропиваю,
 »Я твоіхъ діточокъ порозганію,
 »Я твоі карі очи попідбиваю!»

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственнаго изученія народа, и «по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство» (слова моего эпилога). Оставались ему однѣ книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не знавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственного великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень низко, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ кабацѣ на ярм. рѣкѣ. Въдъ это перифразированная рѣчь каррикатурнаго Зевеса, Котлиревскаго, объ Енеѣ:

Чи бачишь, вінъ який парніще?
 На світі трѣхи є такіхъ:
 Сивуху, такъ якъ брагу, хліще!
 Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ!

Что было хорошо въ устахъ *миа́вшего съ постаця* Юпитера, относительно *завзятішого изъ всіхъ бурлакъ* Троянця, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работающаго пахаря, вѣтряющаго свою дочь - красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаетъ противъ новаго воззрѣнія на *Вечера* и *Миргородъ*.

Послѣдуемъ далѣе за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающаго видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Патанувшись порядочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ при-

сутствии дочери, — Солопий отправился къ женѣ, »посмѣиваясь и покачиваясь.«

»Ну, жинка, а я нашель жениха дочкѣ«, сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь *зналъ* престонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хивря вложилъ бы факты, выражающіе быть народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человѣкъ, какъ онъ, Солопий, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ престонароды существуетъ унизительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопю языкомъ московской купчихи: »Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть«, и проч.

Если бы Солопий выразился у Гоголя предъ женой въ духъ народнаго быта, то есть: »Ну, жинко, находится женихъ нашей дочери!« то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣчи. Она сказала бы: »*Хорошъ долженъ быть женихъ* (1), который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! *Думаю, оборванныйишій изъ всѣхъ голодрапцевъ*: отцовскіе сыновья (2) думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакують! добрые люди ожидаютъ Святой Покровы (3) для сватовства! А это видно какой-нибудь *пьяница и бродяга*, который, по твоей милости, срамить насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!«

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемену съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можетъ выбиться изъ типа театральной великорусской мѣщанки. Скажу болѣе: она даже и въ роляхъ съ поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, И. С. Аксаковъ (4), говоря о козакахъ,

(1) Въ этомъ мѣстѣ слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежать Гоголю.

(2) *Отецька дитина, отецький синь* значить у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

(3) То, что по велико-русски *Покровѣ*.

(4) Въ *Русской Бесѣдѣ*, 1858, въ статьѣ: *Украинскія Ярмарки*, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова *О торговлѣ на Украинскихъ Ярмаркахъ* еще не появилась отдѣльно.

хуторянахъ и мѣщанахъ: »Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія.«

Это говоритъ Москвичъ, это говоритъ сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ инообычный и иноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и пошвичемъ, этого изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленныя рѣчи Украинки съ *природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведеною до нельзя утонченностію въ области чувства, заслоняющими недостатокъ образованія:*

«Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже бороши, шеи?» говорила Хивря.»

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ *gubasznie*. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шею?« На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣже, грубѣе или *рубашинье*; именно: *скрутить вѣзи*, или *звернуть вѣзи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная Исторія* (1); но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ рѣчей*. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выражений, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: »Пойдем-

(1) Не имѣя подъ рукою книги, не могу указать страницъ. Но это мѣсто легко припомнить всѣ по похваламъ, которыми осыпали его въ великорусскихъ критическихъ статьяхъ.

те же теперь въ хагу; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болѣчка* или *сбѣяшница* пристала: нѣтъ да и нѣтъ! >

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, «пырхали отъ смѣху», трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостковъ, что и самъ авторъ.

∟ Sed alia tempora!

комическое паясничанье теперь уже ничего не значить въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народнаго быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея не зналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Попрошу послѣ этого вспомнить приводимое г. Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойнаго Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулителя, подумалъ очень основательно, что Гоголь «вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ». Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумеется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по временіи, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодъ только что выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинецъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа. >

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, искренно желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ *его обществѣ* совсѣмъ не мѣстныя; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балалайкою украинскія вечерниці (1), а къ пасичнику Рудому Панькѣ назвалъ въ гости каррикатуры. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечерниці съ балалайкою; а къ такому пасичнику, который пишетъ російскія городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, гениальная карриатура Гоголя вовсе и не карриатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать все тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, еслибы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же неизмѣнно-многоцѣннымъ твореніемъ, какъ многія изъ его послѣдовавшихъ созданій, и Украинецъ какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: »Да, это мои предки! Хотя они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ *natura prona atque ventri obediencia finxit*, хотя они двигаются точно волю въ ярмѣ, хотя ихъ неразвита слободною гражданственностію жизнь очень во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленные великимъ поэтомъ ихъ образы драгоцѣнны для меня, какъ фамилные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварскаго вѣка«. Подобныя этимъ слова произнесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самыми глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *вытукло* и *прко* на *всенародныя очи* (2); то не для

(1) См. предисловіе къ *Вечерамъ на Хуторѣ*.

(2) *Мертвыя Души* въ Соч. и П. стр. 135.

того надобно это дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *имущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣяся заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ, чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ оставлены дѣствующія лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа — просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времени пригналъ Гоголь свою повѣсть) пусто — *чортъ знаетъ что такое*. Отсутствіе стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, »преемниковъ Гоголя въ самопознаніи«, такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непрочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлуяхъ, влѣпленныхъ его дочери къмъ-то среди многочисленнаго общества (1), долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія російская столичная критика своего времени назвала вѣрно живописью украинской простонародной жизни! такія произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

(1) Прошу извиненія за употребленное такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ мнѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слишкомъ много и не можетъ не дорожить ихъ мнѣніемъ.

статками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ!* Здѣсь онъ уже не новичекъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, — здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. »Умаяя«, по словамъ критика *Русской Бесѣды*, »достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ пѣны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе гения великаго поэта. Гений, произведшии *Мертвыхъ Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе природы въ картинкѣ — совершенно иныя. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ — гений; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ — это не одинъ случай — лепечетъ онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда-то. Но гений, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію — дѣло иное, и гений, созрѣвшии и выразившии себя вполне — опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣшительность Гоголя въ искусствѣ, а гениальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ»

П. Кулишъ.

26 июня, 1858.

Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

НВ. Этнографо-критическій разборъ *Сорошинской Ярмарки* не могъ быть оконченъ въ первой статьѣ, безъ нарушенія ея предѣловъ. Мы посвящаемъ этой повѣсти и вторую статью.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

(Продолженіе).

Напѣвы, которые здѣсь будутъ изданы, сообщены Аѳ. Вас. Марковичемъ; они записаны имъ изъ устъ народа со всевозможною вѣрностью. Онъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живою повѣркою гармонической обработки при каждой отдѣльной пѣснѣ. Будемъ совѣтоваться и съ другими знатоками Украинскаго пѣнія. Приглашаемъ всѣхъ ихъ содѣйствовать намъ въ настоящемъ случаѣ, по мѣрѣ силъ. Пусть каждый принесетъ свою ленту на народный олтарь.

При обработкѣ пѣсень мы будемъ далеки отъ всякаго притязанія на то, чтобы «блеснуть» виртуозною стороною гармоническаго дѣла, «щегольнуть» такимвъ-то контранунктомъ.

Всему, что хоть сколько нибудь отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здѣсь отнюдь не мѣсто. Въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ все подобное — «отъ лукаваго».

Вслѣдъ за переложеніемъ каждой пѣсни на ноты — мелодію съ двумя строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ видѣ *опыта*), помѣстимъ эстетико-технической разборъ пѣсни, въ соединеніи съ ея текстомъ; сдѣлаемъ намекы на сокровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежація въ каждомъ изъ этихъ напѣвовъ, не «сочиненныхъ» а — повторяемъ — народомъ, т. е. самою натурою «созданныхъ».

Въ выборѣ и группировкѣ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группѣ будутъ собраны пѣсни, по возможности, разнаго характера. Поле Украинскихъ напѣвовъ въ этомъ отношеніи замѣчательно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточнаго количества избранных и прежде еще не бывавшихъ въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замѣчательнѣйшихъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пѣсень, — а именно:

1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пѣсень (въ аранжировкѣ Алябьева). Москва. 1833.

2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложеніе пѣсень, числомъ 25, сдѣлано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).

3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.

4. Алоизія Едличка. Южно-русскія пѣсни, переложенныя для одного голоса съ фортеціано. (Изданіе М. Бернарда).

Эта провѣрка собраній пѣсень, уже извѣстныхъ публикѣ, будетъ полезна —

во-первыхъ, для указанія *вариантовъ* одной и той же мелодіи, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а иногда видоизмѣненной при самомъ переложеніи на ноты;

во-вторыхъ, для указанія бѣльшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной *обработки* пѣсни къ характеру народной Украинской музыки.

Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составятся, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ *шести* пѣсень.

I.

ПОБРАТАВСЯ СОКІЛЬ.

Andante.

По бра-тав - ся со - кіль

зъ си-зо-кри-лимъ о - рломъ: Ой бра - те мій, брате,

си - зо - кри - лий ор - ле!

По бра та вся со - кль зъ си зо кри лимъ о - - - рломъ:

«Ой бра - - те мій, бра те, си зо кри - лий бр ле!

Зоста вля ю то бі всі мо і ро скб - - - ші,

Всі мо і ро - скб - - - ші, всі мо і - у жі тки;

Всі мо і ро скб - ші, всі мо і у жі - - - тки,

Всі мо і у - жі - - - тки, и ма ле - нькі ді тки.

А самъ по - ли - ну у чу жу - стб - - ро ну,

Въ чу жу сто ро - нб - - - ньку шу кать та - ла но ньку.

Ой якъ до бре бу - де, то я й за ба рю - - - ся;

А якъ худо - бу - - - де, то й на за - дъ ве рну ся.

Літа собі лъ лі - то, літа со кль дру - - - ге,

На тре те е - лі - - - то со кль при - лі та е;

Со кль при лі та - е та ор ла ни та - - - е:

«А де жъ мо і -, бра - - - те, ма ле ньки - і ді ти?»

—Тво і, бра́ те, ді - ти по ли ну ли вь лу - - - гі,
 По ли ну ли - вь лу - - - гі зь ве ли ко - і ту ги;
 Сі ли, па́ ли ді - ти на ви со́ кімь дрé - - - ві,
 На ви со́ кі - мь дрé - - - ві, на ко́ ло - чімь те́ рні;
 При і ха ли па - ні изь чу жо́ і сто - - - ро ні,
 Терні по ру - ба́ - - - ли, со ко́ ла - ть за бра́ ли.
 Те рні по ру ба́ - ли, со ко́ ла́ ть за бра́ - - - ли,
 Ту ре́ цько му - ца́ - - - рю вь по да́ ро - кь по сла́ ли. —
 Пла́ че со́ кіл, пла́ - че, слé за ми ри да́ - - - е,
 Дрі бні ми слé - за́ - - - ми всі лу́ ги - сто пла́ е:
 При до́ брій го ді - ні й чу жи́ по бра ті - - - ми,
 При ли хій го - ді - - - ні не ма́ е - й роди́ ни;
 При до́ брій го ді - ні, й чу жи́ бра та́ ю - - - тця,
 При ли хій го - ді - - - ні й сво і цу - ра́ - ю тця.

(Зь Переко́пу).

Весьма-типическая пѣсня въ характерѣ серьёзнаго, грустнаго разду-
 мя и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно груст-
 ной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодіи — об-
разчикъ часто-встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ весьма характер-
 ныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ея
 эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвѣчающій этой ширинѣ раз-
 махъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ
 единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видѣ, выбраны въ видѣ пре-
 людіи, подготавливающей пѣню.

Начинаясь въ минорѣ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактѣ пе-
 реходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго ак-
 корда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на
 шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это
 равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минорѣ; 3, 4, 5, 6 въ ма-
 жорѣ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ
 въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами
 весьма-часто и лучше всѣхъ уместованій говоритъ въ пользу естествен-
 ныхъ законовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинк-
 ту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣс-
 ни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й
 съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для
 разработки симфонической. Но пользованіе этимъ богатымъ матеріа-
 ломъ въ такомъ только случаѣ поведетъ къ результатамъ для искусства

счастливымъ, если разрабатываемая музыка, въ общей своей идеѣ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будетъ отвѣчать вполне характеру украинскихъ мелодій, въ примѣненіи ихъ и къ выражаемому пѣснями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!

Moderato.

Гей-гукъ, ма-ти, гу

ff
sempre molto marcato.
ff

кь! Де ко-за-ки пьють, та підь бі-ло-во

sfz loco. tr

un poco ritenuto,

staccato

mp *pp*

marcatissimo e staccato.

га бе - ре - зо - ю О - - та - ма - на ждуть

Гей гукъ, ма ти, гу --- къ,
 Дѣ ко за --- кі пьють!
 Та підъ бі - ло --- ю та бе - ре - зо --- ю
 О --- та ма --- на ждуть.
 О та мань и дѣ ---, ще й ко на --- ве дѣ.
 Гей підъ бі - ло --- ю та бе - ре - зо --- ю
 Го -- лѣ - вку --- кла дѣ.
 »О та ма не на --- шъ! По радъ же --- ти насъ!
 Ой у жѣ - на --- ши та ко - за - че --- ньки
 Бѣ --- ні сі --- дла югъ.
 — Не хай сі дла ю --- ть,
 А та Бо -- гъ по ма га...
 Ой у жѣ - мо --- ю та го - лѣ - во --- нь ку
 А -- хмі - ль ро --- збірá...
 Ко лі я й умру ---,
 То й по хо --- вай те,
 И до мо - є --- і та ми - лѣ - нь ко --- і
 Ли -- сті - по --- дай те.
 Ой мо я ми ла ---
 Зъ гѣ ро да --- бу ла,
 Що ци са - вѣ же --- я та дрі - бні - ли --- сті,
 Во -- на - не --- взя ла...
 »Не ве лі кий па -- нъ,
 Ти самъ са --- мо званъ!
 Ти по жа - лу --- вавъ ко ня во ро нѣ --- го, —
 Чо - мъ не при і --- хавъ самъ?

(Зъ хutora Петрушовки, Борзенського повіту).

Характеръ пѣсни проникнуть разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ «гульливыхъ рыцарей». Но на этомъ общемъ фонѣ тѣмъ выпуклѣе выступаетъ эпическая грусть. Среди пира подъ бѣлою березою любимый козаками атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру пѣсни, у насъ сдѣлана прелюдiя въ размашистомъ, почти буйномъ духѣ.

Особенность самой пѣсни — ферматы, окончивающiя *каждую* ея фразу. Этими ферматами непрерывно нарушается плавное теченiе ритма — его хватаетъ только на каждую отдѣльную мысль, на каждый стихъ; потомъ ритмъ какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнуться. О правильномъ, т. е. симметрическомъ распределенiи тактовъ невозможно было бы и помышлять въ этой пѣснѣ, не портить ея оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактѣ этой мелодiи, размѣромъ голоса невыходящей почти изъ предѣловъ одной октавы.

Первый тактъ пѣсни въ своемъ мотивѣ (впрочемъ весьма часто встречаемомъ въ разныхъ малорусскихъ пѣсняхъ) до-того типиченъ, что Глинка, замышляя писать симфонiю на сюжетъ Тараса Бульбы, въ изобрѣтенiи мотива для первой части очень близко подошелъ къ начальному такту разбираемой нами пѣсни (хотя, быть можетъ, *собственно ея* и не слышалъ). Вторая фраза (на слова: «де козаки пьютъ») не менѣе типична въ своемъ бойкомъ взмахѣ, будто уносящемъ въ степное раздолье, но уже съ подмѣсю печальнаго чувства, подъ ударомъ неожиданнаго горя.

Маленькiя украшения (*gruppetti*) въ мелодiи служатъ здѣсь ея характеромъ (должно замѣтить, что на фортепьянѣ, гдѣ у насъ, въ 5-мъ тактѣ пѣсни, аккомпаниментъ идетъ унисономъ съ голосомъ, такое «грушнетто» выходитъ гораздо тяжелѣе и грубѣе, чѣмъ въ голосѣ, по самому свойству *раздѣльности* звуковъ подъ клавишами).

Въ гармонизацин нѣтъ ничего, кромѣ трехъ *главныхъ* аккордовъ каждой тональности: тоника — аккордъ минорный въ настоящемъ случаѣ; доминанта — аккордъ мажорный, и нижняя доминанта — аккордъ минорный. Мелодiя начинается и *оканчивается* доминантой. Самая высшая нота въ пѣснѣ опять — доминанта. Это предѣлы самыхъ естественныхъ мелодiй, — какъ придется не разъ еще замѣтить.

III.

ХАТА МОЯ РУБЛЕНАЯ.

Allegro.

un poco ritenuto. Ха-та мо-я

руб-ле-на-я, сі-ни на по-мо-сті!

pp
И сам-и-ду й ко-ня-вс-ду до ми-ло- і в-го-сті.

The musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of three systems of music. The first system shows the vocal line and piano accompaniment. The piano part features a rhythmic accompaniment with eighth notes in the right hand and quarter notes in the left hand. The second system continues the vocal line and piano accompaniment. The third system concludes the piece with a piano fortissimo (pp) dynamic marking. The score includes various musical notations such as rests, notes, stems, and dynamic markings.

Хата мо і рѹ бле на я,
 Сі ни на -- по мѹ -- сті;
 И самъ и дѹ и ко ні ве дѹ } bis
 До мѹ ло -- -- і въ гѹ сті.

Охъ лѹнь не иде, воді не пье,
 Вѹзь не бѹ -- де пѹ -- ти:
 Де ре вѹ ру го ло воньку, } bis
 Хѹ че ме -- -- не вбѹ ти.

(Съ Черноморіи)

Пѣсня характера спокойно-веселаго, — проникнута чувствомъ само-
 удовольствия и откровенности на распашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуетъ здѣсь шести тактовъ въ каждой фразѣ; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внут-
 реннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментѣ
 прибавленъ послѣдній тактъ во время паузы въ пѣніи. Это равносильно фер-
 матѣ, т. е. манерѣ оканчиванья мелодіи, встрѣчаемой въ украинскихъ пѣс-
 няхъ какъ нельзя чаще. Рисунокъ всей мелодіи заключается опять въ пре-
 дѣлахъ одной октавы. Первые два такта — какъ-будто только предвари-
 тельный разбѣгъ голоса; самостоятельный характеръ пѣсни обрисовывается
 явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — которыхъ будто продолженіемъ,
 развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каден-
 ца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ нѣсколько расширен-
номъ видѣ, повторено въ паденіи второй фразы, т. е., въ тактахъ 9,
 10 и 11-мъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызыва-
 ютъ симфоническую обработку. Сильно развитый аккомпаниментъ уни-
 чтожилъ бы легкость, непринужденность теченія мелодической мысли.
 Здѣсь надо скорѣе довольствоваться намеками на гармоническія богат-
 ства. Впрочемъ изгибъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интере-
 сенъ и характеренъ — какъ зародышъ для красивыхъ переливовъ ме-
лодіи. Такты 7 и 8 дышатъ особеннымъ украинскимъ юморомъ. Подо-
 бные повороты мелодіи — настоящій кладъ для національной южнорусской
 оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родѣ.

IV.

ПО МАЛУ-МАЛУ.

Andantino lamentoso.

По ма-лу-

ма-лу, чума-че, грай! не вра-зи - мо-го сер-день-ка

вкрай, не вра-зи мо-го сер-день-ка вкрай.

p *p sempre.* *espress.* *sf* *poco f* *sf* *p*

По ма - лу - ма - лу, чу - ма че, грай!
 Не - вра зі - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Брагъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ
 За - то го - ве - при - ка, що въ саду ривъ (2)!

Припѣвъ въ сказкѣ. Любимый родителями меньшей сынъ былъ убитъ старшимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началѣ сказки), на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ скороненъ, выросла калина. Проходившіе чумаки вырѣзали изъ нея свирѣль, которая заиграла имъ эту пѣсенку. Остановясь здѣсь на ночлегъ, они случайно зашли въ хату семьи убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною пѣнью, старики брали свирѣль и она имъ тоже пѣла, что и чумакамъ, съ перемѣной *чумаче* на *татусю* и *матусю*. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ своимъ чудную свирѣль старшій братъ, она въ немъ обличила своего убицу:

По ма - лу - ма лу, бра ті ку, грай!
 Не - вра зі - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Ти жъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ.
 За - то го - ве - при - ка, що въ саду ривъ (2)!

(Зъ с. Кулаженецъ, Ирѣтинскаго повѣту.)

Меланхолически таинственная жалоба свирѣли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодѣяшемъ. Томный, тусклый характеръ напѣва не измѣняетъ себѣ ни въ одномъ звукѣ.

Изгибы мелодіи, не покидая основнаго, минорнаго тона, позволяли, — мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступеняхъ гаммы (выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нѣсколько въ стилѣ имитаций). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей природѣ.

Размѣръ ($\frac{3}{8}$) и строгая симметричность въ поворотахъ мелодіи дѣлаютъ ее отчасти родственною польскимъ пѣснямъ и какъ будто отзываются элементами Шопеновской музыки. Между-тѣмъ, дышетъ въ этой мелодіи и что-то весьма древнее, какая-то первобитная простота, — скорбь души почти-младенческой. Эти оттѣнки должны быть переданы при исполненіи пѣсни, иначе она утратитъ всю глубокою прелесть свою и легко можетъ отзываться чѣмъ-то обыкновеннымъ, даже тривіальнымъ. Томность и нѣжность пѣнія здѣсь необходимыя условія.

V.

»ОЙ КОЛИСЬ БУЛИ«

Andante mosso.

Ой колись бу-ли я-рі-і ше-ни-

p *p dolce.* *p* *p*

ці А те-перь о-бло-ги; та ко-лись бу-ли

pp *poco. f*

вірні су-сі-доч-ки, А те-перь во-ро-ги.

con moto.

Ой ко лись бу ли ярі і пше ні ці,
 А те перь о -- бло гі;
 Та ко ли - сь бу ли вір ні су сі до - чки,
 А те пе - рь во - - - ро - гі.
 Ой не сте ли ся, зе ле ний спо рі - шу,
 А по кру ті - - й го рі;
 Ой не ра - дій те, злі і во ро же - ньки,
 Та объ мо їй при - - - го - ді!
 Бо - й що мо ї при - - - го до - нька
 Та якъ лі тня - - ро са:
 Сб - нце зій де, ві - терь по ві - е,
 Ро - са - о - - - па - де;
 Сб - нце зій де, ві - терь по ві - е,
 Ро - са о - - - па де:
 О - ттѣкъ мо ї при - - - го до - нька
 На - ві - къ про - - - па - де!

(Зь-підъ Лубень.)

Пьсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ рисункѣ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пьсни — перекачиванье ритма; въ тактѣ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово «були»). Это — ритмически выраженный *вздохъ*, т. е. сожалѣнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіяхъ великихъ творцовъ драматической музыки, въ операхъ Глука, Моцарта, въ *Фиделио*, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, высказанную какиминибудь двумя потками пьнія. Въ музыкѣ народной, созданной Богъ знаетъ кѣмъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изумительныя красоты являются чуть не на каждомъ шагу, какъ цвѣтки въ полѣ, которыхъ никто не съѣтъ, никто не холить: для музыканта наблюдательнаго именно въ этихъ голосахъ *природы* человеческой заключаются данныя для самыхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и «обстановки» ея въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекають изъ народныхъ пьсенъ сами-собою. *Ть же самые законы* внутренно-присущи и Моцарту, когда онъ писалъ свой *реквиемъ* и Бетховену въ его *девятой симфоніи*. А официальные профессора гармоніи, директоры консерваторій, съ высоты своей мнимой учености находятъ какія-то «неправильности» (!), нарушенія гармоническихъ законовъ (!) и въ народныхъ пьсеняхъ и въ созданіяхъ Бетховена. «Правильно» сочиняють музыку на свѣтѣ только они сами и ихъ патентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

Въ прелюдіи и въ аккомпаниментѣ, по характеру пѣсни, здѣсь главная цѣль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмѣстѣ ихъ тѣсная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10): Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (опять въ стилѣ легкихъ «имитаций») повторены главные мотивы самой пѣсни.

VI.

ОЙ ТАМЪ НА МОРИЖКУ.

(Веснянка.)

Allegretto mosso.

p *p* *p*

Ой тамъ на морижкѣ 1

poco rallent.

a tempo
m. s.

ку, по-ста-влю - - я хл-жку, ви-ступ-цемъ

m. s. *cresc.*

Più mosso, allegro.

ти - хо - йду. А во - да по ка - ме - нд,

più mosso.

f *pp* *pp*

А во - да по бі - ло - му,

p

molto ritenuto

А во - да по бі - - ло - му Ище й тих-ше.

Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Ві сту пцемъ, ті - хо - йду,
 А во да по ка мі ню, а во да по бі ло му,
 А во да по бі - ло му и ще й ті хше.
 Ой у - тій же хі - - - жці
 Ді во чкі - си ді ли -;
 Ві сту пцемъ и прои.
 Ді во - чкі си ді - - - ли,
 Ху сто чкі - кро і ли -;
 Ві сту пцемъ....
 Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Ві сту пцемъ....
 Ой у - тій же хі - - - жці
 Па ру бкі - си ді ли -;
 Ві сту пцемъ....
 Па ру бкі си ді - - - ли,
 Но жи ки - го стрі ли -
 Ві сту пцемъ....
 Ой та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Рó зсту пця! рó - зсту - пця!
 Па не Кре ме це - цький,
 Во е во до грé - цький!
 Та ві ве ду та - нчикъ (¹)
 Са ма мо ло дé - нька я
 По - Ні мець кій!

(Зь хут. Петрушевки, Борзєнського повіту.)

(¹) Стихъ Та віведу танчикъ поється такъ, какъ предъидущій.

Последний кушетъ относится къ свирѣпому врагу Украины, князю Иереміи Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указала на это въ Богданъ Хмельницкомъ Н. И. Костомаровъ; но это, сравнительно, новая, недавняя вставка въ этотъ чистѣйшій хрусталь, уцѣлѣвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ пѣсень, которыя поются болѣею частію дѣвушками, при обновленіи природы весною, и составляетъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напѣвѣ есть нѣчто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческою древностію. Теплое дыханіе украинскаго апрѣля вѣетъ здѣсь въ каждой нотѣ. Простодушіе общаго характера и какая-то прозрачность, кристалльность звуковъ — неподражаемы; есть что-то будто родственное ильичъ, — вѣроятно, Чешскимъ мелодіямъ въ нѣкоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пѣсня распадается на двѣ части — первая въ тихомъ, мѣрномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосѣ); вторая часть пѣсни поется быстрѣе (*piu mosso*) — мелодія бѣжитъ, струится, какъ вода по камню.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены вмѣстѣ главные рисунки самой мелодіи, нѣсколько въ другомъ порядкѣ, нежели въ напѣвѣ. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видѣ опыта) можетъ служить отчасти указаніемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ пѣсняхъ.

А. СѢРОВЪ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназiи, Динейкинымъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатилѣтней службы перебивалъ я во многихъ гимназiяхъ этого края, — сначала въ должности младшаго учителя нѣмецкаго языка и ариѳметики, потомъ — старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послѣднюю должность, со дня опредѣленiя къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназiи. Какъ инспекторъ гимназiи, я былъ обязанъ слѣдить за образомъ мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнѣ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мѣра эта, которой пользу я испыталъ на опытѣ, навела меня на мысль расширить кругъ моего инспекторскаго контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназiи, и авторитетъ моей инспекторской должности облегчили мнѣ это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я снялъ копии и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатипятилѣтіе и еще одно пятилѣтіе, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мѣста, распрощался я съ татаровскою гимназiею и со службою. Очевидно, что, послѣ этого, хранившаяся у меня въ копіяхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было рѣшился ежечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ во мнѣ родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сценѣ многіе изъ прежнихъ дѣятелей остались, но какое различіе въ началахъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ ихъ дѣятельности! Въ послѣднее время моей службы, я самъ не узнавалъ себя: дотогу, по долгу служебной исполнительности, усвоилъ себѣ принципы. Ревностью къ просвѣщенію отличались мы всегда; но какимъ образомъ столь внезапно успѣли проникнуться чувствомъ собственного достоинства и въ равной мѣрѣ чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда вдругъ явились у насъ эта утонченная гуманность воспитательныхъ мѣръ, это глубокое знаніе таинствъ педагогій и такое обиліе системъ улучшеннаго преподаванія? Собственнымъ ушамъ не вѣришь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорилъ о выправкѣ и маршировкѣ, какъ о надежнѣйшихъ средствахъ здоровой педагогій, теперь твердитъ о превосходствѣ непринужденнаго умственнаго труда. Собственнымъ глазамъ не вѣришь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ, какъ величайшую учебную контрабанду, цестрыя брюки, теперь и усовъ не замѣчаетъ. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что извѣстные дѣятели, отличившіеся особенною изобрѣтательностью на поприщѣ старой педагогій, и на поприщѣ новой обнаружили такой же духъ изобрѣтательности на поприщѣ старой педагогій. Какъ удачно разсуждали они прежде, напримѣръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно разсуждаютъ теперь о суетѣ ея. И при перемѣнѣ точки зрѣнія, привилегія природной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ рѣчь. Къ удивленію моему, чтеніе хранившихся у меня въ копіяхъ писемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятнаго чувства, которое производило прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мѣрѣ сплетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, разставшись съ тѣломъ, равнодушно, говорятъ, смотритъ на свое тѣло, такъ я, вышедши въ отставку, сталъ равнодушно смотрѣть на все гимназій въ мѣрѣ. Что прежде, въ письмахъ моихъ сослуживцевъ, возбуждало во мнѣ зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ влияніемъ отставки съ паціономъ, показалось не болѣе какъ безобиднымъ образчикомъ здѣшнихъ гимназическихъ нравовъ, и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію извѣстныхъ. Теперь уже нѣтъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мѣрѣ измѣнили свое обращеніе съ учениками; отношенія членовъ педагогическаго совѣта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетскихъ испытаній за-

мѣненъ новымъ; положеніе господъ учителей во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось; измѣнились даже отношенія общества къ учебнымъ заведеніямъ края. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — рѣшился напечатать. Картина учебной жизни, которую представляетъ «переписка», какъ картина прошедшаго, и безъ-того не имѣетъ никакого обличительнаго значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіяся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ живыхъ, то есть обрѣтавшихся и обрѣтающихся *in rerum natura*. Для этого, настоящія фамиліи, упоминаемая въ письмахъ, я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ, до малѣйшаго слѣда, всѣ нескромныя черты, прямо указывавшія на отдѣльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищетъ въ «перепискѣ» никакихъ намековъ, никакихъ извѣтовъ на отдѣльныя лица, пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ. По моему мнѣнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную отвѣтственность кого бы то ни было общую принадлежность мѣста и времени. Когда холера въ воздухѣ всякій легко можетъ сдѣлаться ея жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться всѣмъ, и первому мнѣ многрѣшному, бывшему татаровскому инспектору! Господи, аще бо назриши прегрѣшенія, кто постоитъ? Да не подумаетъ кто нибудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относящихся. Какъ несправедливо было бы такое предположеніе, доказательствомъ служить, что всѣ мѣста, въ которыхъ не слишкомъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторѣ, то есть обо мнѣ и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталъ. Уничтоживъ въ издаваемой мною перепискѣ все непріятное для самолюбія или скромности отдѣльныхъ лицъ, я расположилъ письма въ хронологическомъ порядкѣ и въ выносахъ дополнилъ необходимыми поясненіями.

Бывшій инспекторъ татаровской гимназіи, Иванъ Линейкинъ.

№ 1. Отъ надзирателя татаровской гимназiи, Тропаревига, къ секретарю крюкославской духовной консисторiи.

Ваше высокоблагородіе,
милостивый государь и благодѣтель,
Оома Петровичъ!

Священнымъ долгомъ считаю увѣдомить васъ, что послѣ всѣхъ испытанныхъ мною тревоженій, достигъ я наконецъ мирной пристани подъ кровомъ татаровской гимназiи въ званіи надзирателя (1). Рекомендационное письмо ваше къ господину директору премного къ тому способствовало и, такъ сказать, открыло мнѣ путь моего поприща. Да наградитъ васъ за то Всевышній!

Представъ со страхомъ предъ особу господина директора, я доложилъ ему о моемъ пребываніи въ семинаріи до риторики включительно. Въ отвѣтъ на сіе ихъ высококородіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ потномъ пѣніи. Часть эта достаточно мнѣ извѣстна, и я, не обинуясь дерзнулъ увѣрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высококородіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить къ исправленію надзирательской должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всѣхъ насъ надзирателей при татаровской гимназiи семь человекъ. Пять блюдутъ за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольнопри-

(1) Какъ добросовѣстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотѣ и подлинности, на сколько это было согласно съ требованіями скромности. Однако, что касается правописанія, то я предпочелъ сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ слѣдствіе этого, во многихъ письмахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохранилъ и всѣхъ тѣхъ орфографическихъ тонкостей, которыхъ сущность заключается въ выраженіи большей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертаны названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримѣръ, въ письмахъ надзирателя Михайлова) переданы здѣсь безъ всякаго измѣненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противорѣчатъ господствующимъ въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти—фактъ, un fait accompli, и слѣдовательно, въ нашъ безпристрастный вѣкъ, имѣютъ свой авторитетъ даже для науки.

ходящими. Мнѣ воспослѣдовало назначеніе въ общія квартиры (1). Квартиры сіи именуются общими по совокупности пребыванія въ нихъ учениковъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрѣнію начальства. Разумѣется, возможна въ семъ и нѣкая экономія, паче же, по впушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здѣсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мнѣ, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Дежуримъ мы чредою, каждый не болѣе четырехъ разъ въ седмицу.

Переписка есть и здѣсь, только умѣренная: двѣ книги для записыванія штрафовъ, одна—для успѣховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посѣтителей, одна для особыхъ происшествій и, кромѣ того, ежедневно составляется краткое извлеченіе изъ всѣхъ книгъ и при рапортѣ подается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемѣсячно 16 рублей 33 копейки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ пищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависитъ отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ приметъ особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

Что касается добротныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

(1) Общія квартиры были открыты здѣсь въ 1840 году, въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1856 года. Всѣ воспитанники извѣстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартирѣ: исключенія допускались рѣдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержаніе обходилось дешевле. Поэтому плата за содержаніе въ общей квартирѣ была самая умѣренная. Всѣ расходы по общей квартирѣ (не исключая и жалованія надзирателямъ и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дѣтей. Не смотря однако на свои ограниченныя средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и внѣшняго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего инспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназіи представляли образецъ чистоты, порядка и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже великолѣпія. Мы гордились тѣмъ, что изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособія, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособіямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартиръ въ блестящемъ видѣ, который сдѣлалъ бы честь и заведенію, располагающему значительными штатными суммами.

благостыни, то, по недавности моего здѣсь пребыванія, въ точности еще не знаю. Слыхалъ, однако, что сослуживецъ мой, надзиратель Кондаковскій, имѣетъ нѣкіе источники, изъ коихъ главный заключается въ отдачѣ ученикамъ денегъ въ ростъ. Въ случаѣ несостоятельности должниковъ, займы взыскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредѣленіи моемъ имѣлось въ виду и нотное пѣніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповѣданія, господинъ директоръ еще не успѣлъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ коихъ многіе и сами нечужды нотному искуству, басъ мой былъ бы, на клиросѣ гимназической церкви, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Мѣстечко Татаровка на видъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстечекъ нашей губерніи: такое же множество Іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здѣшняя превосходитъ все извѣстное по губерніи въ этомъ родѣ.

По случаю, мнѣ достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика честь имѣю вашему высокоблагородію почтительнѣйше представить. Не отвергните, достопочтеннѣйшій благодѣтель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

№ 2. Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Цаповскаго, къ столонагальнику крюкославскаго губернскаго правленія.

Честь имѣю рекомендоваться вамъ, любезнѣйшій Артемій Спиридоновичъ: надзиратель за вольноприходящими учениками татаровской гимназіи, Амфилохій Аввакумовичъ Цаповскій. Пусть не думаетъ твой господинъ совѣтникъ, выжившій меня, по наущенію жидковъ, изъ крюкославскаго городского магистрата, что всѣ мѣста въ губерніи зависятъ отъ губернскаго правленія. На зло господину совѣтнику и всѣмъ врагамъ моимъ, я, послѣ трехмѣсячной безмездной переписки бумагъ въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ мѣсто надзирателя гимназіи, по предписанію господина управляющаго округомъ отъ 17-го сентября сего года за № 9,999.

Изъ дѣлъ губернскаго правленія тебѣ извѣстно особое положеніе сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

зиратели при учебныхъ заведеніяхъ назначаются предпочтительно такіа лица, которыя, по своей служебной опытности, могли бы имѣть бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилѣ Аммосовичу, первому до-кѣркюкославскаго губернскаго правленія, поучиться бы у господина директора. Пріятно служить у такого начальника: можешь спать покойно, въ полной увѣренности, что никакая въ мірѣ бумажка не захватитъ тебя врасплохъ. Похваюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ довѣріемъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіеъ закупки сѣтнхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общій сложности, однако, я не въ убыткѣ. Бываютъ также и экстренные случаи, не говоря уже о пестромъ платьѣ, чубукахъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумѣется, для всякаго желательнѣе монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надзору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотѣ и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромѣ непріятностей, не жди ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можетъ состояться и гимназія; но, сколько я понимаю это дѣло, присмотрѣвшись къ гимназіи на мѣстѣ, въ учительскомъ штатѣ возможны значительныя сокращенія. Довольно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не нравятся мнѣ въ учителяхъ ихъ азартные манеры. Иной, вбѣжавши изъ класса въ инспекторскую, броситъ передъ тобою на столъ классный журналъ, такъ что столъ задрожитъ. Не могу однако пожаловаться на учителей нѣмецкихъ: эти ужъ, видно, отъ природы расположены ко всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по русски, однакожь требованія высшаго начальства смекаютъ не хуже нашего брата, стараго служака. Право, въ нихъ гораздо больше настоящей преданности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Спиридоновичъ; кланяйся кюкославскому городовому магистрату и пожелай ему отъ меня, чтобы онъ про-

вадился, вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ совѣтникомъ, который болѣе вѣрить жидамъ, чѣмъ благородному офицеру.

№ 3. Отъ надзирателя татаровской гимназiи, Михайлова, къ его женѣ.

Дражайшая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увѣдомляю тебя, что, по теперешнему моему званiю и офицерскому чину, получилъ я мѣсто надзирателя въ татаровской гимназiи, крiеко-славской губернiи. Должность моя смотрѣть за мальчишками, чтобы не портили казенной мебели и не пачкали книгъ, а болѣе же по гардеробной части, на счетъ сапогъ. Еще обучаю я здѣшнихъ школьничковъ пѣшей выправкѣ и маршировкѣ: теперь вся ихняя гимназiя прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недѣлѣ великаго поста прiѣзжалъ къ намъ начальникъ: кто говорить — казенный инспекторъ, а кто — визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше ученiе съ танцованiемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ прiѣздомъ своимъ ко мнѣ ты, мать моя, повремени. Здѣшнiя учительскiя и надзирательскiя жены говорятъ на языкахъ и наряжаются, какъ помѣщицы. Гимназическая попадья и та въ шляпкѣ подъ зонтикомъ. Тебѣ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, по строгости здѣшняго начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворѣ свиней не терпятъ. Я самъ одной перешибъ полтномъ ноги; кажись, писемоводительской.

Просилъ я тебя не называться и не писаться прежнимъ нашимъ прозванiемъ — Сопляковой, а теперешнимъ — Михайловой. Забыла развѣ, что когда на смотру фельдфебель первой роты при всѣхъ ляпнулъ свою фамилiю, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужичкихъ прозванiй и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебѣ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидишь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тѣмъ не въ-примѣръ дешевле.

№ 4. *Отъ ученика татаровской гимназіи къ бывшему ученику той же гимназіи.*

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукою директора изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежнему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положеніи, по милости директорской отмѣтки: *поведенія былъ добронпорядочнаго*. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоёмъ. Казалось, близьокъ былъ конецъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ испытаній; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанія; но не такъ было угодно судьбѣ. Скажи, какъ принялъ тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надзиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простятъ мнѣ боги, что упоминаю ея имя рядомъ съ именемъ негодяя) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханій нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цановскій посѣщалъ нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенію, утащилъ одесскій чубукъ Стася и прекрасный кисетъ Больца, вышитый ручками его божественной Марисел. Больца не было въ квартирѣ; мы знали, что онъ дорожитъ кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цановскому, вмѣсто кисета, девять злотыхъ, то есть все, что имѣлось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскій съигралъ недавно отличную штуку съ Филишомъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бѣдняжкѣ Митѣ не далась географія. Не желая оставаться на третій годъ въ третьемъ классѣ, за незнаніе водяныхъ коммуникацій, задумалъ Миша уволиться изъ гимназіи и поступить въ аптекарскіе ученики. Но и для этого необходимо представить свидѣтельство объ удовлетворительномъ знаніи предметовъ третьяго класса, слѣдовательно необходимо было держать экзаменъ и получать переводный шаръ изъ географіи. Настало время годичныхъ испытаній; Филишъ Потаповичъ, по обыкновенію, развѣсилъ у себя на заборѣ, вмѣстѣ съ сушившимся бѣльемъ, разныя географическія карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотѣлось Мишѣ выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Въ день экзамена изъ географіи, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филишу Потаповичу отправилъ нѣсколькихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы они, подѣ

видомъ переговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долѣе. Встрѣтивши Филиппа Потаповича въ корридорѣ, Миша извѣстилъ его о своемъ намѣреніи поступить въ аптекарскіе ученики, показалъ свое прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, помѣченной рукою директора, просилъ снисходительно экзаменовать его и въ заключеніе сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мѣдныхъ пятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидѣтеляхъ повѣрять содержаніе свертка: онъ спряталъ пятаки въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдѣ уже поджидали его предсѣдатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здѣсь не удалось ему пересчитать деньги, что, по своей примѣрной на этотъ счетъ аккуратности, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы дѣло происходило съ глазу на глазъ. Кончился экзаменъ, Миша получилъ переводной шаръ, а Филиппъ Потаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготовленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебѣ печальную новость: Петя попалъ въ число директорскихъ любимцевъ и уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловку нашего директора — звать къ себѣ ученика, поить чаемъ, кормить конфетами, ласкать, а между тѣмъ искусно вывѣдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорскимъ шпіономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покраснѣлъ, отвернулся и сквозь слезы отвѣчалъ: «со временемъ узнаете». Упрекнула ль его совѣсть, или оскорбилъ онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо приняться за дозубриваніе положеннаго числа страницъ. Право, какъ подумаешь, что иные изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классѣ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвѣтами предъ другимъ начальствомъ.

№ 5. Отъ бывшаго ученика татаровской гимназіи къ его товарищамъ.

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всѣхъ васъ за память и участіе. Правда твоя: *добропорядочное поведеніе* закрыло мнѣ много путей, но не закрыло всѣхъ; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы кскати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честию — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдатъ. Вотъ какъ это случилось.

Когда безъ спроса и вѣдома моихъ родителей, мнѣ приказали уволиться изъ гимназій, то я, чтобы не попасть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ нанялъ балагулу (1) и отправился домой. Ты знаешь моего отца, поэтому догадаешься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому. Какія ни придумывалъ оправданія, чтобы представить отцу дѣло въ самомъ выгодномъ для меня свѣтѣ, какъ ни подбиралъ патетическія фразы, а все казалось мнѣ, что не обойдется безъ расправы. Увидѣвъ меня, старикъ строго спросилъ: зачѣмъ я пріѣхалъ домой въ учебное время. Поклонившись отцу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназій за то, что безъ позволенія инспектора пошелъ въ костелъ; разумѣется, о столкновеніи моемъ въ костелѣ съ надзирателемъ Цановскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwsze posłuszeństwo, Hajdaku, jak nabożeństwo« (повиновеніе, негодий, важнѣе набожности), отвѣтилъ старикъ и уже снялъ со стѣны нагайку, какъ явились въ комнату моя мать и нашъ приходскій священникъ, ксендзъ Галуха. Разказы мои, подтвержденные свидѣтельствомъ матери, которая, во время пріѣздовъ своихъ въ Татаровку, имѣла случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небылицъ о строгости татаровскаго директора, и нѣсколько сентенцій въ пользу набожности ксендза Галухи, спасли меня отъ родительскаго жезла. »Видно, не умѣютъ теперь васъ съць въ школь и придумали выгонять«, сказалъ старикъ и повѣсилъ нагайку на ея мѣсто, между одноствольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояніе моего отца заключается въ дворянской родословной, которой подлинности не успѣли опровергнуть и строжайшія розысканія современныхъ критиковъ: поэтому мнѣ необходимо было подумать о службѣ, какъ единственномъ для меня кускѣ хлѣба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здѣсь самому не хотѣлось бы: оставалось одно, ѣхать въ корпусъ за квартиру и опредѣлиться въ полкъ. И здѣсь однако чуть не помѣшало мнѣ *добропорядочное поведеніе*, отмѣченное въ моемъ гимназическомъ свидѣтельствѣ крупнымъ директорскимъ почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотрѣвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимназій не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведеніемъ? Тебѣ извѣстно, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ

(1) Балагулами называются въ Западныхъ губерніяхъ Еврей, промышляющіе извозомъ.

всѣ подобныя мнѣ гимназическіе отверженцы. »За куреніе папироски, полковникъ«, сказалъ я. Почтенный ветеранъ улыбнулся. »Въ такомъ случаѣ, надѣюсь«, замѣтилъ онъ, »что въ военной службѣ, гдѣ курить позволяется, поведеніе ваше будетъ безупречно«, и меня опредѣлили.

Военная служба и кругъ людей, въ который я попалъ, пришли мнѣ по душѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ выгнанныхъ изъ магистрата надзирателей и другихъ вышшаго разбора соглядатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкѣ военной молодежи, я въ три мѣсяца успѣлъ въ русскомъ языкѣ болѣе, нежели въ теченіи всего гимназическаго курса. Но, говорятъ, впечатлѣнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что для насъ съ воспоминаніемъ о школѣ соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надѣюсь однако, что время и добрыя силы незлопамятной юности скоро изгладятъ въ душѣ моей непріятныя образы надзирателей и директоровъ, приучающихъ насъ къ подличанью и шпионству. Уже и теперь я, кажется, встрѣтилъ бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безответныя жертвы татаровской дисциплины, какъ и мы несчастные, встрѣтилъ бы съ радостью. Воспоминаніе же о васъ, друзья мои, и о той, дорогомъ имя которой ты упомянулъ въ своемъ письмѣ, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохранию на всю жизнь. Прощай, дорогой другъ; обними крѣпко всѣхъ товарищей. Пишите комнѣ, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Колпаковскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Розатовскому.

Исполняя твое желаніе, любезный сосѣдь, спѣшу какъ можно подробнѣе разсказать тебѣ о всѣхъ обстоятельствахъ опредѣленія сыновей моихъ въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный моимъ опытомъ, зналъ, какъ лучше поступить и тебѣ, при опредѣленіи своего дитяти.

Само собою разумѣется, что въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе дѣтей въ учебное заведеніе, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ нашемъ домашнемъ совѣтѣ положено было ѣхать съ дѣтьми въ Татаровку не только мнѣ, но и женѣ моей. Жену, вмѣстѣ съ папомъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и дѣтьми, отправилъ я въ особомъ экипажѣ; самъ же выѣхалъ послѣ и догналъ ихъ въ Кривомъ-Рогѣ, сдѣлавъ на моихъ гнѣдыхъ болѣе 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы

у Требовича, въ Романовкѣ, и на другой день благополучно пріѣхали въ Татаровку, гдѣ, выдержавъ неизбѣжный натискъ мишуресовъ (1), остановились въ постояломъ домѣ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроившись, а главное—защитивъ себя отъ напора разныхъ разнощиковъ, пригласили мы къ себѣ ветхозавѣтную чету, Янкеля и его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназій и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавѣтная чета насказала намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокоуміи татаровскаго директора, о строгости приемныхъ испытаній и о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются родителямъ въ выборѣ для дѣтей квартиры. Предметъ этотъ, повидимому, очень близко интересовалъ Янкеля и его Соры, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ различныя черты татаровской дисциплины. Едва успѣлъ Янкель разсказать намъ одинъ случай, рисующій нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала разсказывать другой, по ея мнѣнію, болѣе поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Янкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событіи, которое обоимъ казалось особенно замѣчательнымъ, тогда голоса ихъ сливались, и они вмѣстѣ воспѣвали одно и то же: точъ въ точъ италіянскіе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценѣ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показавъ Янкелю кошелекъ и спросилъ его, не улаживаются ли здѣсь дѣла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленію моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовѣряя разсказамъ Янкеля и его Соры, отправился я, за полученіемъ свѣдѣній о гимназій, къ извѣстному въ нашемъ уѣздѣ фортепьянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназій татаровскую моднетку. То, что услышали мы здѣсь, еще болѣе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манерѣ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ непріятныхъ объясненій съ директоромъ, моя добрая Юзя вызвалась взять на себя первую аудіенцію, въ томъ предположеніи, что для ней, какъ для дамы, татаровскій директоръ будетъ вѣжливѣе и уступчивѣе. Но увы! только напрасно моя бѣдная барыня провела лишній часъ за своимъ туалетомъ. Представъ себѣ: этотъ камчадалъ, татаровскій директоръ, вы-

(1) Мишуресъ — Еврей, исполняющій въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

шелъ къ моей Юзѣ въ какомъ-то бекешѣ и, не обращая вниманія на ея вѣжливости, не давши ей кончить комплимента, съ которымъ она обратилась къ нему, сухо спросилъ: «что вамъ угодно», и затѣмъ узнавши, что дѣло состоитъ въ опредѣленіи нашихъ дѣтей въ гимназію, сказала: «подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ»; повернулся и ушелъ. Чортъ ихъ знаетъ, у кого эти люди учились учтивости и съ кѣмъ они живутъ! Юзя моя, обиженная пріемомъ директора, страшно его бранила, панъ Цибовичъ ей вторилъ, дѣти слушали, я молчалъ. Но вѣдь какъ ни разсуждай, а гимназіи теперь не обойдешь... За полтинникъ мнѣ написали гдѣ-то прошеніе о принятіи моихъ дѣтей въ гимназію; и я рѣшился повести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ собою и Цибовича. Когда дѣтей экзаменовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціоннаго зала и издали могли видѣть только испуганныя фізіономіи Яся и Стася, отвѣтовъ же ихъ не слышали. Оказалось, что дѣти, которыхъ Цибовичъ взялся приготовить въ третій классъ, могли, по своимъ познаніямъ, поступить только въ первый. Я бы не повѣрилъ этому, если бы меня увѣряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Божія, ксендзь Пушайло, сказалъ то же самое. Между тѣмъ Цибовичъ старался убѣдить Юзю, что всему виною одно русское произношеніе, которымъ будто бы въ отвѣтахъ моихъ дѣтей остался недоволенъ директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ превратномъ смыслѣ отвѣты моихъ дѣтей изъ географіи и ариметики. Боюсь однако, не надулъ ли меня самъ Цибовичъ: здѣшніе учителя узнали его и сказали мнѣ, что, года четыре тому назадъ, онъ, по неспособности къ ученію, уволился изъ третьяго класса татаровской гимназіи. Если это дѣйствительно такъ, то, разумѣется, поступивъ въ губернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Обманщикъ! а когда поступалъ ко мнѣ, то говорилъ, что знаетъ гимназическую программу, со всеми ея правилами, исключеніями, толкованіями и дополненіями, какъ своихъ пять пальцевъ. Такъ-то нашего брата, помѣщика, всякій надуваетъ!

Сколько я ни увѣрялъ директора и господъ учителей, что дѣти мои прекрасно приготовлены, что только по робости могли сбиться въ отвѣтахъ, сколько ни упрасивалъ членовъ педагогическаго совѣта — принять моихъ дѣтей, если не въ третій, то по крайней мѣрѣ во второй классъ (въ который дѣйствительно и намѣренъ былъ опредѣлить ихъ; въ третій же запросилъ для вѣрнѣйшаго пріема во второй); но все просьбы мои были напрасны. Наконецъ, умолялъ, чтобы хотя старшаго сына, щадя

его самолюбіе и сердце матери, приняли во второй; но и въ этомъ не успѣлъ: оба поступили въ первый.

Послѣ преній о классѣ, нерешли (уже въ директорской квартирѣ и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на квартирѣ. Я намѣренъ былъ помѣстить ихъ у госпожи Чубацкой. Дочь этой почтенной дамы говоритъ по французски; зять отчасти тоже говорить по французски и кромѣ того играетъ на скрипкѣ; сынъ отлично танцуетъ. Мнѣ очень понравилось соединеніе столькихъ талантовъ въ одномъ семействѣ, и я, чтобы не потерять случая помѣстить дѣтей моихъ на квартирѣ съ такими воспитательными преимуществами, очень охотно согласился дать госпожѣ Чубацкой, въ счетъ платы за содержаніе моихъ дѣтей, 50 рублей задатку. Но директоръ и слушать не хотѣлъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на вольной квартирѣ и требовалъ, чтобы ихъ помѣстить въ такъ называемыя казармы, или общія квартиры. Полагаю, нѣтъ нужды рассказывать тебѣ, что это такое—общія квартиры: всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ заключается вся сила этого милого учрежденія. Напрасно выставлялъ я директору нѣжный возрастъ моихъ дѣтей, привычку жить въ семьѣ, напрасно умолялъ, горячился, наскучалъ, напрасно самъ просилъ и подсылалъ другихъ просить за меня; онъ былъ неумолимъ. Каменное сердце! Если бы я на свои глаза не видѣлъ, какъ десятки другихъ отцовъ возидись съ нимъ тоже безъ всякаго успѣха, то подумалъ бы, что бѣсъ этотъ не расположенъ только лично ко мнѣ. Три дня осаждалъ я татаровекаго директора: ловилъ его дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ гимназіи, въ церкви, все не теряя надежды уломать его какъ нибудь; наконецъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и согласился помѣстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началѣ нашихъ переговоровъ, восхваляя дешевизну содержанія въ общей квартирѣ и выставляя эту дешевизну, какъ одно изъ преимуществъ, директоръ сказалъ мнѣ, что за содержаніе въ общей квартирѣ обоихъ моихъ сыновей, въ первомъ полугодіи, слѣдуетъ заплатить только 120 рублей; но когда дошло дѣло до расплаты, то вдругъ прибавилось еще 80 рублей на каков-то первоначальное обзаведеніе; затѣмъ, при сдачѣ бѣлья и платья, обраковали, подъ предлогомъ неформеннаго вида, почти весь гардеробъ моихъ дѣтей, и обракованныя вещи надо было перевести на звонкую монету; наконецъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, нѣчто и натурою, именно серебряную ложку, ножъ, вилку и 20 аршинъ какого-то салфеточнаго холста. Всѣ эти сдѣлки облечены въ законную форму, и, въ полученіи отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

дать мнѣ формальныя квитанціи. Покончивъ съ директоромъ, я завернулъ въ общія квартиры, чтобы увидѣть будущее помѣщеніе моихъ дѣтей. Здѣсь ожидали меня новыя, уже частныя сдѣлки и новые расходы. Надзиратель совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, для сугубѣйшаго повторенія уроковъ, договорилъ особаго репетитора; особый репетиторъ намекалъ, что, для вѣщаго надзора за моими дѣтьми, не мѣшало бы мнѣ пригласить особаго надзирателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бѣлье и платье особому назначенію гардеробщика; гардеробщикъ отсылалъ, для особыхъ переговоровъ о чаѣ, къ буфетчику; буфетчикъ во всемъ ссылался на инспектора. Когда я уладилъ все это, то оказалось, что дешевое помѣщеніе въ 120 рублей на бумагѣ, обошлось мнѣ на дѣлѣ въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, пропалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мнѣ застать дома старуху Чубацкую, которая на отрѣзъ сказала, что задатка не возвратитъ, потому что издержалась на заготовленіе необходимой для моихъ дѣтей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе моихъ татаровскихъ походовъ, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго сѣзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я выѣхалъ изъ Татаровки, у меня въ душѣ и въ карманѣ было такъ пусто, какъ послѣ пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосѣдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можешь принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующія замѣчанія.

1-го. Когда повезешь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собой жены, — по крайней мѣрѣ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь я могъ замѣтить, видъ прекраснаго пола еще болѣе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ екорѣе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-го. Не входи съ татаровскими жителями въ необдуманныя сдѣлки и никому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-го. Отправляясь къ татаровскому директору, сними съ себя все туалетныя украшенія: часы, перстни, брелоки, булавки, пуговицы; надѣнь старые сапоги и старое пальто, словомъ нарядись бѣднякомъ; бѣдняковъ, какъ я узналъ, они освобождаютъ отъ помѣщенія дѣтей въ общей квартирѣ. Только предупреждаю тебя, что обмануть этого чорта, татаровскаго директора, чрезвычайно трудно: у него вездѣ свои шпіоны. При выдачѣ квитанціи, онъ шутя сказалъ мнѣ, копѣйка въ копѣйку,

сколько я привезъ съ собою денегъ и какую монетою, также пересказалъ слово въ слово, какъ бранила его моя Юзя.

4-to. Отправляясь въ Татаровку, потуже набивай бумажникъ. Тамъ всякій своимъ манеромъ умѣетъ заставить нашего брата заплатить дань воспитанію.

№ 7. Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Розатовскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Колтаковскому.

По совѣту твоему, любезный сосѣдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку; Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежескоцкаго, потому что, какъ справедливо замѣтила моя Кася, въ Татаровкѣ привезенный мною домашній учитель могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бѣдняка, роль котораго я намѣренъ былъ, по твоему совѣту, разыграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмѣ, но и въ декорацияхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на парѣ фоль-верковыхъ лошадокъ. Въ Татаровкѣ, подъѣзжая къ постоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держитъ въ рукѣ простой мужицкій кнутъ, а не тотъ трехъ-аршинный бичъ, которымъ такъ мастерски владѣетъ, замахнулся и хотѣлъ хлопнуть; но слабый звукъ кнута, не соразмѣрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудилъ хохотъ и ѣдкія замѣчанія въ толпѣ мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе незвращнаго шарабана, мало обѣщавшаго поживы для хозяина постоялаго до а и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надѣлъ я на себя самое старое изъ моихъ пальто и тотчасъ же отправился къ директору. У воротъ директорской квартиры, сквозь рѣшетчатый заборъ, замѣтилъ я выбѣжавшую изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену черноморскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ея пылали, глаза сверкали гнѣвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развѣвался на подобіе флага, шляпка подалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летѣла она, крича: »piechota! pójde do Petersburga! piechota! pójde do Petersburga!» (пѣшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрѣтившись съ нею въ калиткѣ, я посторонился и подалъ ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вѣжливость,

промчалась мимо меня, прокричавъ еще разъ »piechota pójde do Petersburga!« Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тѣ же слова: »piechota pójde do Petersburga!«, произнесенныя громкимъ мужскимъ басомъ, вновь раздались въ директорскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на оныя директорскихъ индюковъ. Я оглянулся и увидѣлъ огромную фигуру нашего сосѣда Цимбалинскаго. Лице его побагровѣло отъ гнѣва; известная тебѣ малиновая шапочка, надѣтая на бекрень, отчаянно подалась къ лѣвому уху; славутская бурка, вѣроятно, второпяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надѣта на выворотъ, то есть, красною подкладкою наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидѣлъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагами и повторяя тотъ же кликъ: »piechota dójde do Petersburga!« онъ пронесся, вслѣдъ за Раскидальской, тоже не замѣтивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый обѣтъ Роскидальской и Цимбалинскаго — пѣшкомъ свершить столь дальнй путь, обѣтъ, возвыщенный всенародно и притомъ тотчасъ по выходѣ отъ директора, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ какихъ либо неприятностей съ директоромъ, и что поэтому и этотъ послѣдній можетъ находиться теперь въ раздражительномъ состояннн духа, я отложилъ мой визитъ до болѣе благоприятнаго времени и поспѣшилъ догнать Цимбалинскаго. Исправивъ превратный видъ своей бурки, онъ велъ уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причиной ихъ волненія были дѣйствительно неудачи по части воспитанія. Раскидальская просила директора позволить ея сыну квартировать у ея родственницы, Щупальской, а Цимбалинскій просилъ позволить его эконому помѣстить своего сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ. Директоръ отказалъ и той, и другому, находя, что для удовлетворенія просьбы Раскидальской не довольно достаточна степень родства, а для удовлетворенія просьбы Цимбалинскаго, недовольно достаточна степень бѣдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, дѣйствительно бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ экономъ небогатаго помѣщика, но нечистый духъ хвастовства подстрекнулъ Цимбалинскаго явиться предъ блюстителемъ татаровскаго просвѣщенія въ роли мецената и хлопотать за своего эконома. Увидѣвъ такую важную персону, разумѣется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключилъ, что персона эта изволить безпокоиться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; поэтому не только отказалъ помѣстить экономскаго сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ, но, какъ искусный негоціантъ въ торгахъ это-

го рода, еще потребовалъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ самый дорогой разрядъ общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалинскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницѣ Роскидальской, вѣроятно, посоветоваться на счетъ своего путешествія въ Петербургъ, я встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ узналъ моего стараго знакомаго, чиновника крюкославскаго городского магистрата, Цановекаго, сочинявшаго и переносившаго мнѣ въ Крюкославѣ разнаго рода дѣловыя бумажки. Я очень удивился, увидѣвъ его въ синемъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвѣщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадѣ, я и на костюмъ Цановекаго сначала смотрѣлъ съ маскарадной точки зрѣнія; но онъ увѣрилъ меня, что костюмъ этотъ составляетъ дѣйствительную принадлежность его официальной роли—надзирателя за вольноприходящими при татаровекой гимназии. Тогда я пригласилъ его къ себѣ и, представивъ ему несомнѣнныя доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посоветовать, какимъ бы образомъ избѣгнуть мнѣ помѣщенія дѣтей моихъ въ общей ученической квартирѣ. По совѣту и при содѣйствіи Цановекаго, я взялъ отъ уѣзднаго врача свидѣтельство о болѣзненномъ тѣлосложеніи моего сына, именно такомъ тѣлосложеніи, которое требуетъ особаго діетическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затѣмъ послалъ къ нашему уѣздному предводителю за свидѣтельствомъ о моемъ близкомъ родствѣ съ какимъ-то майромъ, у котораго Цановекій договорилъ для моего сына квартиру, и наконецъ оба эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартированія въ общей квартирѣ, послалъ по эстафетѣ, на имя нашего всеобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнымъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій увѣдомилъ меня, что на прошеніе мое вскорѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція; но что, для окончательнаго успѣха моего дѣла, мнѣ необходимо расположить въ мою пользу и Татаровекаго директора, которому для формы предложить сказать свое мнѣніе по этому дѣлу. По совѣту того же благодѣтеля Цановекаго, я отправился къ директору тотчасъ послѣ одного изъ моментовъ, опредѣленныхъ у него для приѣма пищи (въ это время, по замѣчанію подчиненныхъ, онъ сговорчивѣе), выразилъ ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодѣлительнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ нашего времени; изъявилъ сожалѣніе мое о томъ, что по болѣзненному тѣлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспитательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввѣренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложилъ позволить мнѣ внести, въ пользу этого благодѣтельного учрежденія, сумму, положенную за годичное содержаніе ученика, и наконецъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мои, изложенные въ прошеніи, посланномъ по эстафетѣ, заслуживаютъ уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мнѣ же пожертвованныя мною деньги были записаны въ кассовую книгу прихода. Въ послѣдствіи Цаповскій, за стаканомъ пунша, объяснилъ мнѣ, что изъ суммъ подобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дѣйствительное содержаніе дѣтей, при соблюденіи всевозможной экономіи въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концѣ учебнаго года, совершенно легальнымъ образомъ переписывается изъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распределяется по карманамъ благоразумныхъ составителей экономическихъ суммъ и всѣхъ пріемлющихъ о томъ попеченіе. Вещь, какъ изволишь видѣть, организована очень прилично.

И такъ, любезный сосѣдъ, какъ говоритъ ксендзъ Галуха, *est modus in rebus*. При пособіи одной жи, засвидѣтельствованной медикомъ, и другой — предводителемъ дворянства, мнѣ удалось обдѣлать мои дѣла успѣшнѣе твоего. Противъ моихъ аргументовъ не устоялъ и самъ татаровскій директоръ.

Въ заключеніе, позволю и мнѣ, любезный сосѣдъ, окончить письмо мое, въ видѣ совѣта тебѣ на будущее время, слѣдующимъ замѣчаніемъ: самая лучшая гарантія отъ всѣхъ золъ и напастей — это листъ чистой гербовой бумаги, съ приличнымъ приложеніемъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОСТИ ВЪ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ,

(по поводу смерти Шевченка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человѣчества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей *народной* жизни. Славяне восточные, или точнѣе—Славяне великорусскіе, довольно разработавъ прошедшее своей жизни, порываются установить свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностей въ воззрѣніяхъ этого рода, мы тѣмъ не менѣе, признаёмъ, что въ основаніи этихъ воззрѣній лежитъ начало справедливое. Безъ сомнѣнія, быть замкнутымъ въ своей жизни и отрицать постороннія *разумныя* вліянія не значитъ дѣйствовать ко благу своей народности: народность не исключаетъ усвоенія извнѣ того, что необходимо для ея развитія, точно такъ же, какъ, напримѣръ, то или другое растение, самобытное въ своей жизни, не исключаетъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для его развитія. Каждый народъ имѣетъ право усвоить себѣ лучшее у другихъ народовъ на столько, на сколько оно дѣйствительно есть лучшее для него. Онъ не теряетъ въ этомъ случаѣ своей самобытности, потому что въ выборѣ для себя того или другого изъ внѣшнихъ вліяній онъ самъ господинъ себѣ, а не внѣшнія вліянія располагаютъ имъ по своему произволу. Безусловное подчиненіе — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народныхъ стремленій разныхъ народовъ не только славянскихъ, но и неславянскихъ, могъ ли быть равнодушнымъ къ этимъ стремленіямъ народъ южнорусскій, имѣющій свою исторію, говорящій своимъ языкомъ, не смѣшавшійся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ славянскихъ, но сохранившій свою самобытную жизнь, и съ свѣтлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благоприятныхъ для

развитія условіяхъ своего существованія, — не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратилъ вниманіе на свою внутреннюю жизнь, сталъ выикать въ свое прошлое, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей народной жизни. Плодомъ этихъ стремленій было появленіе украинской литературы, еще весьма юной, но уже успѣвшей обратить на себя вниманіе не однихъ Малороссовъ.... И во главѣ этого-то современнаго литературнаго движенія стоялъ одинъ изъ отличныхъ сыновъ народа — Шевченко!... Нѣтъ надобности говорить, чѣмъ онъ былъ для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ немъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ какимъ-то мифическимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняешь свою голову.... Шевченко успѣлъ сдѣлать то, къ чему былъ призванъ: онъ доказалъ собою, что стремленіе народа южнорусскаго къ своенародной жизни — не мечта, какъ казалось и нашимъ маловѣрамъ, и другимъ невѣрамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личность, какъ Шевченко, не погибнетъ въ круговоротѣ исторіи, не совершивъ своего назначенія.... Послѣ Шевченка наша народность имѣетъ законное право на свое существованіе. chaos

Но если, подобно другимъ народамъ, народъ южнорусскій имѣетъ право развивать свою народную жизнь вообще: то можетъ ли онъ быть народнымъ и въ жизни религіозной въ частности? Безъ сомнѣнія, религія христіанская — одна истинная религія для всехъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежитъ вмѣстѣ съ другими, и народъ южнорусскій, сохраняетъ догматы религіи христіанской во всей чистотѣ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть народнымъ и въ своей православно-христіанской жизни — безъ противорѣчій какъ догматамъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значеніи народности въ жизни религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ виолнѣ нашего вниманія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементъ жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замѣчаютъ и не Малороссы тамъ, гдѣ сталкивается онъ съ другимъ народомъ. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонѣ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочетъ ли онъ, чтобы и религія принимала участіе въ важномъ для него дѣлѣ народной жизни? Стараясь рѣшить этотъ вопросъ — вопросъ объ участіи народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое мнѣніе, не считая его обязатель- u. p. m.

нымъ для чьей бы то ни было совѣсти: ученые и строгіе догматисты могутъ соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человѣчества—возможное для человѣка совершенствованіе. Милліоны дѣятелей во все времена стремятся къ выполненію этой задачи: но искомое совершенство всегда будетъ для человѣчества тѣмъ идеаломъ, который человѣчество будетъ стараться вмѣстить въ себя, но котораго никогда не обниметъ. Иначе и быть не можетъ: конечнымъ дѣятелямъ не обнять совершенства — безконечнаго по самой природѣ своей.... Однакоже; назначеніе человѣчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къътому совершенству, — не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединеніе (нравственное) многихъ личностей въ одну общую великую личность, призванъ выполнить одну какую нибудь частную задачу жизни, указываемую ему природою и исторіею, и онъ выполнить ее непременно, если достигъ необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развивалъ одиѣ идеи, на примѣръ идею искусства, тогда какъ древній римскій народъ — другія, на примѣръ, идею права. Когда народъ выполнить уже свое назначеніе, тогда онъ уступаетъ мѣсто другому народу, который въ свою очередь дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человѣчества — совершенствованіе рѣшается многими народами, дѣйствующими не только совмѣстно — другъ подлѣ друга, но и преемственно другъ за другомъ. Каждый народъ вноситъ свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цѣль человѣчества — усовершенствованіе, то нѣтъ и не будетъ ни одного народа, который могъ бы сказать, что уже все сдѣлано для блага человѣчества и ему ничего не остается дѣлать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое нибудь дѣло, другой продолжаетъ начатое, — одинъ дѣлаетъ болѣе, другой менѣе, но чѣмъ болѣе выступаетъ великихъ дѣятелей, т. е. народовъ, вырабатывающихъ свою жизнь ту или другую идею, тѣмъ болѣе движется впередъ общечеловѣческое усовершенствованіе. Такимъ образомъ, безъ множества и разнообразія народностей невозможенъ никакой прогрессъ человѣчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитанниковъ по одной задуманной мѣркѣ, не допуская никакой свободы въ развитіи, подавляетъ и губитъ развитіе подпавшихъ ей влиянію личностей. Но надъ человѣчествомъ нѣтъ такого деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя и борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловѣческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизни религіозно-христіанской? Вѣдь и христіанство проповѣдуетъ нравственное усовершенствованіе. Вѣдь и жизнь христіанская есть идеаль необъятный ни для кого, слѣдовательно ничего не будетъ противнаго христіанству, если тотъ или другой народъ своею жизнію разовьетъ ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно—при ограниченнѣхъ силахъ человѣка съ одной стороны и при необъятности идеала жизни христіанской съ другой (Это тѣмъ болѣе возможно, что христіанство не отвергаетъ всего человѣческаго: напротивъ, старается возстановить и утвердить въ человѣкѣ все, что есть въ немъ истиннаго, добраго, законнаго. Христіанство ведетъ человѣка къ совершенству не только средствами сверхъестественными, но и естественными. Слѣдовательно тѣ или другія особенности народныя не отвергаются христіанствомъ, если въ этихъ особенностяхъ есть сторона добрая, а она всегда есть въ характерѣ народномъ; напротивъ, тѣмъ сообразнѣе съ характеромъ народа взятая имъ сторона жизни христіанской, тѣмъ успѣшнѣе будетъ развитіе этой жизни... она, въ такомъ случаѣ, своя, *родная* для народа. Такимъ образомъ, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, мало по малу приближаются къ человѣчеству общій великій идеаль жизни христіанской, хотя вполнѣ этотъ идеаль не можетъ быть обнять человѣчествомъ ни въ одно время.

Въ исторіи христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замѣтить, что тотъ или другой христіанскій народъ развивалъ у себя *преимущественно* одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болѣе сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо замѣчаютъ, что въ первыя времена христіанства, на востокѣ—среди господствующаго народа греческаго—развивалась преимущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западѣ—среди господствующаго народа римскаго—развивалась преимущественно сторона практическая. Народъ греческій, съ одной стороны—примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой—самъ развившій мыслительную способность свою философію,—естественно, болѣе всего разсуждаетъ о теоретической сторонѣ христіанства. Народъ римскій, народъ практическій, способенъ владѣть мечемъ, а не разсуждать. Оттого на Востокѣ спорили о догматахъ вѣры, а на Западѣ и лучшіе умы не совсемъ искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертуліанъ разсуждаетъ, что если Богъ не создалъ овецъ зеленыхъ или голу-

быми, то намъ и не нужно цвѣтныхъ одеждъ... и это въ одно почти время съ существованіемъ на Востоцѣ знаменитаго философа-христіанина, Климента Александрійскаго! Самый аскетизмъ христіанскій на Востоцѣ имѣемъ характеръ болѣе созерцательный, — на Западѣ — болѣе практической. Въ послѣдствіи времени, различными народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторону въ ихъ широкомъ содержаніи. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая обнимаютъ всю полноту христіанства, необъятную ни для кого, то различныя народности всегда могутъ найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до этихъ поръ неразрѣшенной и которая, при томъ, въ общій сообразна съ природными характеромъ народа. Д. Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіанскіе, занявшіе мѣсто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда они сдѣлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе; но и теперь, нельзя не замѣтить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дѣлаетъ то, что вполне сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бѣда, если тотъ или другой народъ не рѣшитъ окончательно взятой имъ задачи: онъ сдѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать, а другой народъ продолжитъ начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко рѣшить, какъ это представляется: кто, наприимѣръ, можетъ указать предѣлъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ здѣсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тѣ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частную сторону христіанства, народъ не унижалъ другихъ сторонъ жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ иными христіанскими народами, — чтобы своего частнаго дѣла не возводилъ въ законъ общій для всѣхъ, какъ единственно лучшее дѣло жизни христіанской, — чтобы вообще не считалъ себя обнявшимъ всю полноту жизни христіанской. Такъ, Германецъ, любящій углубляться мыслию въ предметъ, остается вѣрныи своей природѣ и народности и дѣлаетъ законно-христіанское дѣло, если старается открыть въ религіи христіанской то, что есть въ ней удобостижимаго для ума человѣческаго: но онъ погрѣшаетъ, если единственнымъ руководительнымъ началомъ въ жизни религіозно-христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Англичанинъ правъ и предъ своею народностію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободою совѣсти: но онъ погрѣшаетъ, если принципъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ

въ жизни христіанской. Такъ, Итальянецъ вправѣ развивать идею искусства христіанскаго: но если онъ увлекается своимъ предметомъ до того, что забываетъ прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаетъ въ искусственной сторонѣ его, то онъ погрѣшаетъ, какъ это и видно на самомъ дѣлѣ: напримѣръ, богослуженіе римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняетъ собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза — прекрасное дѣло: но если онъ навязывается всѣмъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ мірѣ, то онъ заблуждается: любовь христіанская не дѣлаетъ насилія независимости ближняго. Словомъ, тотъ или другой народъ, желающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотрѣть на все христіанство сквозь призму своей исключительной народно-христіанской жизни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизни — какъ общечеловѣческой, такъ и христіанской, отдавать должное уваженіе и всѣмъ прочимъ сторонамъ христіанства, которыя раскрыты или раскрываются другими народами. Въ противномъ случаѣ, онъ отступитъ отъ истины и погрѣшитъ противъ христіанскаго ученія. Такъ возникли церковь римско-католическая и общество германо-протестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перенесенными на христіанство: особенности католицизма — главенство Папы и особенность протестантства — рачіонизмъ видѣютъ свое основаніе въ характерѣ обоихъ народовъ — римскаго, привыкшаго къ обладанію всесвѣтному, и германскаго, склоннаго къ самоуглубленію. Но если они захотятъ сдѣлать эти свои особенности общими правилами для всѣхъ, если они всю полноту христіанства заключатъ въ эти особенности свои: то становятся въ высшей степени неправы. Пусть римскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачѣмъ онъ распространяетъ свое владычество на всю церковь? Пусть народу германскому будетъ особенно близка теоретическая сторона христіанства, пусть онъ съ особенною любовью останавливается на понятіи о вѣрѣ съ теоретической точки зрѣнія: но зачѣмъ онъ отвергаетъ сторону практическую и не даетъ надлежащаго значенія дѣламъ (добрымъ)? Вѣрученіе одной православной церкви обнимаетъ всѣ стороны христіанства; она, въ своей догматикѣ, отдаетъ должное каждой сторонѣ жизни христіанской, хотя на дѣлѣ — въ практикѣ, развиваетъ болѣе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно народнымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляетъ

развитіе народностей, а церковь православная не препятствует самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не злоупотребляютъ представители церкви...) Первая хочетъ сдѣлать всѣхъ римскими католиками, послѣдняя заботится о томъ, чтобы всѣ были истинно-аврующими христіанами. Оттого, на Западѣ, народы римско-католическіе тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотятъ быть самостоятельно народными, какъ, напримѣръ, народы германскій, англійскій, даже (въ извѣстной степени) французскій и даже—италіанскій. На Востокѣ, православно-христіанскіе народы получаютъ самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православною церковію и не отступая отъ православія какъ напримѣръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій... Православная церковь, давая развитіе различнымъ народностямъ, къ ней принадлежащимъ, возвышается надъ всѣми этими частными народными развитіями въ своемъ общемъ вѣроученіи, которое обнимаетъ всѣ стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитіе всякой частной стороны — безъ противорѣчія общей полнотѣ христіанства. Впрочемъ, можно думать, что съ теченіемъ времени западные народы оставятъ свой исключительный взглядъ на христіанство и станутъ воздавать должное уваженіе и другимъ — разнообразнымъ, но тѣмъ не менѣе законнымъ — взглядамъ на него, хотя въ то же время, каждый народъ будетъ жить своею особою жизнію, различною отъ жизни другихъ, но и не противорѣчающею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на историческихъ обстоятельствахъ, — вѣдь это шагъ къ сближенію христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ...

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взялъ для развитія у себя? Отвѣчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредѣлить съ точностью и полнотою свои народныя отличія съ этой стороны; мы такъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторое отличіе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое расколомъ. Малороссы, не бывшіе въ Велико-россіи, и не присматривавшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколъ есть какая-то секта, не стоющая вниманія, не подозрѣвая, что расколъ считаетъ сво-

ихъ послѣдователей миллионами, дышетъ здѣсь повсюду, пустилъ свои корни глубоко въ жизнь. Но сильный въ народѣ велико-русскомъ, расколъ нисколько не проникъ въ среду народа южно-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другимъ — гражданскія и церковныя: явленіе, заслуживающее вниманія! Безъ сомнѣнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствію въ другомъ способствовали историческія обстоятельства, какъ церковныя, такъ и гражданскія: но тамъ, гдѣ расколъ такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность къ нему: иначе историческія обстоятельства не подѣйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онѣ подѣйствовали. Равнымъ образомъ, нужно предположить, что и въ народѣ южно-русскомъ существуютъ такія черты нравственной жизни, въ которыя воспріятетвовали ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола послѣ того, какъ великорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми обществами, — слободами, монастырями. Какъ частный человекъ, такъ и народъ, если симпатизируетъ чему-нибудь или отвращается отъ чего-нибудь, то въ немъ самомъ — въ его природѣ — лежитъ основаніе его симпатіи или отвращенія. Объяснять происхожденіе и распространеніе раскола какимъ-нибудь внѣшнимъ случаемъ — невозможно... Какая же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустилъ у себя появленіе раскола, а другой — отвергъ его? Что касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религиозной жизни этого народа, именно въ его приверженности къ внѣшней церковно-богослужебной сторонѣ жизни христіанской. Когда появилась нужда сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церковномъ богослуженіи велико-русской церкви, то часть народа захотѣла лучше отложиться отъ Церкви, чѣмъ допустить поправку чего-нибудь. Расколъ есть яркая, выпуклая сторона этой приверженности къ существующему обряду (какъ бы ни было недавне существованіе его), есть неумѣренное ея выраженіе. Приверженность къ внѣшности церковной, въ существѣ своемъ, законна, но не законна только степень этой приверженности, обнаружившаяся въ расколѣ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могіла, митрополитъ кіевскій, сдѣлалъ болѣе въ исправленіи церковнаго богослуженія въ южной церкви, чѣмъ Никонъ патріархъ московскій: но гдѣ протесты противъ

этого, подобные русскому расколу (1)? Мало этого: Петръ Могила допустилъ въ православное богослуженіе своей церкви нѣкоторые обряды изъ католическаго богослуженія, приспособивъ ихъ, конечно, къ православному богослуженію, наиримѣръ, такъ называемыя *passim*, т. е. чтенія евангелій о страданіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре пятницы великаго поста: и однако, южнорусскій народъ съ особенною любовію слѣшится на это трогательное богослуженіе. Можно себѣ представить, какъ было бы принято подобное въ Великороссіи, гдѣ четвероконечный крестъ, употребляемый всѣми не только не православными, но и православными народами, называется *печатію антихриста*... Что же значить это разумное отношеніе народа южнорусскаго къ церковной обрядности? То, что тогда-какъ великорусскій народъ обращаетъ вниманія болѣе на вѣшнюю сторону богослуженія, народъ нашъ придаетъ больше значенія внутренней сторонѣ его, обращая вниманіе на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противорѣчатъ другъ другу въ своемъ взглядѣ на богослуженіе, хотя и различаются другъ отъ друга, слѣдуя склонностямъ своей природы. Это отнюдь не значить, чтобы народъ южнорусскій менѣе цѣнилъ православно-церковное богослуженіе, чѣмъ великороссійскій: народъ, ведшій такія продолжительныя и кровавыя войны съ римскою унией — не только за догматы своей церкви, но и за ея обряды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустилъ у себя нѣкоторые новые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православныхъ обрядовъ. Указывая на эти факты, мы хотимъ только сказать, что и теперь уже замѣтно нѣкоторое различіе въ нравственно-религіозной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ вѣроученіи.

Но если мы не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ вообще есть существенный элементъ его жизни, на основаніи котораго, раньше или позже, должна опредѣлиться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности — Шевченку. Шевченко — поэтъ

(1) Любопытныя историческія изслѣдованія объ исправленіи церковнаго богослуженія Петромъ Могилою помѣщены въ духовномъ журналѣ «Руководство для сельскихъ Пастырей», за 1860 г., подъ названіемъ: *Недостатки церковной обрядности въ южной Церкви и Трехникъ Петра Могилы.*

народный въ полномъ смыслѣ этого слова: но кто не замѣчалъ, что въ его народной поэзіи религіозность свѣтится яркими лучами (1). Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевченко говорить, что слово поэта —

..... то Божее слово,
То сердце по волѣ зъ Богомъ разговля,
То сердце щербече Господнюю славу;

что мысль поэта стремится къ небу, а на землѣ не находитъ себѣ пріюта: — его

..... думка край свѣта на хмарі гуля,
Орломъ сизокрилимъ літае, ширіе,
Аж небо блакитне широкими бье;
Спочине на сонці, ёго запитаетъ:
Де вонб почуе, якъ вонб встае?
Послухае моря, що вонб говорить,
Спитя чорну гору: чого ти німа?
И знобу на небо, бо на землі горе,
Бо на йй, широкій, кутючка нема
Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
Що море говорить, де сонце ночуе —
Ёго на сімъ свѣті ніхто не прийма.
Одинъ вінъ міжъ ними, якъ сонце високе:
Ёго знають люде, бо носять земля;
А якъ-би почули, що вінъ одинюкий
Співа на могилі, зъ моремъ разговля,
На Божее слово вони бь насміялись,
Дурнімъ би назвали, одъ себе прогналі.
»Нехай по-надъ моремъ«, сказаіи бь, »гуля!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ «Гайдамакахъ», Шевченко рисуетъ своихъ героевъ и религіозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Діти не хрещені ростуть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Ляховъ и Жидовъ, «віру рятують» (стр. 51). Пвиготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молитвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіе казни враговъ своихъ — «ножі» и уже

(1) Мы пишемъ ввиду оди напечатаннаго произведенія Шевченка.

«съ свячѣннямъ гуляють...» Предводитель ихъ, Гонта, налагаетъ руку на собственныхъ дѣтей за то, что они католики, и — мы не можемъ безъ содроганія читать тѣхъ сценъ, гдѣ изображается борьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ героѣ — любви отца-христианина къ дѣтямъ съ ненавистью къ врагамъ-католикамъ? (Кобзарь, стр. 208 — 216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не питаетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нѣтъ:

.... згадаєшь —

Сѣрце усміхнѣтця,

говорить Шевченко, при взглядѣ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказалъ бы, что поэтъ сочувствуетъ не чемунибудь другому въ герояхъ прошедшей народной жизни, а этой кровавой расправѣ ихъ съ Ляхами и Жидами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцѣ лежатъ инья истинно-христианскія чувства, а не кровная месть:

.... за вищо,

За що люде гинуть?

Того жъ батька, такі жъ діти,

Жити бъ та брататъця,

Ні, не вмили, не хотіли,

Треба розъеднатьця!

Треба крѣви брата, крѣви,

Бо задро, що въ брата

Е въ коморі и на дворі

И вѣсело въ хаті.

«Убьемъ брата! спалимъ хату!»

Сказали и — сталося.

Все бъ, здаѣтця; ні, на кару

Сироти zostалися.

Въ слізахъ рослі, та й віросли;

Замучені рѣки

Розв'язалися — и кровъ за кровъ,

И муки за муки!

Болиť сѣрце, якъ згадаєшь:

Старіхъ Слав'ян'їхъ діти

Впились крѣв'ю, а хто винень?

Ксе́ндзі, езуїти! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за народно-христианскую идею, одушевляющую ихъ. Облечь эту идею въ иную форму поэтъ, конечно, не могъ — безъ противорѣчія истори-

ческой истинь. Правъ и чистъ не одинъ поэтъ; мы не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дѣйствовать имъ иначе въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ?... Не герои виноваты, а »кссендзи, езуіты«, Польша, съ своимъ римскимъ католицизмомъ....

Въ исторіи »Наймички« поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящаяся къ прошедшему и современному быту народа: не забыты и черты религиозныя. — Героиня разсказа ходитъ въ Кіевъ «усѣмъ святымъ поклонитись» и изъ Кіева приносить своимъ домашнимъ нѣкоторыя священные для нихъ предметы — шапочку зъ Ивана святаго и перстень одъ Варвара; дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возвращающагося »изъ дороги,« она собирается

»Акаѳистъ нанѣти
Миколѣви святому
Й на часточку дати,«

а въ послѣдніе минуты своей жизни, она тихо говоритъ: *Отче нашъ.....*

Шевченко влагаєтъ въ свою поэзію элементъ религиозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, — но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кипитъ тѣми или другими мыслями и чувствами. Воспоминая, въ чужой сторонѣ, свою милую родину — предъ тѣмъ временемъ, когда

« . . . надворі
Наступає свято,«

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубокою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

« . . . завтра рано
Заревуть дзвіниці
Въ Україні; завтра рано
Зберутьца молитись
Люде добр. . . . «

а здѣсь — на чужбинѣ

. . . завтра рано
Завіє голѣдний
Звірь въ пустині, та повіє
Ураганъ холодний
И занесє снігомъ білимъ
Курінь, мою хату....
Оттѣкъ мені доведѣтца
Свято зустрічати! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостеприимной сторонѣ, поэтъ-христіанинъ,

»своі дѣми тяжкі
И сердце убоге
Захováвши, ходитъ собі
Та мóлитца Бóгу« (тамъ же)

Неволя, тягчайшее изъ бѣдствій человѣка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротивъ —

» А я, воленъко, въ невóлі
Помолюсь Бóгу,« (стр. 83.)

говоритъ поэтъ, и, возводя очи къ небу, обращается къ »зарѣ — другу своему«, чтобы она »рассказала Бóгові« о его тяжкихъ думaxъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда »все замóвкло...« поэтъ замѣчаетъ: »такá Бóжа воля!«

Мы сдѣлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участіи религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеніи »Псалмовъ Давидовыхъ« съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болѣла душа поэта по многимъ причинамъ... и изливала свое горе въ тѣхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всѣ звуки пророческой поэзіи облекаются у поэта нашего въ родную рѣчь его, но только тѣ, которые отвѣчаютъ настроенію души его. Таково всегда отношеніе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тѣмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душою, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болѣе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему... Приведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо припоминаетъ жизнь поэта....

»Бóже, спасі, суді мене
Ти по своїй волі.
Молюсь, Гóсподи, внуші імъ
Усть моіхъ глабли!
Бо на дшу мою встали
Силні чужії,
Не зрятъ Бóга надъ собою,
Не знають, щó дють.
А Богъ мні помагае,
Мене заступае

И імъ правдою Своєю
 Вертае їхъ злая...
 Помоліюся Господеві
 Серцемъ одинѣкимъ,
 И на злихъ моіхъ погляну
 Незлима моімъ окомъ.»

Заключимъ наши выписки изъ поэта величественною картиною, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библии, — когда въ посланіи къ Шафаріку, главному дѣятелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ живительную дѣятельность его въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славянъ семью велику
 — — —
 Перелічивъ до одного,
 Перелічивъ трупи —
 Ане Славянъ — и ставъ-еси
 На великихъ кѹнахъ —
 На распутті всесвітнѣму —
 Іезекілемъ...
 И—о диво! — трупи встали
 И бѣи розкрили!
 И братъ зъ братомъ обнялися
 И проговорили
 Слово-тихоі любви
 На віки и віки!

Такимъ образомъ, во всѣхъ родахъ поэзіи Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случаѣ мы приписали бы поэзіи Шевченка (вопреки всякой истинѣ) исключительность и лишили бы ея той полноты, какая свойственна поэзіи всѣхъ истинно-великихъ поэтовъ. Нѣтъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка къ жизни народа! Намъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда.... Мы съ любовію останавліваемся на служителяхъ вѣры, когда они, какъ въ поэмѣ Шевченка (1) одушевлены тою же народно-религіозною идеєю, ~~на~~ и окружающій ихъ народъ; но нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

(1) См. «Гайдамаки» проповѣдь благочиннаго, «Кобзарь» стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго руко-
 объ-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и схоласти-
 цизмъ, съ другой — грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное
 примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоин-
 ству человѣка, мы готовы думать, что лица, подобныя Климентію, со-
 ставляютъ меньшинство. Иногда недостатки общества, долго таившіеся
 внутри его, отъ тѣхъ или другихъ причинъ начинаютъ вывѣщаться нару-
 жу и скопляться въ одно какое-нибудь мѣсто: тогда появляется одно или
 нѣсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ
 въ фокусѣ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ему подобные.
 Но чѣмъ сосредоточеннѣе болѣзни общественнаго организма въ одномъ
 какомъ мѣстѣ, тѣмъ свободнѣе отъ болѣзней прочія части тѣла: значить,
 появленіе такихъ уродливо - болѣзненныхъ лицъ, какъ Климентій, —
 признакъ того, что у насъ есть надежда на исцѣленіе...., что скоро та-
 кихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не видитъ теперь не-
 достатковъ того направленія, которое обнаруживается въ поэзіи Климен-
 тія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ
 народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ
 него чистою, живою струею; пусть она не заключается въ мудренныя
 книги, а старается сблизиться съ жизнью народа, станетъ нашею родною
 истиною. Примѣръ для всѣхъ насъ — основатель нашей Вѣры: нѣтъ
 истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святая и чистая истины Еван-
 гелія.... Пусть же получаетъ и почерпаетъ нашъ народъ и истину изъ
 Евангелія. Оно же недавно и переведено на великорусскій языкъ, кото-
 рый все-таки понятнѣе для Малоросса, чѣмъ церковно Славянскій. Но
 не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Укра-
 инскій....

Г. Т.

5 марта 1861.

С. п. 6.

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ IV.

ПРО ЗЛОДІЯ У СЕЛІ ГАКІВНІЦІ.

Див'ютьця, кажете, добродію, люде, що десь на хуторі про Тарасову смерть не згіршть одъ городлян письменнихъ метвк'ють, а ми див'ємось тимъ городянамъ, що, якъ скаже нашъ братъ п'утне слово, то вони й роті пороззявляють: дивись, мовлявъ, протий чоловікъ, а говорить розумно! Коли хочете знати, добродію, то се *нама* на-дивовижу, якъ тамъ по городяхъ люде не позабували говорити и обертатися по-людській. Початокъ и корінь городянства зостаєвъ у хуторі, то, здаєтця, тутъ би трѣба й шукати основи всякої справи городянської, тутъ би шукати й праведного розуму всякої городянської установи. Коли ви не цураєтесь мого писання, то я вамъ дѣ-що оповідаю, що мині на віку бачити й чути лучалося. Мѣже, зъ оповідання більшъ дорозум'єтця ваша городянська грѣмада, аніжъ изъ моєї хуторянської философіи.

Згоріла въ насъ у селі, недалѣчко одъ мого хутора, цѣрква. Селяне й пришлі до мене въ пасіку: »Добродію, потурбуйтесь на послугу громадѣ, об'їдте зъ нашимъ титаремъ села, чи не знайдете людѣй побѣжвихъ, щобъ допомогли цѣркву збудувати.

Ви жъ бо такі всюди бували, усякихъ людей знаєте, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.»

Ну, коли вамъ правду сказати, то въ насъ по хуторахъ люде не дуже-то звикли про церкві дбати. Байдуже намъ, хуторянамъ, про церкву; а селяне, то ті вже кажуть: »то намъ не хвалá, якъ у селі церкви немає«, а городяне, то ажъ золотомъ верхі побивають. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до зорявого неба, абó вранці до східь сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ молятця, а інший батько дітей краще відъ попá навчае. Та дарма: щó намъ про те зъ селянами шіроко річъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такі чоловік думки, що громада — всюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловікъ, якъ ище наши предки у житахъ та по-надъ річками въ дибровахъ Бóгові молилися, и тоді, якъ почали молітися по-грецькій, и тоді б́уде великий, якъ поклонятця Бóгу д́ухомъ и истинною, занедбавши Ерусалимъ. Инше, ма́буть, не можна, якъ такъ у исторіі, бо колибъ можна було, то певно громада іншимъ би рóбомъ собі пійшла. Отó жъ я такъ и про селянъ, моїхъ сусідъ, у серці своєму помисливъ, а імъ того марно не виявлявъ: на що? »Добре«, кажу: »щó громаді, те й ба́бі.«

И отó зібрались ми съ титаремъ, сіли на візокъ, потуркотіли. Чась бувъ такий, що люде на весні пообъюрювались, а кошовиця ще не починалася, то мині хочъ би въ пасіці й треба бжолі догледіти, та въ мене е такий дідокъ про се, а на кошовицю ще до госпóди встигну. Весну давъ Госпóдъ на той рікъ рясну: ажъ нахляємось, ідучи попідъ садами; біле віття по виду займае, запашною росію крòпить.

Титарь — чоловікъ побожний и трóшки притаманкуватий — каже:

»Се насъ, добродію, ангели білими крильми обвивають; се вони на землу попускалися и садовину мовъ лебеді всю вкрили.«

— »Такъ, такъ, Пётре!« кажу (а ёго звали Пётромъ). Любе мині було те серце тихе та соішне въ того дідуся старенького. »Се«, кажу, »ангели людей у рай заманоють.« Та ще й додавъ ёму зъ свого розуму: »Не живе,« кажу, »чоловікъ на світі безъ високої думки про якийсь миръ, кращий одъ нашого. Ся«, кажу, »думка свята одъ землі ёго підіймае и звикёмнити не дае ёму.«

По городáхъ, Пётре, міжъ товариствомъ блискучимъ є такі люде, що про корість та набутокъ байдуже, а все кудись далєко за край свѣта зазирають и такє людянь оповідуєть, що хїба тїльки въ гáрному сві приснитця. Тихъ людєй, Пётре, поэтами величають и до робіти нї до якої їх не змушують, и у всємú імъ потурáють, бо вони городянамъ не дають усїмъ поживіти.»

Кивнє мині Петро сївою чуприною, а самъ ажъ голову хїлить, прислухаючись до соловейка, що въ томú пишному цвїті, у тїй садовині запáшній голосною лунною розлягаєтця: ємú тамъ ангельскї спїви здаютьця, и все собі шєпче: »святъ, святъ, святъ«, мовъ той вїтерєць попідъ густїми вєрбами.

Залюбки ми громаді прислужїлися, мовъ де въ гостянь у якогось ласкавого, несказанно щєдрого пана побували: трави всюди вже фїлюютьця; рїчки, ставї, озєра стоять уповні, яснє нєбо зъ веснянїми хмáрками въ нихъ виглядаєтця, дїтвора весєла золотїмъ вóлосомъ на сонці тобї свїтить, — и свою малєчу згадаєшь, и на сєрці тобї тїхо и якось смúтно, и знявь би, та й полетївъ, спїваючи, по-надъ землєю.

Тїльки вже, якъ вертались додому, почали ми трївóжитись, якъ би громадського скáрбу не втеряти, бо — відомє діло — городї багáто такїхъ людєй порозвóдили, що, мовъ вовкї, въ сєрці тїльки хижацтво мають. Заночувати въ полі — страшно. Атó ми знай булò въ полі ночуємо. Ну, вже жъ и пáша стáла не вільна: почали хлопці на ношлїги по тологахъ тїльки ставати. А тудї їхавши, ми булò такъ прилажуємось, щобъ свої конї міжъ чужї пустити: тамъ ужє, звїсно, вáрта чергуетця — не вєрáдуть. У насъ, бáчте, по сєлахъ міжъ хлопцями ношлїжниками давнїй козацький звичай. Ватáга спить на обротянь та на шапкáхъ, головами докунї, а одїнь вартуї. Якъ же який гурть убєзпєчитця та вклядєтця увєсь спати, то гляди — зъ їншого табурица прискóчить, та й поволочє когò схóче до Ерусалиму. Вонò-то, коли хочете знати, страшнá забавка въ хлопцївъ той Ерусалимъ, а про-тє батькї за сонливихъ дїтєй не вступáютьця. »Нехайє, кажуть, «козацький звичай знає.« До Ерусалима въ насъ їздять отъ якъ: скрúтить изъ тáволги петельку, на нóги сонному накинє, конєві до хвостá привяже, скóчивъ óхлїпъ — гайдá по полю! и до-схочу тимъ гєрцемъ у чїстому полі тїшитця, що въ бїдолахи и спївна й потїлиця облїзе. Оцє въ насъ звєтця до Ерусалиму

іздити. То ми вже були безпечні, де була в'ярта: не пропадуть наші коні між господарськими, та й до скарбу лихий чоловік не підкрадетця. А теперъ уже й моторошно самимъ у полі стояти; бо дідусь мій, титарь, и г'олосу гараздъ не одведе, не то що. Вінъ тільки на те мвині въ дорозі й здався, що якъ увійдемо було до господи, то вінъ съ тарілочкою — сивий якъ голубъ, борідка біленька, кучерявенька, самъ тихесенький, лагідненький такий! такъ тутъ уже господарь и господиня не пожадують и останню копійку на церкву подати. Отъ и почали ми съ титаремъ обночовуватись уже по людськихъ господахъ, — добрі люде всюди на нічъ пускали.

Оце жъ разъ надъ-вечіръ уїхали ми въ село Гавівницю. Гарне село козаче. Ставъ такий, що по тимъ б'оці тільки чути, якъ яч'ять г'уси, а дітей на березі и не розг'ледишъ; верби далекі ажъ имла с'їня поняла, наче въ великому лузі за Порогами. Церква старосвітська, що щ'е-то ті люде будували, кот'орі въ підд'ашняхъ та въ ганкахъ, та въ бал'їсахъ кохалися. Теперъ тобі збудує церкву або зв'їницю — стоить якъ штиль, мовъ швайкою въ хм'яру коле; а що старосвітські наші церкви, то любо й поглянути. Вік'онця скрізь обмережені та позакруглювані, а якъ де, то наче квітку тобі на писанці в'їведе, ажъ жаль бер'е, що те стар'езне древо м'охомъ проросло, вітромъ та дощемъ обкрішуетця та тр'ухне. Підъ вік'онцями гонтовий дахъ навкругі церкви и навкругі мережані, вирізувані підд'ашня. Тільки скрізь гр'ати л'єд-в'є-л'єдв'є низові вікна мріють. Зад'ївнися на таку церкву, загад'єся: де-то люде тії на споч'ивокъ повклад'алися, що докупі підъ тими г'онтами зелен'астими збір'алися!... Отгак'а жъ була церква въ тій Гавівниці, въ том'у селі великому козачому. Гарне село. Усе майдани та широкі узберіжжя на верхв'їяхъ того ст'аву велич'енного. Роск'їнулось по волі: д'єсть де й дітямъ погуляти, и дівчатамъ у хр'єщика побігати, и парубк'амъ, лиц'яючись до дівч'їни, противъ місяця пост'ояти.

Отъ, в'їбрали дв'орикъ вес'єлий зъ моріжкомъ, пр'осимось обночув'ати. Молодичка противъ череді вийшла. »Не м'ожна«, каже, »люде добрі.«

— »Чомъ не м'ожна?«

»Такъ«, каже, »у насъ не м'ожна почув'ати.«

— »Де жъ намъ, голубко, съ к'їньми подітис'я?«

»Ідьте«, каже, »люде добрі, до злодія.«

— »До ко́го?«

»До злодія. У злодія васъ пúстять на́ нічь.«

Сказала, та й кинулась своїхъ овечáтъ займáти.

Зглянулись ми зъ дідусемъ: щó се за дивови́жа така? скільки світу проіхали — всюди намъ бу́ла одъ людéй шанóба, а тутъ, глянь, до злодія насъ одсилають на́ нічь!

Проіхали ще дворівъ зо́ два; зновъ такий двіръ вибрали, що й до водопою не далéко, и веселéнький, чістий, вёрбами зъ ўлиці понахиланий. Вита́ємось изъ дідомъ (дідъ за воритьмі сивий сидить у старóму кожущку; дитину на рука́хъ, укривши въ по́ли, голубить, коло ёго хлопя́тъ и дівча́токъ кúпецъ). Прóсимось на́ нічь.

»Ідте«, каже, »люде добрі, до злодія, а тутъ васъ нігдé не пúстять.«

Щó за повітря! думаю собі.

»Чомъ же не пúстять?«

Не говіркий бувъ дідъ, кивну́въ головою. »Не пúстять«, каже. »Въ насъ нікого не пускають.«

Щó жъ се зъ на́ми, Гóсподи, діетця? думаемо собі. Одъ злодівъ усю́ доро́гу остерега́лися, а тепе́рь би то до злодія почувáти заіхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненята на́ши ржуть озира́ючись; спочинку бажають. Стріли молоді́цю зъ відрами, въ не́й пита́ємось.

»До злодія«, каже, »заіжджа́йте: тамъ вамъ бу́де гара́здъ.«

»Та побійся ти Бóга, душе́ спасéнна: якъ такі́ доброму чоловікови́ въ злодія почувáти?«

А вона́ підтупцемъ переходить намъ доро́гу впо́вні, спасі́бі їй, та тільки рукою на край селá маха́е. »Тамъ«, каже, »всі́ ночують.«

Мабу́ть, вече́рю хапа́лася варити — ніколи сь подоро́жніми розмовля́ти.

Щó за напáсть така?

»Діду Пётре!« кажú до свого титаря. »Сповідáйся, кажú, міні, чи, нема́ въ тебе́ яко́го грі́ха на душі: мо́же, въ трéте женитися надума́всь?«

Шуткúю, а на душі́ я́кось ажъ сýмно, що куди́ се ми протівъночи заіхали? міжъ які́ се ми люде́ заіхали, що до злодія спрова́джують на́ нічь?

»Стоімó, вже й не ідемо; стоімó середъ майдáну. Ажъ тутъ ко-

сáрь косою противъ крáсного заходу крiзь кiриву, що чередá пройшла, свiтить. Подождáли поки надiйде, жалкiємось, що оттака й така рiчъ.

А чоловiкъ, здаётця, добрий, неглумливий. Осмихнувся. »Тадiте«, каже. »Чого ви боiтесь? Вамъ тамъ бiде добре. Нигдi на всiмy селi крiще не бiде.«

»Де жъ той злiдий у васъ живiе?«

»А отто«, каже, »на рiжку коло цiрнини ёго двiръ. Онъ«, каже, »верба черезъ усю дорiгу зъ двора перегнулася и зъ другою вербою навпрiтивъ изийшла. Отто й злiдий у насъ.«

Здвигнули ми плечима, зирнулися.

»А рушáйте«, каже, »добрiдю!«

Ну, вже коли тiтаръ не боiця въ злiдя почувати, то що вже тутъ? Рiшили, надбiжились: двiръ гiрний, зелiний, на узгiр'ї; у дворi хата чепурна, висiлка, бiлимъ причiлкомъ на ўлицю зпiдъ верби, мовъ молодiця свiтлоiлка, дiвiтця. Кошари въ дворi, повитки, все гiрно повкриваю, хмiлемъ та гарбузiннямъ зъ горiду повилiся. Тутъ и колiдязъ пiдъ вербою коло ворiтъ, и ворiта настiжъ очиненi. Кiви самi такъ и повернули. Ну, се хороша прикмета.

Уздимо, ажъ сей злiдий справдi господаръ багатий. Воли стоять у зiгородi гiрнi, вивознiї, такi-то, бачъ, що хочъ яку паровицю соли черезъ дрючiкъ зъ мiсця рiшили бъ (1). Свиней зъ десятокъ у велике корiто повлiзли. Молодiця гiрну корiву доiть. Усю драбину на хату засiли индiки. Вiдно зiразъ, що господаръ хороший.

Роздивляємось ми, ажъ до насъ изъ комiри чоловiкъ вихiдить, на видi чепурний такий.

»Здоровi люде добри!« шапку противъ насъ издiймае. »Почувати заiхали? Добре, почувiте зъ Бiгомъ. У насъ простiро.«

Такъ лiбо та лагiдненько до насъ говорiть; и молодiця зпiдъ корiви весiлимъ iкомъ на насъ озирнулася. Дiти повибiгали зъ синей; кучерявi такi, повновiдi. Все бъ вонi такъ до ладу, що

(1) Якъ набiрають сiль, на солянихъ озерахъ, то накладiй якъ хочеш мажу, абi парю зъ мiсця рiшивъ. Хазяiнъ дрючкi вiдъ колеса пiдiгне, щобъ не такъ-то легко рiшити. Отъ протой-то случая держать чумаки добру пару вивознiхъ волiвъ, що пiтiмъ одну мажу на два й на три вози пересипають, у дорiгу.

й Гбеподи, а намъ якоесь ніяково: що куді се ми заіхали? Ще зъ-рѳду въ злѳдія не почували; та ми звикли злѳдія и на селі обхѳдити.

Оттѳ вже я злѳжу зъ вѳза, а чоловікѳ ужѳ й кѳней розгнуздуе. »Не турбуйтесь«, каже, »дядьку, я вамъ и повицпрягаю кѳні и напою. Прощу вѳшої лѳски вступити до господи.«

»Та ми«, кажемо, »спасибі вамъ, и тутъ переночуемо. У насъ есть изъ собѳю й харчъ.«

— »Та щѳ се ви, Господь зъ вѳми? У насъ, якъ и двірѳ стоить, своѳі харчі ніхтѳ ще не івъ. Не погордуйте, благаяю«, та ажъ кланяется.

А чоловікѳ статѳчний такій, моторний. Намъ и сѳромъ вимовляється, та якъ же ѳгѳ й покинути усѳ на вѳзі?

»Я«, каже, »все за вѳми и знесу, хочъ воно й на двѳрі въ насъ, нехай Бигъ крие, ніхтѳ чужѳго не зачѳнить.«

Коли жѳ на порѳзі стоить старій чоловікѳ: придививсь трѳхи на насъ изидъ руки. »Та не бійтеся«, каже, »люде дѳбри: тутъ вѳша й порошина не пропаде. Уступите, спасибі вамъ, до господи, а синь мій упѳрае вамъ кѳней и сѳна хорошого закѳне.«

Познѳмали ми шапкі, вѳтаємо господаря. Винъ двѳри передъ нами въ свѳтлицю одчиняе; дѳтворѳ ѳму въ пѳли повчѳплювалась, веселѳнько на насъ позирае.

Увійшли: свѳтлиця простѳра и кѳмната по-старосвѳтській зроблена: не збѳку відгорѳжена, а прѳтивъ двѳрей, якъ по старѳхъ будѳвахъ позоставалося. Образи гѳрні, все Київської робѳти; тихъ Сѳздальцівъ, нема й одного. Вишиванимъ рушникѳмъ повкрѳвані, квітками позатѳкані, голубкі сѳ папѳру вѳсять, писанкі передъ образами; все такъ, якъ у дѳбрихъ людѳй.

Посадивъ насъ господарь у стѳлу, росперѳзуватись прѳсить, шапкі вѳши, пояси на кѳлѳчкахъ повѳшавъ. А тутъ и скрѳньку зъ нашимъ скѳрбѳмъ синь ѳгѳ вѳісѳ и на лѳві гарвѳнько поставивъ.

Ми вже такъ якъ малѳ діти, ні до чѳго й не мѳшаємося.

Зѳразъ вѳнісѳ господарь и сѳ кѳмнати тарѳлку мѳду гѳрного, хлѳба покраявъ передъ нами, рушникѳ закѳнувъ намъ поза столѳмъ, достае сѳ полицѳ чѳрку й кувбѳшечку поливяну, по чѳрцѳ намъ наливае и самъ до насъ звичѳйно вѳпивъ, и такій же то чоловікѳ увѳчливий, що хочъ кудѳ. Та намъ усѳ якоесь ніяково.

Поглянемо по собі, та й годі; дідусь тільки сивенькі кучері свої пригладжує.

Випили, закусили трóхи; náче й повеселішало намъ, а все не йде зъ думки, що де жъ оцé намъ Господь привівъ ночувати? Господарь по другій прóсить, самъ припиває. Треба намъ випити й по другій.

»А по третій«, каже, »за вечерею. Ось моя невістка впо́ра-етця, вечеряти намъ дасть.«

Тó про се, тó про те зъ нами говорять, и такій вінъ чоловік пріязний и розумний, що ми тільки плечима здвигаємо.

Далі я кажú: »Пане господарю! ви́бачте«, кажú, »що я ввасъ поспитаю.«

»А що такé вашій ласці завгóдно?«

— »Та тутъ«, кажú, »ввасъ лю́де якісь чудні; чи вони на васъ ворогують, чи Богъ їх знає; и вже й не знаю, якъ вамъ и сказа́ти.«

А вінъ засміетця та й каже: »Знаю, знаю, що ввасъ на язиці вертїтця. Ніхтó не пустивъ васъ до себе на ніч?«

»Эгé жъ, добродію.«

— »Иде«, кажутъ, »до злóдія, такъ?«

»Та вже жъ нехай бóде й такъ, бо й справді такъ говорено.«

— »Гес«, каже, »тó жъ вони й знають, що говорять: я й справді злóдій.«

Ми ажъ стрепену́лись. »Що се ви? Господь зъ вами!«

»Не турбуйтесь, лю́де добрі, годуйтесь на здоровья, а я вамъ розкажú, що вонó й я́къ. Ось слухайте.«

Та й почавъ розказувати.

»Зоста́всь я«, каже, »після ба́тька-ма́тери у сирітстві, служивъ по наймахъ. Вже й па́рубокъ зъ мене, а чужі, мовлявъ, волї пасучї та чужі возї ма́жучи, не багáто придба́въ. Немá зъ мене чоловіка; бурла́ка я вв світі безрідний. Чи такъ же мині й вікъ звиква́ти? думаю бу́ло собі гірко. Ко́лі бъ мині хочъ на па́ру во́ликівъ розгóрити, то бъ я собі ся́къ-такъ ростала́нивъ господарствечко. Такъ що́ жъ? чи зарóбишъ яко́го ці́лкового — на поду́шне піде, одéжинку треба про свя́то справити, бо господарь одéжи не дає про пра́зникъ, тільки про бóдень. То — господарь, не ба́тько: ёму́ абї грішне ті́ло не світілось, та й робї. А треба́ жъ и міжъ лю́де, до це́ркви, чи на майда́нъ до дівча́тъ вийти. Такъ я

собі не живу, а бідую. Що на мині, то й усєго въ мене. И жени-тись мині, якъ добримъ людамъ, не приходитця. Ужє й такъ дівчата, жартуючи, мині приспівують:

»Ой гультаю гультаю,
Чогось тебе спятаю:
На що менє свѣтаешъ,
Коли хати не маєшъ?
Збудуй свою зъ лободі,
А въ чужю не веді.«

Знаєте, дівчача натура: шуткуючи, усю правду тобі виспівують; и одспівуватись нічимъ; стиснувши себе за сєрце, одійдешъ та й годі. »Божє жъ мій!« думую, »що мині діяти на свѣті? Хочъ би мині або вкрасти де, або-що, чи не розжився бъ я хочъ трохи?« — Якъ почавъ, якъ почавъ такъ думати. »А що жъ? украду!« — Отъ, надумавшись, приходжу до свого господаря. »Спасібі двамъ, пане господарю, за хлїбъ за сїль и за добру науку. Не хочу вже я въ васъ бѣти.« — »Що ти, Дмитре? чомъ не хочешъ?« — А я, знаєте бувъ парубіка трудящий и тверезий, то господарь менє дуже вподобавъ. »Такъ«, кажу, »рощитайте менє, підіу вже я одъ васъ.« — »Куди жъ ти підешъ?« — »Та вже мині-то про те звати. Годі вже мині чужі волі пастя!« — Ну, господарю нічого зо мною робити, рощитавъ менє, відпустивъ. Які грощи мині впадали, я въ єго зоставивъ. »Я«, кажу, »визьму їхъ опісля; нехай вони въ васъ бѣдуть.« — Узявъ підъ повіткою віжечки старєнькі, змотавъ, світку на плєчи, саківкї взявъ и съ хлїбомъ, пийшовъ собі зъ села. Було вже надъ-вечіръ. Покї ввійшовъ я верстъ пизъ десѣтокъ, зовсімъ стємніло. Назіривъ я въ полі — огонь кладуть хлѣпці, ночують; вартувати не звикли, заразъ и видно. Подождавъ, покї вкладѣтця спати, съ тихъ віжечокъ поробивъ оброті. Унавъ навколїшки, звивъ на нєбо очи. Зоряве нєбо миготїть. Хотївъ молитись, та й молитви не добравъ, тїльки заплакавъ. У полі тїша, роса блищить по зорі, кѣні пасучись пїрхають. Місяць почавъ изиходити; рогомъ у зємлю вперся, піднявъ угору. До мене кїньска тїнь досягає. Такъ мині здалось тоді, наче Богъ надо мною змїлувавсь, а на сєрці така сміливість, що и въ пєкло полїзъ би, не тѣ-що. Обійшовъ я кѣней, вибравъ, которі найкращі. Пѣра гѣрнихъ кѣней пасєтця, укѣні спѣтані. »Нї«, думую собі, »се одногѣ господаря кѣні; не

трéба ёго дўже обіжати.« Респўтавъ тільки одного, а дрўтого зь дрўгоі пáри випутавъ. Хлóпці хропўть; не бояцца Ерусалима: ще не проўчені. Понадiвáвъ я на кóней обрóті, сiвъ, свiснувъ, — тiльки зóри вемiхнулись. До свiту незнать де опинився. Перéдъ свiтомъ забрáвъсь у гущиню, потривóживъ кóні, пустiвъ; самъ припáвъ пiдъ кущъ; виснався дóбре; поснiдавъ, щó булó вь сáкiвкáхъ; найшóвъ вóду, напоiвъ кóней; гайдá дáли. А булá вь мéне такá вдáча, щó iду и нóсомъ чўю, кудi вeдe дорóга. Зь-рóду булó не заблужў. Якъ разъ у ярмарокъ утрáпивъ. Я такi й знáвъ, щó вь такóму й такóму мiстечку бувáе у ту пóру ярмарокъ. Хожў собi по базáрю, кóней вожў, мовъ спрáвдi отéцький синъ. Вже я на щó навáжусь, то минi все байдўже.»

Оттакў нашъ господáрь розвiвъ истóрию. Ми зь дiдусéмъ тiльки зглядóуемось. Вечiрь насўпився; кукурiкнули на сiдали пiвни. Молодiця свiтло внеслá, низéнько намъ уклонiлася. Господáрь хрестъ на сéбе положивъ, вечéрять звелiвъ подавати. Бóже жъ мiй, щó се за человекъ такiй? дўмаю собi; а вiнъ, прогорнўвши ўси, дáли оповiдуе, и такiй у ёго пóглядъ тiхий и веселий, — якъ же ёму злodiякою бўти? Ще протiвъ свiтла вiрiзались морщiни на чолi и ўста оживiлися, то мовъ кáзань у цёрквi намъ кáже.

»Хожў я«, кáже, »по томў ярмарку. Зáразъ Жидкi моiхъ кóней назiрили, щó дóбри кóні, почали торгувати; збувъ я тихъ кóней карбóванцiвъ за шiсть-десiятъ, бо й спрáвдi кóні дóбри булi, завязáвъ грóши вь хустiну, пiйшóвъ собi зь селá, нáче дóбре дiло зробiвъ. Сóнце сáме захóдiло, якъ я вiйшовъ. Ярмаркóвимъ пiломъ пóле затумáнило. Такъ нáче тепérъ стою я середъ зелéного пóля и дiкую Бóга, а сóнце нiжче, нiжче западáе, крáснимъ прóменемъ бьóчи по левáднiхъ вёрбахъ, по вiтрякáхъ крилатихъ, по висóкихъ могiлахъ. Мовъ я на Бóжий свiтъ народiвся, мовъ упérше побáчивъ, якъ сóнечко за зéмлю криетця и Бóжа росá хóлодомъ пó полю дiше. Стрeпéнувъ я, мовъ той птахъ, и степómъ на Крiмський шляхъ двiнувъ. Рóзуму я зь-рóду не позичáвъ нi вь кóго. Обернўвъ сякъ-такъ свi грóши, — вeрнўвся вь-осенi додóму сь паровiцею сóли. Тутъ ужé й дiвчáта гóди минi гульгáя приспiвувати: вже вь мéне свiй двiръ, свiй хáта. Одруживъсь я, понiявъ собi дiвчiну-господáрку: не погордували мнóю лóде хорóшi — оддали зь гáрнимъ вiномъ. Отъ ужé ми й

живемо, вже въ насъ и дітки; добрі люде насъ знають. Тільки все міні кортіть, якъ би ще пару воликівъ придбати. Думаю: »Господи! ти мене закрий одъ людського ока: закрий мене ще разъ! нехай я буду господаремъ, якъ и всі люде.« — Иноді й середъ поля стану — молюся, голосно середъ поля слово здійму до Бога, ажъ сѣмно міні стане, и наче хто ззаду въ мене всміхається. Довго такъ я наважувався, далі зновъ у серці сміливість така, одвага така... зновъ не боюсь нічого въ світі. Добувъ ще пару коней підъ чужимъ селомъ; продавъ — ногадки. Що жъ би ви думали? Съ того часу такъ міні й рупить ледаче діло, такъ и трушусь, якъ забачу де безъ нагляду коней попутанихъ. Покрипівсь ище зъ рікъ, — ище разъ Бога прошу, ще разъ пійшовъ на здобичъ. Погодивъ міні Бігъ и на сей разъ. Почавъ я вже розживатися. Уже люде якомсь на мене чуждо поглядають, и на серці часами въ мене дуже погано. Було молюся Богові: »Не карай мене, Боже, за мої гріхи ні на міні самому, ні на дітяхъ.« И вже працію було на господарстві, не жалючи сили. Люде й бачать, що я тверезий и трудящий и нікого въ селі волосомъ не чіпаю, та міні вже такъ здається, наче вони мене не такъ щиро вітають и чогось пильно мені въ вічі дивляться. Уже въ мене старший хлопчикъ підпарубочимъ вірісь. Світлицю навпротивъ старої хати я собі вібудувавъ, и все міні йде въ руку, чи бжолá, чи худоба, у всьому Богъ мені приспоряє, а про-тє наймилийшъ міні було крадене. Держусь-держусь було, та й потягну що-небудь у чужихъ селахъ. Було иноді самъ оддасі старцеві сорочку, а чужє рямтя съ тину знімешъ; ажъ душу тобі тягне, якъ розминесся, не занявши. И вже такъ бувъ розродився на чужє добре, що крадені коні въ мене у загороді по два, по три дні перестояють, поки збуду на ярмарку. Нічого не боюсь: то міні свято, то міні великдень, якъ що вкраду.»

Дідусь мій, титарь, ажъ хрестить, такє слухавши. Тутъ и молодіця вже подає вечеряти, и синъ увійшовъ знадвору, до столу сідáє; ще оди́нь синъ молодікъ съ поля пригнався. Не соромитця вінъ и при семъ свою оповідь оповідати, що вже я дуже здивувався. Скільки світу я бачивъ, а такє вперше на віку міні трапилось.

»Добродію!« кажу, »якъ же ва́ша господі́ня? якъ ва́ши діти?«
 — »Господі́ня моя«, ка́же, »ца́рство і́й небѣсне! все же зна́ла и діти зна́ли, та що́ жъ? своѣ рідне, сво́ю кровъ. Було́ плачучи покійна́ На́стя про́сить: »Чолові́ченьку, голубчи́ку! покинь ти сю мледа́чу ва́ду, себѣ пожа́луй, насъ пожа́луй, люде́й посоро́мся. «Вже́ ми́ні парче́вого очі́пка надіти стра́шно; вже́ я въ це́ркві »становлю́ся по са́мому за́ду, и сві́чку поста́вити ми́ні со́ромъ, и »лю́дямъ у ві́чі глі́нути бо́юся.« — Що́ жъ би ви ду́мали? запри- сягну́ передъ не́ю, о́бразъ зніму́ и поці́люю, а піду́ въ доро́гу — не вте́рплю: хочъ стри́гунці́ приве́ду додо́му, хочъ плахти́ну при- везу́, ніби купи́въ на я́рмарку. На́стя було́ й пізна́е одъ ра́зу, що́ на́дівана пла́хта, у пічъ було́ вки́не и го́лосомъ го́лосить. И въ са́мого въ ме́не се́рце за́ниє, а безъ кра́жи нема́ ми́ні життя́ на сві́ті. Да́лі вже́ синъ поча́въ за мно́ю на́зирцемъ ході́ти, не пуска́е мене́ безъ се́бе зъ двору́. Було́ вночі́ не сплю́, піджи́даю, по́ки посну́ть усі́, скра́дуюсь, то вінъ: »А куди́ се ви, та́ту?« Я й ля́жу. Прошу́сь було́ въ ёго, якъ дити́на, що́ ми́ні ні що́ не ми́ле на сві́ті, тільки́ й мо́го, якъ де́ здале́ка хі́стю засягну́ти. Такъ-то вже́ ми́ні Богъ да́въ, що́ й ро́зумъ одня́ло въ ме́не и со́ромъ, и зовсімъ́ я пропа́щий чо́ловікъ зроби́вся. Ото́ жъ уже́ таю́сь и передъ́ си- номъ, на́че ми́ні й байду́же; ді́ло роблю́, хожу́ до це́ркви разъ у разъ. Угаму́вався синъ, ставъ́ ми́ні по́пускъ по́пускати́. Вже́ жъ я й посі́вивъ, и уву́чать ди́ждавъ, хвалі́ти Бо́га; то й ду́має — неха́й здоро́вий бу́де — синъ, що́ я вже́ схаме́нувся и на сво́ю се́мью згля́нувся. А въ ме́не ду́мка да́вно засі́ла, стра́шна ду́мка — це́ркву сво́ю обі́кра́сти.«

Тутъ уже́ й са́мъ той зло́дій перехри́стівся, и всі́ ми, скі́льки насъ ні́ сиді́ло за вече́рею, усі́ охри́стї́лися. Зроби́лась ти́ша ве- лі́ка. Тільки́ кага́нчикъ трі́скає.

»Тимъ́ я«, ка́же, »й до це́ркви вча́цавъ, щобъ́ розди́витись и змі́ркува́ти, якъ те ді́ло вчи́нити. Вже́ й Бо́га не про́шу, щобъ́ ми́ні поми́гъ, щобъ́ оборо́нивъ мене́ и закрі́въ відъ лю́дьско́го о́ка. Ви- бравъ́ я таку́ нічть, якъ не було́ ста́ршого си́на въ госпо́ді. Крик- нули́ дру́гі пі́вні, я вже́ й на дві́нтарі́. Яко́сь ми́ні й ні́яково по моги́лкахъ́ ступа́ти; ба́тькі́, дя́дкі́, ді́ди мо́ї лежа́ть, и вже́ ми́ні приві́джуєтца, що́ вони́ підъ́ тими́ підда́шшями хо́дять; во́лосъ ва́не, та, на́ дихо́ ми́ні, сторо́жі захо́рпї́ підъ́ дзві́ницею. Жи́ві лю́де — не стра́шно мертці́въ. За́разъ та ока́йна смі́ливість мене́

взяла; підваживъ у цѣркві двѣри, виставивъ. Просто до громадської скарбівни, до цѣрквонної скриньки. Тамъ ще старá Терещиха кубки срібні на схованку въ цѣркву віддала, — все те я знавъ, де й якъ лежить. Набрáвъ повну торбу. Місяць у цѣркву скрізь грáти зазирає, щось нѣби шáмкає, ступáє поза престоломъ, — схоплять мене дрижаки, та й зновъ байдуже. На образі не дивлюся, въ зѣмлю потупивсь, вийшовъ изъ цѣркви.... де тобі вийшовъ? вискочивъ! Думка була двѣри до одвѣрківъ притулити — страшно, наза́дъ страшно обернутись; утекомъ черезъ могилки до хвѣртки. Холодна росá зъ дѣрева мене обсіпала; мовъ щось мене держить за плѣчи, мовъ хтось за нѳги хапає; я бїжý осліпъ. Вже одбїгъ далѣко геть-то, и не знаю, де я. Упѳрше зъ-рѳду зъ дорѳги збївся. Ставъ, озирнувся.... та се жъ я середъ могилѳкъ, на цвїнтарі коло цѣркви! Місяць підбївся угѳру, крізь лїпину старий гѳнтовий дахъ світомъ своїмъ мерѣжить, у вїкна бѣє; зъ вїконъ хтось взирає. Кїнувсь я сь цвїнтаря, ажъ хвѣркою брязнувъ; до Бунакового гайка, до байраку, за селѳ поспішаю: тамъ уже въ мене й ямка гѳтова, щѳбъ свїй скарбъ прикопати. Такъ бїжý, такъ бїжý! Вже й за селѳмъ; глїну — незнакома дорѳга, та й зовсімъ нема дорѳги, мѳкра рѳсына трава въ мене підъ ногами. Озирнусь навкругї — зновъ я коло цѣркви! У вїкна люде якїсь мнї всмїхаютьца. Тїхо, тїхо якась птáшка підъ крїшею стѳгне, мовъ чїй душа плаче. А сторожі хропуть підъ дзвїницею. На що їмъ стерегтї, де самъ Богъ стережѳ?... Зновъ я бїгти, зновъ я втїкати; пїть зъ мене такъ и вѳрне; нѳги вже пїдо мною трусятца. И такъ я, люде дѳбрї, бїгавъ навкругї цѣркви до сáмого свїту. Сѳнечко вже по даховѳму мѳху краснимъ світомъ грає, чередá озивáетца; прокїнулись сторожі, дївлятца — цѣрка відчїнена, а я зъ мїшкѳмъ на плѳчахъ по росі бїгаю, стѣжку навкругї цѣркви вїбивъ. Узяли мене — я й рѳки попустивъ. Зїйшлися люде, попá покїкали. Я й признався, що оттáкъ и такъ, панѳве громадѳ; тепѳрь я въ вáшїй вѳлі. Ну, пїпъ тутъ зáразъ крїкнувъ на отáмана, щѳбъ подáвъ залїзне пѳто, щѳбъ мене зáразъ до становѳго відвезтї; а старї громадські люде, порáдившись мїжъ сѳбе, кажуть: »Щѳ жъ намъ, панѳтче, за корїсть, якъ ми сѳго чоловїка запро-»торимо тудї, де козамъ рѳги правлять? Хвбá то намъ слáва? А мѳлучче ми отъ що вчинїмо. Ось одчепїть, хлѳпцї, одъ дзвѳнівъ вїж-»кї, дамѳ емý зáразъ прочухána та накинѳмо на ѳго брáтську по-

жкүту. Нехай три роки паламаріюе въ церкві, нехай три роки приймае до себе всякого подорожнёго, страннёго, нехай дарёмне всякого прочанина, й захожого и проїздячого, контентуе, и щобь вніхто, поки й живе на світі, інше ёго не звавь ні на ймення, ни на прізвище, якъ злодій.» — Отто жь менё вибили середь громади тимі віжками відь дзвонівъ, та й пустили. Якъ минуло три роки моєї покути, я й кажү громаді: »Що жь, паніове громадо! уже нехай буде ва́ша ласка: зоста́вте менё, поки снаги моєї, паламарювати, та й проїздячихъ нехай селяне до мене відсилають, щобь уже я одинъ за все село ними турбувався.» — Громада, спасібі їй, на те зозволила. Оце жь я вже охотою паламаріюю въ церкві, странніхъ приймаю, якъ гостей, и звать мене люде на все село злдіємъ.»

- Сказавши, низько намъ обомъ уклонився, а ми ёму вклонилися низько.

Отъ вамъ, добродію, оповідь, котору я своїми ушима чувъ, и чоловіка того своїми очима бачивъ. И теперъ пойдете въ село Гаківницю, то й теперъ ще знайдете той двіръ на ріжку коло царини зъ величєнною вербою, а навиротивъ ти верби друга нахилилась, и въ село наче кризь зелєні ворота вїдете. Вже вмеръ старий Дмитро Гарбузъ, що звали злдіємъ, а вінъ Гарбузъ изъ діда й прадїда. Сїна ёго не звать злдієнкомъ, крий Бже! Усі поважajúть, бо чоловікъ хорощий и странніхъ по-батьківській залюбки приймае.

Ну, а въ васъ, добродію, у городяхъ, що бь съ тако́го чоловіка зробили?

Хуторянінь.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ кáзка и не кáзка...
 Весно́ю іхала калі́ска,
 Упрóстяжъ ко́ней шестирня́;
 Калі́ска, náче та свиня́,
 Була забóвтана грязе́ю;
 Хвалѣ́таръ, кúчеръ, два лаке́і,
 Юхтóвий зза́ду чамайдáнь; —
 Эъ вікна́ диві́сь старе́нький панъ, —
 Людці шанкі́ ёму зді́мáли;
 На лісу́ діти позлі́зали —
 Побáчить: щó вонó за-бі́сь?...
 Проі́хало вонó.... а да́лі —
 Яко́сь-то Богъ не пере́нісь —
 Середь калю́жі ко́ні й ста́ли —
 Усі, одра́зу, якъ оді́нь!...
 Чому́ й не ста́ть! — якъ роздіві́лись:
 У грязь ко́леса васні́лись
 Троха́ не бі́льшъ, якъ на арші́нь!...
 Тутъ кúчеръ за́разъ: »Ну, ребя́тка!
 Ну-ну́! — *вита́гувай!*! кричі́ть...
 Тоне́нька ну́жка, знай, свисті́ть!...
 — »Ні, на́рень! чо́ртового ба́тька!«
 Стоіть и дúмае наро́дь:
 — »Се, бачъ, калю́жа—нашъ дохо́дь,
 Троха́ мабу́ть не ці́лий годъ....
 Тутъ, бра́те, ко́ні не потя́гнуть:
 Неха́й тамъ бу́дуть хочъ які —
 Чи генора́льські, чи царські —
 Де-де,—а тутъ воні́ постря́нуть!...«
 А й справді́ людъ той уга́давъ,
 По іхне́му, бачу́, и вийшло:
 Хвалѣ́таръ мовъ кома́рь пища́въ,
 Вита́гувавъ, ажъ трі́снувъ дішель;
 Той бі́дний кúчеръ ажъ охри́пъ —

А все нічого!... Кони — сіпъ, —
 Та й гóді... дергону́ть — и ста́нуть...
 Уцрїли такъ, що жа́лко й глянуть!
 Достало́сь біднимъ лошака́мъ!...
 До-віку бъ кўчеръ мордува́вся,
 Колибъ до насъ не обізва́вся
 Изъ про́зьбою панію́га самъ:
 — »А чи не можна, до́брі лю́де,
 Зарятува́ть? одъ мене́ бу́де
 Карбóванецъ, чи й більше вамъ...«
 — Чо́му не можна? За вола́ми,
 Якъ що такé, то и пі́ті,
 А кониня́токъ одипрягті́,
 То й ві́тягнемъ... Ходімъ, Овра́ме!... —
 И привелі́, и запряглі́;
 Зъ каля́ски че́лядь постагáли, —
 Тому́ мизéрству показáли,
 Що коні́, ба́чте, не во́лі —
 Серéдъ Юркі́вської калю́жі:
 Бо кінъ який не бу́де дужий,
 Та, ба́чъ, гаря́чий: стрибъ да сіпъ,
 Кипі́ть, мовъ у горшкú окріпъ
 И сі́лу даромъ потрача́е...
 Святе́е діло — віль: ступа́е
 Пова́гомъ, сти́ха римига́ —
 А ві́таска вагу́ зъ багнію́ги...

Ся вірша вамъ за-длѣ нау́ки —
 Не вамъ, старі́, а вамъ, ону́ки!...

Иванъ Затиркевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

(Исследование Д. Мордочцова, въ III т. Архива, издав. Н. В. Калачовымъ).

Историческое изображение юридическаго прошедшаго у всякаго народа, сообразное съ установившимися требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество, будетъ ли такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человеческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смѣшонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его вѣрою въ могущество открытаго имъ начала, съ затѣею писать кодексъ государственныхъ учреждений для всѣхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложеніемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложений. Съ тѣхъ поръ государственная мудрость успѣла вступить въ тѣсный и неразрывный союзъ съ историческою дѣйствительностію. Требуя оцѣнки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нѣтъ съ отвлеченнымъ началомъ какой нибудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примѣненія, противодѣйствующія и благопріятствующія стихіи; было-ли парализовано противодѣйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотѣ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттѣнокъ. Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы будемъ вправѣ дѣлать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законѣ условія народности, возможно—ли ожидать, отъ примѣненія его, благотѣльныхъ послѣдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдѣльнаго опредѣленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ—юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакціею законовъ, возвращаются въ кругъ народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ—юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализовать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находитъ свое приложеніе въ физиологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовѣда Мацѣвскаго, но, навѣрно, ничѣмъ нельзя поколебать увѣренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имѣетъ свою фizioномію, ему одному свойственную; что въ немъ есть характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — вѣчнымъ правомъ. Не менѣе сильно наше убѣжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имѣютъ свои рѣзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и прослѣдить преемственную жизнь и видоизмѣненія послѣднихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только на этой ступени исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ для настоящаго.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время Польская и Русская литературы не имѣютъ исторіи права, которая бы вполне удовлетворила современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовѣденіи первое мѣсто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ *Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ*, Неволлина. Но вотъ слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслѣдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неволинъ свелъ все данныя, все отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всеми, даже по видимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо взглянуть во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическіе факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературѣ замѣчательнѣйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкого *о литовскихъ и польскихъ законахъ*.

О достоинствѣ этого труда повѣйшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацьёвскій говоритъ такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, былъ послѣдователемъ Монтескье, который занимался болѣе основаніемъ и задачею устройства человѣческихъ обществъ, чѣмъ системами политической ихъ организаціи. Между тѣмъ, Чацкій не усвоилъ себѣ, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ извѣстныхъ опредѣленій права ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія, и потому, при всѣхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкого, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открылъ ни духа литовскаго права, ни древнѣйшаго его источника (2)».

(1) Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслѣдов. Мацьёвскій. *Historja prawodawstw Słowiańskich*, т. 1, стр. 365.

При такомъ состояніи науки исторіи русскаго и польскаго права, мы вправѣ многого ожидать отъ тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обоихъ народовъ, будутъ пользоваться явленіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической оцѣнки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ аналогическихъ заключеній. Путь сличенія близкихъ между собою законодательствъ для юриста-историка тотъ-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбриологія и зоологія для физиологіи животной жизни.— Какъ филологъ и физиологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредѣлить, гдѣ оканчивается одинъ языкъ и гдѣ начинается другой, или гдѣ оканчивается жизнь растений и начинается животная, но имѣютъ постоянную задачу свою опредѣленіе качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можетъ указать всѣхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ достигъ бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предудредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, чѣмъ явленіями политической сферы. Созданный историческими изслѣдованіями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдѣляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дѣйствительный путь изслѣдованій юристовъ-историковъ.—Проявленіе въ этой формѣ народнаго начала указываетъ на то, что, при изслѣдованіи юридическаго быта народа, мы вправѣ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствѣ земли для объясненія закона и обычая другаго соплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цѣли—создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изслѣдованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляетъ изученіе юго-западной Руси, гдѣ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская национальности и гдѣ исторія считаетъ 4 столѣтія ихъ совмѣстнаго, болѣе или менѣе близкаго существованія. Въ юго-западной Руси, подъ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Речи-посполитой, по всей вѣроятности, въ законодательствѣ, а еще болѣе въ обычаяхъ, обозначались начала національныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытие ихъ въ наукѣ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можетъ, сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого рода на первомъ планѣ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть юридическій бытъ крестьянъ королевскихъ и помѣщичьихъ, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще долѣе удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта политическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подъ одну юридическую формулу со всѣми людьми *простого стану*, составлявшими противоположность привилегированнаго шляхетскаго сословія. Слѣдовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политическихъ отношеній въ Литовско-Польской Речи-посполитой.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни въ Польской, ни въ Русской литературѣ труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дѣлѣ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвѣстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не останавливались еще, сколько намъ извѣстно, съ полнымъ вниманіемъ на юридическомъ бытѣ юго-западной Руси. Что же касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изслѣдованіи, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсѣмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подъ державою Польской Речи-посполитой; еще тогда дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и мѣтное управленіе носило на себѣ отчасти польскій характеръ,—и потому мы имѣемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронѣ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политическаго образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Политика и др. Но когда были уничтожены нѣкоторые прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляемыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута—любопытность образованныхъ Малороссянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкѣ вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себѣ Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ послѣднее время стали чувствовать потребность сдѣлать юридическій бытъ юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Статья г. Мордовцова, помѣщенная въ III т. Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературѣ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходитъ, какъ мы впоследствии увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложеніемъ правъ крестьянъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человѣкомъ *простого стану* и *становъ шляхетскимъ* существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простого стану, навсегда теряла свое достояніе. Если шляхтичъ поселялся въ городѣ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человѣкомъ простого стану замѣчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго раздѣлились на крестьянъ коронныхъ и крестьянъ частныхъ владѣльцевъ; были также въ сословіи крестьянъ и люди вольные. Первые изъ нихъ жили на землѣ, принадлежащей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю поземельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ по-

явленіемъ. Земская полиція и все, что относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжёбныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, не имѣвшими права апелляціи, дѣлали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредѣленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и суду. Но читатель безъ сомнѣнія хотѣлъ бы знать, что такое были уряды, о которыхъ здѣсь говорится; было ли это тоже самое учрежденіе, что извѣстный, въ литовскомъ статутѣ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челѣ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случаѣ названіе уряда относится къ управленіямъ старостъ, тиуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имѣнія, и соединялась-ли, такимъ образомъ, въ лицѣ послѣднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною.—На это г. Мордовцовъ не даетъ отвѣта, и видитъ дурную сторону этихъ учрежденій въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имѣли права апелляціи. Пользовались ли крестьяне правомъ апелляціи, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимаютъ, т. е. правомъ перенести дѣло въ установленный срокъ изъ низшаго суда въ высшій для ревизіи постановленнаго приговора—мы не знаемъ, и очень вѣроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существованіе такихъ апелляцій; но въ уставѣ *о волокахъ* на *войтовъ*—должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ,—возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствѣ уряда (*абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не брагъ*). Изложенное въ этомъ уставѣ запрещеніе войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ,—подъ угрозою взысканія, въ противномъ случаѣ, пени въ казну рубля грошей, очень явно говоритъ о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послѣдніе усвоили себѣ привычку обращаться къ ихъ суду. Кромѣ того, намъ извѣстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особѣ, для разрѣшенія споровъ между *державцами* *крулевцизнъ* и *экономіи* и поселянами (*); слѣдовательно короннымъ крестьянамъ въ Польшѣ и Литвѣ не было закрытъ

(*) Herbarz, Нѣсецкаго.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имѣеть слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствѣ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіе въ ней всего народа или его представителей стояли на стражѣ правосудія,—и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ произошла перемѣна въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свѣтскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмѣстѣ съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденціи и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Западной Европѣ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали устанавливать законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрѣнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдѣлать юридической оцѣнки судебныхъ учреждений въ имѣніяхъ польской короны безъ опредѣленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Слѣды участія послѣднихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомнѣнны. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій, мало по малу съуживалось и наконецъ совсѣмъ было подавлено усилившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей вѣроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который былъ привязанъ къ своему обычаю и считалъ нарушеніемъ права ни чѣмъ неограниченную юрисдикцію своихъ господъ. Не говоря о драгоценныхъ въ этомъ отношеніи матеріалахъ, указанныхъ въ статьѣ профессора Иванішева, *объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ въ Юго-западной Руси*, мы можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, Шафонскаго (ч. 4, § 34). Авторъ говоритъ, «что въ мѣстечкахъ, за Польскаго владѣнія, отъ владѣльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мѣщанами называемыхъ, по волѣ владѣльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мѣстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мѣстечка прежде владѣльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячѣ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, изъ которыхъ видно, что замку Гадяцкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкѣ намѣстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадяцкимъ вонтомъ, всѣ дѣла жителей Гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселенъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, намѣстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали». Не обратитъ вниманія на это обстоятельство, по нашему мнѣнію, значить потерять юридическую почву, трактуя о предметѣ столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбляемыхъ насиліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источникъ вражды къ притѣснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ видѣть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое воззрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не имѣли права апелляціи, имѣеть какой то лѣтописный характеръ. Безъ сомнѣнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насилія лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцѣннѣйшемъ ихъ правѣ—жить какъ они привыкли, некому было жаловаться, если они взялись за оружіе, возложивъ упованіе на Господа Бога. Но война плохой критерій для оцѣнки всякихъ учреждений. Подобно пожару, она имѣеть то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жизни народа въ состояніи смѣшенія, а не такъ, какъ они были прежде. Стоя лицомъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣній страсти и стать выше точки зрѣнія той политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ. Даже писатели, исполненные возвышенной любви къ человѣчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни былъ его начинателемъ, призываютъ благословеніе Неба на оружіе одного лагеря и называютъ Богоотступниками и раздирателями отчизны тѣхъ сподвижниковъ внутренней войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лѣтописей, современники войнъ, не дали намъ вѣрныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ ихъ сказаній совершенно не уместенъ тамъ, гдѣ требуется анализъ фактовъ.

Окончивъ изложеніе правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обширнѣйшую и разнообразнѣйшую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можно сказать, со всѣмъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здѣсь авторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ *Памятниковъ* Кіевской Коммиссіи, т. е. *уставомъ о волокахъ* короля Сигизмунда Августа, инвентарями помѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ городскихъ книгахъ.

Существенные выводы, дѣлаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, слѣдующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней—такъ называемой *толоки*. Произволь въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *масть быти на бачности владу и ревизоровъ нашихъ*. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частію падало, хотя нѣсколько косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ платы натурою, были поборы въ казну и деньгами. Сумма всѣхъ повинностей крестьянскихъ не велика,—если станемъ ее мѣрять по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжело татарскаго наѣга и только не тяжело развѣ одного аренднаго состоянія. — Обозрѣвъ затѣмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поселенина выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 хозяйствъ причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ—47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, не имѣвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было объединеніе крестьянъ. И притомъ положеніе ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтоженіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютовщины, подымовщины и проч. налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоилъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ малорускаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи, считалось хорошею цѣною заплатить за добраго вола 2 или 2 $\frac{1}{2}$ руб. сер., за мужицкіе сани—грошъ или полтора, за четверикъ ржи—тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неизмовѣрно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко. Но ужаснѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычай отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себѣ всякіе доходы, судить и раять бояръ *путныхъ*, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пеней и смертію».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселянинъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствѣ религіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго само-сохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредѣленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіемъ цѣны ихъ повинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, и сравненіемъ съ цѣнами теперь существующими. Ошибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измѣненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украинѣ повинности были легче, чѣмъ на Волыни (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благоприятствовали, по всей

(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. II, акты изъ собранія Руликовскаго, стр. 331.

вѣроятности, изобиліе земли, частые набѣги татаръ и свободный духъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тѣмъ, авторъ, дѣлая общія заключенія о положеніи крестьянъ юго-западной Руси, пользовался актами, относящимися только до имѣній, находящихся на Вольшѣ. Во вторыхъ—начало цѣнности, взятое въ отдѣльности, односторонне и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя дѣйствительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримѣръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и помѣщичьихъ, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между тѣмъ, изъ инвентаря имѣнія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имѣніи, имѣли 46 лошадей и 95 штукъ воловъ, или, въ селѣ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосѣдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношеніе тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояніи земледѣлія въ Малороссіи, слѣдуетъ считать удовлетворительными. Въ этомъ убѣждаютъ насъ официальные свѣдѣнія, доставленныя въ послѣднее время помѣщикамъ, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пѣшихъ крестьянъ къ тяглымъ 73 : 100. Въ той же Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имѣется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычестъ изъ этого числа коровъ и малолѣтковъ неспособныхъ къ работѣ, то можетъ быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губерніи можетъ обрабатывать землю своимъ скотомъ.

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерніи осталось не одно чувство животнаго само-сохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является человѣкомъ правственнымъ, съ человѣческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цѣнности само по себѣ недостаточно для опредѣленія даже и экономическихъ явленій народной жизни: нельзя отбивать даровыхъ силъ природы, и трудно дѣлать какія либо предположенія о

цѣнѣ тѣхъ вещественныхъ богатствъ страны, которыми пользуется человѣкъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, независимо отъ цѣнности вещей, имѣеть важное значеніе способъ распредѣленія богатства. Еще менѣе понятіе цѣнности можетъ удовлетворить юриста. Цѣнность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращеніи. Кромѣ цѣнности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредѣленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, оно не дозволяетъ незаконному владѣльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цѣнности этого имущества; но предписываетъ возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состояніи. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оцѣнки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ къ вещамъ, всѣ законодательства признають что-то непосредственное, и въ нашихъ правахъ—внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушеніе всякаго права удручаетъ насъ не одними послѣдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить замѣною отнимаемаго равноцѣнными вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святилище нашего юридическаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторіи человѣческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извѣстной суммѣ находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цѣнностей, и коль скоро-насиліе доводитъ ихъ матеріальный достатокъ до извѣстнаго предѣла, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—и они возмущаются. Такая мѣрка состоятельности гражданъ нигдѣ не существуетъ ни въ дѣйствительности, ни въ отвлеченіи. Извѣстная сумма цѣнностей можетъ показаться необразованному поселянину достаточнымъ фондомъ его безбѣднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человѣка съ развитыми потребностями, то въ душѣ его не останется ни одного мѣста, не пораженнаго чувствомъ лишенія, которое болѣе слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чѣмъ выше благосостояніе человѣка, чѣмъ болѣе въ немъ обра-

зованности и энергіи, тѣмъ живѣе чувствуется имъ матеріальное лишение и тѣмъ сильнѣе оскорбляется нарушенное право. Человѣкъ, матеріально-духовное существо, переносить въ міръ матерій свое субъективное бытіе и цѣнить въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своимъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замѣчается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, тоже самое имѣетъ примѣненіе и къ цѣлымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ вѣка дававшій деспотизмъ постоянно препятствовалъ развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпѣливѣе переносятъ лишения, чѣмъ жители Европы, поставившей задачей своей исторіи эманципацію личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствѣ народа и его цѣнности видитъ одно относительное значеніе, и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи обусловливается прежде всего ея потребностями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикѣ Европейскихъ государствъ, извѣстенъ, какъ примѣненіе этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носятъ въ себѣ условія прочности, и долѣе сохраняются, несмотря на превратности исторической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь къ крестьянамъ юго-западной Руси XVI столѣтія, мы можемъ сказать, что народъ этотъ терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишения. Терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ—арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидѣтельствами современниковъ, *думами* и преданіями народа и, наконецъ, тѣми актами Кіевской Коммиссіи, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрѣлъ народъ на эти притѣсненія, какія права свои онъ считалъ нарушенными, какъ хотѣлъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвѣчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цѣны, не взявъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммисіи, не имѣютъ ни юридическаго характера, — потому что въ нихъ нѣтъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго — потому что въ исторіи предполагается движеніе; а изъ всѣхъ выводовъ автора соотвѣтствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимися у него цифрами, какъ примѣрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой статьѣ г. Мордовцова, нѣтъ ничего и политико-экономическаго, потому что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законѣ развитія народнаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселянина XVI в. не оставалось ничего, кромѣ чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолвкой: много значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей статьѣ пѣсни и думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство человѣческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторіи, обратившей Южно-русскій народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледѣлецъ, наравнѣ съ просвѣщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключеніе скажемъ о статьѣ г. Мордовцова, что радуемся появленію ея, какъ доказательству любознательности просвѣщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русскаго жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлеченіе изъ актовъ Кіевской Коммисіи, которое познакомитъ многихъ читателей съ этимъ драгоценнымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нѣтъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формѣ притѣснительнаго закона, то въ видѣ произвола пана и жидо-арендатора, но не нисходитъ къ самому народу съ его правами, мыслями и желаніями, взлелѣянными нравами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ *заключеніяхъ*, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мнѣнію, къ всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Киевской Комиссіи и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себѣ ничего не говорятъ, или, пожалуй, говорятъ новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота летописца Величка: «Тотъ годъ на лѣтерѣ добръ течение свое отправовати начавій, долженъ былъ отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіе; еднакъ добра не было». Дѣйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столѣтіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помѣшало ему осуществиться.

А. П.кій.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

I.

Много лѣтъ тому назадъ, *Тарасъ Григорьевичъ Шевченко* началъ издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «*Живописная Украина*». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я рѣшился назвать свое изданіе тѣмъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служитъ какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначеніе своего альбома подробнѣе, чѣмъ въ объявленіи. Цѣль моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной фізіономіей Украинскаго народа, со всею обстановкой его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, рѣзбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что составляетъ жизнь Малороссіи, найдетъ мѣсто въ моемъ альбомѣ. Ежели число подписчиковъ увеличить мои настоящія средства, то я расширю размѣръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотѣлъ издавать въ краскахъ все, что имѣетъ интересъ красокъ, также выкройки одежды и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мѣстной особенности, но сдѣланныхъ Малороссами.

Еще разъ прошу каждаго, имѣющаго что-либо снятое съ природы, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мнѣ, для помѣщенія въ альбомъ, прилагая только подробное описаніе того, что сдѣлано, кѣмъ сдѣлано и когда. Все будетъ возвращено мною, по минованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному мнѣ ѣздить по Малороссіи и дѣлать за-

мѣтки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ былия впечатлѣнія, какъ справочные листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдѣ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потерялъ три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переездахъ и перемѣнѣ квартиръ—это неизбежно. Потерявъ эти—для меня—драгоценности, я еще болѣе оцѣнилъ ихъ; утрата была невозвратимая, и тогда я еще упорнѣе захотѣлъ подѣлиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живѣе чувствую необходимость спасать трудъ cadaго.

Мнѣ очень жаль, что размѣръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія искусства, и едвали не менѣе такихъ, которые поняли-бы и вопли оцѣнили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слѣпымъ благоговѣніемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на марање, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ имъ никакой цѣны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мѣшаетъ разумѣнію искусства; слѣдить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцѣнки своей большаго знанія, тогда—какъ очеркъ часто доступенъ и не специалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нѣсколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе эскиза и неконченнаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что будетъ дѣлать художникъ далѣе, будетъ имѣть, конечно, свою цѣну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и рѣдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатлѣніе и свѣжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что можетъ дать, и что долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неконченныя, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотливой обработкѣ, а тамъ, гдѣ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далѣе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгораетъ на эскизѣ; эскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одинъ съ

каждой чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаеть свое произведе-
 деніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще
 такого рода очерки, которые *должны навсегда остаться очер-*
ками; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изо-
 бражающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть
 преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно,
 а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я бе-
 регъ эту неконченность....

Поѣздки художниковъ по Россіи случаются рѣдко, да притомъ,
 поѣздки съ художественной цѣлью затруднительны ⁽¹⁾; а потому за-
 мѣтки художниковъ тѣмъ дороже.

Теперь перейду къ объясненію рисунковъ 1-го выпуска.

Форма *дверей* (изъ двора въ сѣни), изображенная на заглавномъ
 листѣ, не знакомая многимъ въ Черниговской губерніи, очень извѣ-
 стна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подъ № 1, изображаетъ *Козачій судъ въ Черно-*
морьи; рисоваль съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же
 и награвировалъ его теперь. Нагѣво сундукъ, — это казна; возлѣ
 ней—козакъ на сторожѣ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссіи,
 очень часто выбираются, для переписки бумагъ, мальчики, чтобъ не
 понимали дѣлъ и не сплетничали, — черта весьма практическая.
 На Черноморьи также пишетъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень
 жаль, что художникъ не могъ разсказать намъ подробностей,—это бы-
 ло такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани-

(1) Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказѣ комен-
 дантомъ крѣпости, который заставилъ его рисовать *при себѣ* и затѣмъ уже
 отпустилъ его. Въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ крѣ-
 пости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. О. Тиммъ былъ арестованъ
 въ Землѣ Войска Донскаго. И такихъ примѣровъ очень много; почти ни од-
 ному художнику не обошелся его рисунокъ съ натуры безъ неприятности.
 Я былъ остановленъ, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ
 чиновникомъ, и только послѣ крупнаго объясненія съ городничимъ, выѣхалъ
 свободно изъ города. Въ 1854 г., въ хуторѣ Зарогѣ Полтавской губ., Лубен-
 скаго уѣзда, мнѣ даже грозила большая неприятность. Меня огласили турец-
 кимъ шпиономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпалъ что-то въ воду
 бабѣ, которая послѣ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы
 одинокъ видѣлъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотѣ-
 ли связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я былъ избавленъ П. А. Ку-
 лишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисараѣ, я былъ остановленъ какимъ-то майоромъ
 и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цѣ онъ рисоваль: въ Темшбекской, Прочномъ—Окопѣ, или Баталь-Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который ѣздилъ много по Малороссіи съ цѣлю изучить ее и собираль матеріалъ чрезвычайно добросовѣстно. Рисунокъ этотъ снятъ съ натуры въ селѣ Еремѣвкѣ (Полтавск. губ. Золотоношскаго уѣзда), и представляетъ «*дивчину въ дрибушкахъ*». Ленты разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ *корали*, образки, *миллани*—медали, которыя еще попадаются; *свитка* бѣлая, суконная.

№ III,—гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдѣланнаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селѣ Еремѣвкѣ. Онъ представляетъ «*бабусю въ намиткѣ*». Свита тоже бѣлая, суконная. Село Еремѣвка—одно изъ тѣхъ, которыя сохранили въ себѣ старину.

Считаю долгомъ благодарить *И. И. Соколова* за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также *А. Е. Бейдемана*, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданіи; *О. П. Челмиссу*, *Л. Ф. Латорю* и *П. А. Кулиша*, доставившихъ мнѣ свои рисунки; *Ю. В. Толстаго*, доставившаго мнѣ два рисунка Штернберга и *А. Ф. Чернышева*, общавшаго дать рисунки, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малороссію.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ЗАМѢТКА О НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ 4-мъ № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», въ отчетѣ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Вѣну, напечатано слѣдующее разсужденіе о южно-русскомъ литературномъ языкѣ: «они (Галичане) имѣютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ нарѣчій, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ все отгѣнки и тоны народнаго говора».

Это странное мнѣніе автора «Современной Лѣтописи» удивляетъ насъ своею неопредѣленностію, неизвѣстностію началъ литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, съ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволитъ къ тому южно-русскому языку, которымъ пишутъ украинскіе писатели, и симпатизируетъ галицкимъ литераторамъ за то, что они *не передразниваютъ* народнаго говора,—какъ это дѣлаютъ первые. Передразнивать же народный говоръ, если мы не ошибаемся, значитъ писать на языкѣ, похожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ въ изустной рѣчи народа, пли, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни-

ваніе народнаго говора въ особенности—забава празднаго воображенія, пріятная развѣ тому, кто передразниваетъ, но, безъ сомнѣнія, неу- мѣтная въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ литература, гдѣ удоволь- ствіе и польза обѣихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услу- ги, составляютъ условіе *sine qua non*... Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находятъ ли читате- лей уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслѣдуются ли они критикою—вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лѣтописи оставляетъ въ сторонѣ, и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрѣнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ на- роднаго говора даже и тѣ произведенія украинской литературы, ко- торыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пѣсни, пере- жившія въ его памяти сотни лѣтъ. Произведенія эти, народныя по содержанію и по формѣ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохо- жимъ на литературный языкъ великорусскихъ писателей, и, вѣроят- но, не имѣли бы такого успѣха въ украинскомъ народѣ, если бы были писаны языкомъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературѣ, Бѣлинскій характеризовалъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятель- ство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, зна- чить не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искусственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательны- ми соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Ев- ропы;—и явилось у насъ заморское нововведеніе. Ее понимали какъ искусство слагать вирши на разные торжественные случаи...» «Пѣ- снопѣвческій» и «воспѣвательный» взглядъ на поэзію созданъ не на- шими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей про- свѣщенной Европѣ. Всеобщю извѣстностію тогда пользовались толь- ко древнія литературы... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклас- сиковъ, должна была воспѣвать какое-нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа, и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мѣтнаго колорита, при-

водиться въ движеніе сверхъ-естественными силами, выражаться напыщенно и безцвѣтно, — чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подъ чужую форму и тѣмъ болѣе подъ чужую жизнь. Вотъ происхождение риторической поэзіи. Основаніе ея — отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская поэзія до Бѣлинскаго и послѣ него въ своемъ стремленіи сдѣлаться народною, и какъ бы много языкъ ея ни принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной рѣчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рѣчи, — еще и теперь очень явственно даетъ себя замѣтить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкѣ. — Перифразируя, такимъ образомъ, взглядъ Бѣлинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискѣ мысль даровитаго критика въ свое время имѣла все условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и рѣзкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубѣжденіями; но теперь она за-частую высказывается повѣйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примѣнить общій взглядъ къ отдѣльнымъ явленіямъ литературы, или не узнаемъ ее тамъ, гдѣ она говоритъ о себѣ самимъ дѣломъ, хоть бы, напримѣръ, такимъ, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинѣ.

Авторъ «Современной Лѣтописи», находя въ языкѣ литературныхъ произведеній галицкихъ Русиновъ болѣе сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чѣмъ въ языкѣ украинскихъ литераторовъ, не остановился ни на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ послѣднихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвинуть его — обратить вниманіе на внутреннее содержаніе литературныхъ произведеній, и вникнуть по глубже въ характеръ и особенности литературной дѣятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Лѣтописи» не захотѣлъ, или не считалъ нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатѣ его словъ какъ бы скрывается совѣтъ украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подъ-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

возможность представить образцы литературного вкуса галицких писателей, и предоставить самим читателям оценку отзыва Современной Лѣтописи о ихъ языкѣ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположеніе въ епископы Курь Сивридіона Литвиновича съ эпитафюмъ изъ русской лѣтописи: «И бысть великое веселіе и велия слава Руси нареци толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градѣ Австрійской Державы,
Въ церкви, гдѣ Бога Русь наша хвалить,
Восходитъ намъ въ міръ мужъ ума, славы,
Отчины сладость, украса и щить.

Владыча митра, що свѣжими краски
Блестить на свѣтлой его голвѣ,
Сплетена зъ Божой и Царской ласки
Во мзду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведеніи этомъ нѣтъ ни «пою», ни обращенія «къ музамъ», и эпитафюмъ, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуетъ, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанію, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй подалѣ.

Другую выписку дѣлаемъ изъ стихотворенія: »Бѣ на село.«

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офеліи:
Иди, прекрасна, въ монастырь!
Иди, и скройсь въ самотной кельи,
Не возмущай собою міръ!

Такъ я, въ волненіи любви,
Склонивши жаркое чело,
Прошу тебе все темижъ словы:
Бѣ на село! Бѣ на село!

Бѣ на село! у насъ тутъ въ мѣстѣ
Саміи ложнии цвѣты;
Ихъ барва, воня, сокъ и листѣ
Отраву суть честноты.

Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Бѣ, чѣмъ скорѣйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутствіи живыхъ и выразительныхъ красокъ, не только не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не находятъ себѣ ничего подобнаго въ кругу поэтическихъ твореній великорусскихъ авторовъ новѣйшаго времени. Вообще въ произведеніяхъ галицкихъ писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ народа, и писать народно по содержанію,—отодвинуто на второй планъ, и потому въ прозѣ у нихъ мы встрѣчаемъ выраженія очевидно не народной конструкціи, въ родѣ такого: »Солнце приглядалося въ полыскаючомъся желтѣзѣ и разносило отблескъ по лѣтѣ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанныхъ въ Сборникѣ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чѣмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидѣтельствуетъ только объ удаленіи галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугѣ галицкихъ писателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не имѣютъ, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новѣйшимъ и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-классической школы прошлаго столѣтія.

Неестественность и натянутасть червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимаютъ нѣкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникѣ отзыва объ украинскомъ литературномъ языкѣ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обозрѣнія обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ ихъ странѣ, имѣетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которыя неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орляныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замѣчаемые въ языкѣ галицкихъ писателей, находятъ, думаемъ, отчасти свое оправданіе въ особенныхъ отношеніяхъ русской литературы въ Галиціи къ нѣмецкой и польской и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаніемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ крайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодѣ,

урожаѣ, болѣзни скота, о политикѣ, наукахъ и искусствахъ, они не всегда находятъ для себя удобнымъ выскидывать употребляемыя въ народномъ говорѣ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вмѣсто того, кое-какъ заимствуютъ чужія готовые формы, или предпочитаютъ имъ свои наскоро-составленныя quasi-народныя изрѣченія. На украинскіхъ авторахъ не лежитъ столь трудная задача, и потому средства ихъ не носятъ на себѣ характера такой экстренности, какая замѣчается въ произведеніяхъ галицкихъ писателей. Украинскіе авторы, кромѣ, конечно, немногихъ исключеній, которыя дѣятельно преслѣдуются критикою, не дѣлаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нѣтъ надобности въ произвольномъ обращеніи съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкѣ великорусскихъ авторовъ, языкѣ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имѣетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, украинскіхъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего больше желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдетъ украинская литература въ этомъ направленіи, и на долго ли она сохранитъ свой языкъ отъ вліяній, способныхъ сдѣлать его чужимъ для народа—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякомъ случаѣ, украинская литература, съ нынѣшнимъ ея направленіемъ, составляетъ замѣчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явленіе чисто-народное, и имѣетъ полное право на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движеніи, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужно забывать, что полуграмотный и совсѣмъ неграмотный народъ имѣетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренней міръ не представляетъ собою такого матеріала, на которомъ его учителя могутъ записывать что имъ захочется—какъ на доскѣ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человѣка тѣ чувстваванія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міро-

созерцаіе. Народное остроуміе, въ названіи вещей, любитъ соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходными. Таково, напр., по объясненію г. Кулиша, слово *сіромаха*, (названіе бѣдняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сѣрую одежду и скитальческую жизнь сѣраго волка (сіроманца). Забѣните это слово соответствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — и оно не воспроизведетъ въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извѣстно — творчество и внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всею разнообразіемъ и богатствомъ его содержания, есть его созданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступилъ на поприще исторической жизни. Смотри по ходу событій, народная рѣчь воспринимаетъ больше или меньше чуждыхъ словъ; но все такія прибавки количественно ничтожны въ сравненіи съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Смѣняются событія вѣйшей исторіи и явленія внутренней жизни: на горахъ, гдѣ гнѣздились разбойники, устраиваются великолѣпные города; пустыни обращаются въ великолѣпныя пажити; сосѣднія племена, вносившія въ страну ужасъ и опустошеніе, мирными сношеніями своими способствуютъ развитію народнаго богатства, процвѣтанію наукъ и искусствъ; сосѣди-враги дѣлаются союзниками; племена, составлявшія прежде отдѣльные политическіе союзы, соединяются подъ одну власть, и, наоборотъ — соединенные прежде-отдѣляются. Одни внутреннія учрежденія замѣняются другими. Сообразно съ этою смѣною явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тѣмъ же, измѣняется со стороны внутренняго значенія и формы. Измѣняются понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово народнаго языка, имѣвшее прежде одно значеніе, получаетъ въ послѣдствіи другое. Прослѣдивъ видоизмѣненія понятій, которыя народъ соединялъ съ словами отъ начала своей исторіи до послѣдней минуты, мы узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаіе. Объясните затѣмъ, почему народъ одни понятія выражалъ только такими, а другія — иными словами, и въ чемъ именно состоитъ отличіе его, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ народовъ: — тогда вамъ представится фізіономія народа и его исторія въ смыслѣ прагматическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ настоящемъ говорѣ народа,

естественно вызываетъ то понятіе его, которое народный умъ соединялъ съ нимъ прежде, если только память о первоначальномъ предметѣ, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примѣра слово: «поданный». Теперь оно означаетъ отношеніе къ верховной власти; но прежде поданнымъ назывался крѣпостной чело­вѣкъ, крестьянинъ. Употребите это слово въ бесѣдѣ съ Украинцемъ — и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пѣснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ надворными хоруговцами, съ губернаторами (управителями), съ данями, охотами и проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинѣ, слово «плѣнникъ», вмѣсто *невольникъ*, *бранецъ*, *бранка*: — это слово, конечно, вызоветъ, въ вашемъ слушателѣ, воспоминаніе отряда плѣнниковъ, проходившаго безмолвно, во время послѣдней войны, съ нѣсколькими солдатами чрезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видѣть; но не такъ легко его памяти перейти къ тому, что сохранилось въ сокровищницѣ изустнаго слова о невольникахъ и бранцахъ. Между тѣмъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дѣлались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольничьихъ пѣсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгѣ, и вмѣстѣ возношенія къ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украинцу плѣнника — *невольникомъ* — и вы вызовете въ его душѣ многіе образы невольниковъ, созданныя народною музою; его созерцаніе будетъ дѣятельнѣе и богаче, а благотворное дыханіе поэзіи ему подскажетъ любовное обращеніе къ жертвамъ несчастія.

Однимъ словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношеніе съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственныя и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если жѣ мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкѣ, несовсѣмъ ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкѣ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературѣ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то намъ придется многое объяснять неграмотному прѣстолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себѣ понятія, которыя соединяетъ литературное употребленіе съ такими или иными словами русской рѣчи, — чтобы овладѣть несовсѣмъ понятнымъ ему меха

погда
или

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукѣ связь съ міросозерцаціемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, или, выражаясь образнѣе, мы, стоя на горѣ, толкаемъ его внизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить то явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тѣми, кому судьба дала возможность посвятить наукѣ нѣсколько лѣтъ жизни, и какъ бы совершенно не существуютъ для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ неприсотливыхъ уметвенныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимаютъ за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всѣми, кто только кое-какъ овладѣлъ способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дѣло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болѣе или менѣе значительное отлічіе малорусскаго и великорусскаго нарѣчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П.....кій.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Високоповажнимъ: О-т-н-ч-с-к-у,—М-му В-р-въ и І. Ч-ри-скому, въ Кишиневъ,—О. К-цову, въ Таганрогъ,—П-ну—М-чу Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, Н. Т-х-р-скому, А. З-му К-п-к-му, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-му Ал-чу М-л-ш-ку, въ Киевъ,—В. Д-б-к-му, въ Сосницю,—Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежскую,—А-ру А-чу Ост-н-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ,—В-ю С. М-въ, въ Харьковъ,—А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскъ,—В. М-с-л-ю, въ Казань,—и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу,—и для кожного народу нема скарбу дорогошого надъ ёго рідне слово... Отъ же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Українське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, виступить у чужій одежі,—бо вже забували рідню мову люде письменні, що брали ключъ розуміння и звались отцями и руководниками народу.— Да якъ у давні роки простий людь нашъ судьбу України на своїхъ плечахъ виносивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ свое рідне слово, и—дяки нашому народові—пережило воно віки, пережило и тихъ письменнихъ, у котрихъ заснула народня душа, котрі, своїмъ невеличкимъ розумомъ, давно вже материну мову въ могилу положили и каменемъ приваляли. Не розуміли й сторонні, а де—які й наші, письменники, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, изновъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне й сталося зъ нашею рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрошей не переслухала одъ своїхъ и чужіхъ людей—що бачать ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачать... Отъже, не загубила її ни холодна розсудливість, ни лиха година: »незагнула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі«... »Зрадні ваша рада«, одказали ми тимъ письменамъ; що насъ на свій—да позичений—ладъ на-вертали:» у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не цурайтесь «(мовлявъ Тарастъ)» того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла«...
«...Бо хто матіръ забуває,
Того Богъ карає,
Того люде цураютця—
Въ хату не пускають—
Свої люде якъ чужні—
И немає злomu
На всій землі безконечній
Веселого дому!...«

Прозріли теперъ всі ми,—домислились и дознались, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого двору ніхто дороги не покаже—на виступці не попросить. «Лучче своє латане, ніжъ чужее хватане,—лучче своє лохматне, ніжъ чужее прохатне«, думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думаємо.

На оповідку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінцівъ України, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморіи и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ іншихъ сторінъ,—хто на що змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привіть и дяку одъ щирого серця, відповідаемъ вамъ зъ такою щиростю и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здастца, а ви насъ за те своєю радою зарадите: коли дѣ треба—навчіть, поправте—и діло наше піде веселішъ, и дружнішъ и краще.

Наша Українська мова, якъ и самі, здорові, знаєте, має въ собі велику вагу и силу, все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимої семі, котра зъ давніхъ—давентъ жила и живе на нашій Україні широкій, — все одзначилося въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глибѣ его світятця, зъ яєнимъ місяцемъ и палочимъ сонцемъ, зъ горами, стенами й лісами; радість и

туга невисипуца; кохання щире и проклінъ; воля широка й темниця глибока,—голосъ неустаний великої душі народної, що все життя своє довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по чий-небудь единичній волі вилетіло зъ устъ та й стужавіло, и стало въ рядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дійшло свого права. Трапляється нагледить у книжкахъ яке небудь наново стулене слово, — отъже й змічаешъ—інше й не пішло далі: якъ послідъ, зогнала ёго мітла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидка справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ взростись новому слову зъ живою мовою! А зъ сього кожному буде розумно, що всяке слово має своє непомилне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумівъ усю красу, всю тонину и глибину Української мови, и полипсь изъ струнъ міцної лири ёго не слова, здалося намъ, а чисті слези чистої душі народної. Бажається и намъ іти слідомъ народнього великого чоловіка. Досёго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці ширихъ земляківъ нашихъ—въ іншій и не догляжено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаємо провóдити дорогу гостю тісними дверима, якъ и зпершу въ «Основі» сказано; нехай коженъ добрий чоловікъ пише якъ уподобавъ и змалку наслухався; тільки треба щільної уваги—чи такъ же якъ-разъ веде народъ річъ въ тімъ случаі, який хочемо оповістити. Не для кожного одразу здвинётся камінь, що кривъ ціли віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снігомъ, зосталося зелененьке и свіже. Мовчало воно, якъ дитина—сирітка, що сидить собі де-небудь підъ тиномъ, да погляда на людей, лёдвє ваучись до їхъ обізватись. Чужі діти гуляють, красуютьця, а нашу сирітку тільки сонечко гріє, та дощикъ обмиває,— и нема до ёго діла нікому. А приголубъ ёго, обізвись до ёго, якъ матінка,—воно такъ на тебе гляне, що ажъ на душі у тебе вияснитця, и вгледишъ ти рай у тімъ погляді. — Оттакъ-то и мова наша затурнана—не гляне вона на тебе до-ладу, поки не покохаешъ її, поки вона тобі віри не пойме: тогді тільки кожна думка наша обявитця тімъ самимъ словомъ, що живе для неї межі народомъ. А то—найшли ми, у присилкахъ, и думъ доволі хорошихъ и щирості багато, да якъ би, кажу, прибрать їхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати дочку виряджає у празникъ—у білу сорочечку, у плахотку, та й иде вона, якъ струночка. О, кожна мова у світі любить сее, щобъ її по своєму оденуть, чи московська—въ сарафанъ, чи німецька—у плаття. Ягъ станешъ убрать

звичайненько, дівисяся—кожна мисль, коженъ віршикъ, заразъ и ви-ясняття, и заговорять по своєму; и вже твої думки не грають мовъ же у тісної баби—рядочкомъ усі посідають, якъ того треба.

Нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжолѣ Божа, випивъ пайграшу росу ізъ квітокъ нашої мови, бо покохавъ її, покохавъ той людъ, котрий вилить всі свої думки та гідки, все своє серденько, тією мовою. Безъ любові одна міць его *таланту* не помогла-бъ ему; нічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумомъ; а то читаешъ — не одірвесся одъ ёго речі, якъ въ жнива одъ крипичини: чуєття, віриття, що такъ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоловікъ, якъ у его малюнку знято.

Не можна тежъ запевнять, що и въ такихъ людей, якъ М. Вовчокъ, не різнить дещо зъ народнєю мовою. Не легка річъ змогти сее. Ми попередили свою мову розвиваючись на іншихъ поляхъ, и вискочивши на гору часомъ недочуваемо гараздъ, що вона до насъ, голубка, промовляє. Протежъ радісно намъ слухать її чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъуміємо. Не лёгко, кажу, не помилитись, щобъ кожне слово було постановлено якъ-разъ тії ціни, якої потрібно для мислі: одъ сёго замочка справній ключикъ и въ старшихъ словесностяхъ не всякому дався, а у нашихъ початкахъ и геть-то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово занесено на папиръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано зъ усіхъ боківъ,—часомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рідний. А ми, кажу, письменні, схожі на чоловіка, що ввійде у чужу громаду, да поки розбере що до чо́го, — кличе Івана замісь Степана. У золоту обручку часомъ устави́мо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити... У поважній мові, дивися, стоїть слово, якъ п'яний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосне, де треба гладенького, та тихенького. — Правдивий батько, — жалібникъ нашої мови, покійничокъ,—земля надъ нимъ перомъ!—літаючи високо у синій далечині, щобъ придивитьця до зірокъ, почувався іноді, що нема тії струни, якої ёму треба; може була, да порвалася и затоптана за довгі часи. Отъже було понішпорить по святому пісьмі, або по іншихъ дrevнихъ нашихъ книжкахъ, да витягне відтіл, озираючись, словечко, вставить его, злёгка, у свою річъ, да обгорне своїмъ щирцёмъ добірнимъ,—то мовъ воно тамъ и вродилось,—зросло, и не пізнаешъ его: одинъ цвітъ и пахъ у всему пучечку. Намістникъ Шевченка, Марко Вовчокъ, ізрісь далеко одъ батька у чужій науді, а перелетівъ — таки

чужі гóри — порвавъ усі пута, — не стомились міцні крила у молодого орляти — и спавъ вінъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої души народнєї. Спасибі незліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвітъ немаленький, ёго крила широкі, — нестасе ему всіх пірь до лєту, якого бажає. Однакъ, чимъ бiльшъ уваги буде до мóви, чимъ бiльшъ їй шаноби, щобъ, гнучи, дє не надломить, — тимъ незмірєнно бiльше буде и доброго діла нашого для України. Марко Вовчокъ—наша надія—все зможе. Горе, якъ хто зъ гордою думкою, а не зъ щиростью, да коханнямъ до люду Божого, приступає до рідного слова, та й почне ёго калічить... А якъ нанустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річъ їй и змарніти: якъ горóдина молоденька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало прикладу на се по світу? Хоть и въ нашій хаті, щó поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Або й Москва—чи скоро збулась надимання своєї словесности—«се росска Флакка зрака»? Насилу такі люде, якъ Пушкінъ, повимітали ту полову лавровими віниками, и начерпали живого слóва зъ живого люду. Отъже, вважаємо, й у насъ се въ іншихъ письмахъ вкидаєтца; може й одъ щирості,—даханаючись черезъ силу, щобъ не ввирвать. Найкраще—пóвагомъ; и косарь, якъ, знай, маха руками, та роскидá очима: «а щó», мовъ, «чи й не косаріжъ ми!» то не вробить за тогó, що коса тільки—ше - лє-сть! ше-лє-сть! — підъ сáмий корінець бере: оттуть и зиску ждаты, — все вибере при землі,—ні половнішинку, ні чебрецю пахучого не зоставить.

Інші думають, що у тому глиніщі нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало зживу? Бiльшъ може, а коли не бiльшъ, то стiльки жъ, якъ и де инде, — да, бачте, безъ труда ні щó не даєтца. Народню мову не жартъ осягнуть усю въ її обширі, — та нехай тільки добрі, та щирі, пахарі зъ увагою берутьца за діло и розгоняють ширше и ширше цдлину віковичню. Будемо припадаты ухомъ до самихъ борозень, до голосу того, що зъ самої землі підіймаєтца и въ якому строю йде, бо чи візьмешъ низче, чи вишче, вже й чути: дзизчить твое слово есою въ усі, и не озветца воно луною по Дніпровихъ скеляхъ, по широкихъ степахъ и лугахъ,—не зростяся щирими слєзами, якъ рідна, живуча, давня, якъ світъ, а усе свiжкая пісня.

Що отсе заразъ ми завважили, найбільшъ припадає до присланихъ намъ віршівъ: увъ однихъ видно, що дє-хто, взявшись за перо,

не тільки-що нового нічого межъ нашимъ людомъ, зъ устъ ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літъ якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі *світъ за-очима* и мусивъ звернуть зъ простого народнёго шляху туди, куди й не треба, або, зновъ, замісь своєї, ступивъ на чужу тропу и переспіває думки чи народні, чи вже проспівані кімъ-другимъ.

Кохані земляки, посилаючи въ *Основу* свою первинку, найбільшъ на насъ здаютьця: аби, кажуть, нашъ візь у ладь котився—додаваймо рукъ: хто обома, хто—однією, а хто й пучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, випишемо по гарній частині зъ дѣ-якихъ віршівъ, котрі не підійшли підъ нашу програму: нехай разомъ зъ нами полюбують на нихъ и другі читателі:

I.

Світій каганчикъ—не лучину...

Той—ніточку, а пасмо—другий,

Робота й вийде для почину...

И я на старості візьмусь

Хочъ вагъ... щобъ и сво́го додати,—

Бо въ спражні пряхи не гожусь:—

Аби крутіть, аби не спати.

(А. Е. Звенигородський).

II.

Дѣ ти, доле, дѣ ти, доле?

Чи ти въ лісі, чи ти въ полі?

Чи недужа підъ копою

Притулилась самотію?

Чи по сѣлахъ тинялася?

Чи у морі купасяся?

Чи на Дону зъ чумаками,

Чи въ будинкахъ межъ панами,

Чи съ хлопцятками у школі,—

Скажи мені моя доле?...

Було, 'тсе сіду у садку—

Підъ лицюю въ вечірню дору,

И пильно, пильно все дивлюсь

Якъ пішно сіють въ небі зорі;

А тамъ, дивись, волосожаръ,

Ниначе пава похожає...

А тамъ їх скільки! Боже мій!

Нехай хто злічить—угадає...

(Зъ меньшихъ вішівъ А. Я. Конського).

III.

И бачу я тоді широче сіне море—

Клекоче глибині и стогне и реве,

И хвилі пінаві збігаютьця якъ гори,—

И гурть човнівъ по морі тимъ плыве;

И дружно козаки на весла налгують,

И кожний піну бє и кожний хвілю рве...

Лютє, стогне море, зъ реберъ їх скидає,

И піною, скаже не мовъ, імъ очі забиває—

Я чую голосъ їхъ... я бачу—потопають!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Козаче—небоже, чого ти сумуєшь?

Чого ти частенько и тяжко здихаєшь?

Чи жінка недужа, чи, може, горюєшь

Що дітки помєрли? худоби немаєшь?—

— И жінка здорова и дітки живєнькі,

Въ господі и въ скриняхъ худоби доволі,

И вивці ведутьця, и коні гарнєнькі,

Все маю—да тільки не маю я волі!

Нужуся—хоть часомъ хотівъ би сміятьця,—

Забавить дитину, якъ бідне заплаче,—

Такъ дєжъ тамъ! насуплюсь, що й діти боятьця,

Дівлятця на батька—на вовка ниначе.

(П. М. Стаценко).

V.

Якъ гліну—погліну у чистєе поле

Роскішне, широче, якъ сінеє море,

Далєке, якъ небо, привітне, якъ доля,

Веселе, тихеньке—ні смуги, ні гора;
Якъ гляну я въ поле—душá затрепече,
Серце náче пташка въ клітці защебече,
И я забажáю ширóкої во́лі,
Яко́ю кохався коза́къ на роздо́ллі,
И клічу ту́ волю,—въ степу́ луна́ гине...
А во́ля козацька до мене не ліне!...

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 4-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Абѣ-шо — что-ли.
Ажъ ось — какъ воть.
Ажъ гень — вонъ тамъ, далеко.
Байдакъ — родъ большой лодки, судна.
Бандура — названіе музыкальнаго струннаго инструмента.
Баня — куполь церковный.
Баранчикъ — ягненокъ самецъ.
Бѣбѣхъ! — звукоподражательное слово, выражающее паденіе тѣлъ.
Безпѣшно — безопасно.
Бѣдаха — бѣдняга.
Бѣдѣта (собрать) — бѣдыяки.
Бѣжо — (нарѣч.) по божьему.
Борщъ — родъ украинскихъ щей.
Бразолійний — бразолія (родъ темной краски).
Братчикъ — такъ назывались члены церковныхъ братствъ, равно всѣ, между собою, воины Запорожской Сѣчи.
Вава — (дѣтское слово) боль; рана.
Варякати — д. б. вести вздоръ.
Варта — караулъ, стража.
Вартувати — отбывать караулъ, сторожить.
Вѣлико — много.
Верхівья — верхушки деревъ.
Вибачити — извинить.
Вибудувати — соорудить, выстроить.
Вигребти — выгрести.
Видбуляти — выбрести, выйти какъ будто на ходуляхъ, или какъ дитя, не твердое еще на ногахъ.
Визволити — избавить, освободить.
Випікати — выжигать; укорять.
Вирій — гонимыя страны, куда перелетныя птицы отлетаютъ на зиму.

Виспівати — пропѣть все; приобрести что-нибудь пѣснями.
Виступцемъ — кокетливой походкою.
Витягати — вытащить, вытянуть.
Вишукувати — отыскивать, розыскивать.
Вівчарикъ — овечій пастушокъ; также — бекасъ.
Відцуратися — отказать; прекратить всякія сношенія.
Відъ — (предлогъ) отъ.
Віжечки (ум.) отъ віжки — возжи.
Віконечко — окошечко.
Вінця — края посуды, — отъ слова — вѣнецъ.
Вирай, вірей см. вірій.
Вітрякъ — вѣтряная мельница.
Вклонитися см. уклонитися.
Вловити — поймать.
Воєвійкъ — боець, рубака.
Впектися — надоѣсть сильно.
Ворогувати — враждовать.
Ворухнутися — пошевелиться, зашевелиться.
Впинити — остановить, удержать.
Вподобачити, д. б. **вподобати** — понравить.
Впоратися — окончить занятіе, выполнить начатое.
Всміхъ — усмѣшка.
Встигнути — поспѣть во-время.
Всяково — всячески.
Втімити — понять.
Вчийийти — сдѣлать, произвестъ; о хлѣбѣ — заквасить, сдѣлать квашню.
Вшкварити — глаголъ, выражающій моментъ быстрого и сильнаго дѣйствія.
Вшкѣдити — надѣлать вреда, убытку.
Въ ряді-годи — изрѣдка, когда-когда!

Сонтовий—крытый драпью.
 Брати—железный переплет у окон,
 рѣшетки.
 Брѣцкій—превосходный, изящный,
 хороший.
 Гудзикъ—пуговка.
 Гайновати—раскидать все въ без-
 порядкъ; поргить.
 Гарбузѣння — стелющіеся стебли
 тыквы.
 Гарбузовий—тыквенный.
 Гілечка—вѣточка.
 Гірло—узкій проходъ между лиманомъ
 рѣки и моремъ.
 Годичка—часочекъ, хорошая погода.
 Годиночка—минуточка; лихая го-
 диночка, возгласъ, выражающій не-
 счастное стеченіе обстоятельствъ.
 Годовати—кормить.
 Годуватися—кормиться.
 Головувати—быть сельскимъ го-
 ловою.
 Горобецъ—воробей.
 Гомоніти—говорить, шумѣть.
 Горлянка—горло.
 Господарка—хозяйка.
 Господарство—хозяйство.
 Гребелька—плотника.
 Гречаникъ—гречневая булка.
 Гуконѣти — произвестъ сильный
 крикъ, возгласъ.
 Гукъ—крикъ, шумъ.
 Гультай—гуляка.
 Даремне—даромъ, напрасно.
 Даровитий—доставшійся даромъ,
 даровой.
 Даромъ—ни за что, даромъ.
 Даховий—кровельный.
 Дахъ—крыша.
 Девятый — поминаше покойника
 въ девятый день по смерти.
 Держално—рукоятка.
 Дѣ-що—кое-что, кой-что.
 Дѣргонуть—дернуть, рвануть.
 Дзюрѣти—сильно, быстро литься тон-
 кою струєю.
 Дзюрѣти—журчать.
 Дитинка—дѣти.
 Дівота—(собирает.) дѣвцы.
 Дівачий—дѣвичій.
 Добачати—хорошо видѣть.
 Докупи—въ одно мѣсто.
 Домотканий—домашняго издѣлія,
 тканья.
 Домувати—сидѣть дома.
 Доя (ум., ласк.) дочь.
 Дорозумуватися—понять, доду-
 маться.
 До-схочу—сколько угодно.
 Дочувати—хорошо слышать.

Драбина—деревянная лѣстница.
 Дремнути — быстро побѣжать,
 удрать, уйти.
 Дрижакъ—дрожь.
 Дрюкъ—дубина.
 Дурнішати—становиться глупѣе.
 Жеврити—горѣть тихимъ огнемъ
 безъ пламени, рдѣть, глѣть.
 Жмівка—горсточка.
 Жовота—собирает. — женщины.
 Жужомъ—(нарѣч.) въ безпорядкъ,
 вверху дюмажъ.
 Забачити—увидѣть.
 Завирюха—метель.
 Загадаѣти—приказать.
 Загадаѣтися — замечаться, залу-
 маться.
 Загустѣти—загудѣть.
 Задрігати—заболтать погами.
 Задростъ—зависть.
 Закамірокъ—тайный, скрытый уго-
 локъ, мѣстечко.
 Закулкудѣкати — (о курахъ) заку-
 дахтати.
 Замирити—заговорить невидяно;
 сквозь зубы.
 Замісь—вмѣсто.
 Замовляти—заговаривать, произно-
 сить заговоръ (о леченьѣ заговорами).
 Заможній—зажигочный.
 Замуровати—закладъ кирпичемъ,
 камнемъ.
 Занедбати—оставить безъ вниманія.
 Запашний—душистый.
 Запашний—завѣшенный.
 Запалочъ — крашеная, цвѣтныя
 нитки изъ хлопчатой бумаги.
 Запротѣрити — запропасти, дѣ-
 вать.
 Зарадитися—обезпечить себя.
 Заразь—сейчасъ.
 Зарятувати—помочь.
 Засититися — загрузить; увязнуть
 въ грязи.
 Заслабнути—заболѣть, обезсилѣть.
 Засорѣтитися—скопѣзиться.
 Застѣбати — застегивать пуговицы
 и т. п.
 Затяшній—уютный, такой, гдѣ есть
 защита отъ вѣтра, непогоды и проч.
 (о мѣстѣ, помѣщеніи и т. п.).
 Захмилити—сдѣлать пьянымъ; въ
 пер. смыслѣ — сильно ударить, оглу-
 шить ударомъ.
 Захронѣти—захрапѣть.
 Збувати — сбывать, избавляться,
 отдѣлаться отъ чего.
 Звернути—своротить.
 Звідѣліи—отсюда.

Звікувати — провести жизнь.
 Звірина — звѣрь.
 Згіршъ см. не згіршъ.
 Зглянутися — посмотреть другъ на друга; помиасердовать.
 Згода — согласие.
 Згодитися — согласиться, условиться.
 Згуба — погибель.
 Згубити — потерять, погубить.
 Згубця — губитель.
 Здобути — приобрести.
 Здрово — сильно, очень.
 Зеленастий — зеленоватый.
 Заирну́тися — взглянуть другъ на друга.
 Зітхати — вздохать.
 Злодіенко — сынъ вора.
 Злодіяка — увелич. отъ Злодій, воръ.
 Злякати — испугать.
 Змайструвати — смастерить, сдѣлать, приготовить, соорудить.
 Змушувати — принуждать.
 Зникчёмниги — сдѣлаться ничтожнымъ, ни къ чему годнымъ.
 Знісокъ — послѣднее, самое маленькое яичко, которое сноситъ курица.
 Зозвблѣти — изъяснить согласіе (говорится в почтительн. смыслѣ).
 Зоп'ястися — приподняться на цыпочкахъ, — на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь, подняться.
 Зорявий, зоряний — звѣздный.
 Зпитати — спросить.
 Зробитися — сдѣлаться, случиться.
 Зетарити — постарѣть.
 Зуиняти — останавливать, задерживать.
 Зхоблюватися — схватываться, подниматься.
 Зъ-ляку — съ испуга.
Издригнутися — вздрогнуть.
 Имля — мгла.
 Индичитися — хорохориться, какъ индійскій пѣтухъ.
 Ить! — эхъ! и т. п.
Іжакъ — ежъ.
Каганчикъ, уменьш. отъ Каганецъ — родъ плошки, или пючника.
 Казань — церковная проповѣдь, слово.
 Калюжа — лужа.
 Карахбьнка — родъ маленькой тыквы.
 Карбоваецъ — цѣлковый, серебряный рубль.
 Качечка — уточка.
 Квакъ — болотная птица.
 Керсетъ — женская верхняя одежда,

похожая на великорусскую поддѣвку, безъ рукавовъ.
Кѣте — дайте.
 Кілочокъ — колышекъ.
 Клуцька (ум. отъ клуня) рига.
 Книщъ — родъ булки, съ разрывными и завороченными внутрь намазанными краями.
 Кнуръ — боровъ, плодovикъ.
 Кобейкъ — верхнее, мужское платье съ кашономъ.
 Кожушокъ — гулупчикъ.
 Комись — когда-то.
 Колд (нарѣч.) — возгъ.
 Колодій — большой нескладной ножъ.
 Комашина, комашечка — мошка, самое малое крылатое насекомое.
 Комирецъ (ум. отъ Комиръ) — воротничекъ.
 Комірка (ум. отъ комбра) амбарчикъ, кладовая.
 Конята — лошаденки.
 Кониць — ковѣкъ, кузнечикъ, гребень (у кровли), прямикъ, подставка.
 Контентувати — довольствоваться, снабжать всѣмъ нужнымъ.
 Коуилити носа, губу — поднимать носъ, показывать губами знакъ неудовольствія, отвращенія.
 Коханья — любовь.
 Копѣра — загонъ для овецъ и козъ.
 Краля — королева; дама въ картахъ.
 Гра́та сл. гра́та.
 Крапанка — окрашенное яйцо.
 Кришеникъ — ломтикъ, плоскій кусочекъ, пластинка.
 Кувбущечка — небольшой деревянный сосудъ для масла, и проч.
 Кудлати — мохнатый.
 Кукуріанья — пѣнье пѣтуха.
 Кумошка (ум. ласк.) кумушка.
 Кундель — названіе крупной породы овчарскихъ мохнатыхъ собакъ.
 Купецъ — кучка.
 Кухарчя — поваренокъ.
 Кухаръ — поваръ.
 Куховарка — кухарка.
 Кучерявий — курчавый, кудрявый.
Лагіднёнький — кроткій, мягкій, вѣжливый.
 Лагодити — снаряжать, готовить, начинать.
 Лайка — брань.
 Ластівочка — ласточка.
 Лѣдве — едва, всилу.
 Лейстровий — реестровый, записанный въ реестръ, официально признанный (о козакахъ).
 Липтаревий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.

Лицѣтисл — ухаживать (за дѣвушкой).
Ліжма (нарѣч.) лежа, не вставая.
Ліса — тынь, плетёный изъ лозы заборъ.

Лігечко (уменьшит.) лёто.
Лусь! — выражается легкій трескъ, щелканье.
Лѣгови — время, когда ложатся ночью спать.
Лѣхѣвка — полька; родъ шитья и тканья.

Майданъ — площадь.
Малѣча — (собира.) дѣти.
Малюсінкый — маленкій.
Мандрівка — побѣтъ; бродяжничество.

Матусня — матушкинъ.
Медяній — медовой.
Медяній — медовый пряникъ.
Мерѣжка — узоръ (шитья), узорчатая полоска рисунка.
Мерщій — скорій, проворій.
Метѣлиця — мятель; названіе танца, въ которомъ танцюющіе кружатся на подобіе метели; музыка и пѣсня извѣстнаго танца.

Метякувати — разсудить.
Метушитися — хлопотать, суетиться.
Миготѣти — мигать, блестеть, сверкать.

Мизѣрство — (собира.) жалкій, бѣдный народъ; бѣдность.

Мисникъ — полка, на которой разбѣщаются миски и прочая посуда.

Місце — мѣсто.
Мовчязній — молчаливый.
Молодичка — молодая замужняя женщина.

Молоднѣча — молодежь.

Моріжакъ — ум. отъ морігъ мурава.

Моторошно — (нарѣч.) тошнить, кружится свѣтъ, неловко, безпокойно.

Мрѣти — бѣдѣться неясно, вдали.
Мудитися — жаться отъ неудобства, не рѣшаться.

Набутокъ — прибыль.

Наважуватися — преднамѣряться.

Наветъ — даже.

Наглядъ — присмотръ.

Надійти — подоспѣть.

Назірѣти — запримѣтить.

Назірцемъ — подсматривая, неспуская съ глазъ.

Найкращій — самый лучший.

Нама́рати — нащупать.

Напужитися — принять надменный видъ, вадуться.

Насінячко — сѣмечки.

Настовбурчѣти — приподн. вверхъ, взбить волосы и т. п.

Нахилѣтися — наклоняться; подаваться.

Невѣсточка — невѣстуха.

Не згіршъ — не хуже.

Не клѣпана коса — не отточенная молоткомъ, тупая коса.

Нѣнька (уменьшит. ласк.) мать.

Нечуварно — неопратно.

Ніякѣ — словно, точно, какъ будто бы.

Ніби — словно, точно, какъ будто бы.

Ніколи — некогда.

Ні однісінького, —і, и проч. — рѣшительно ни одного, —ой.

Нійково — (нарѣчіе) выражающее неопредѣленное, стѣснительное положеніе.

Нумо, нумъ — станемъ, будемъ, давай.

Обгорну́ти — обернуть, обнять.

Облизень — пощечина, затрепина, ударъ.

Обличчя — наружность, лицо.

Обночуватися — переночевать.

Обночува́ти — переночевать.

Обро́тъ — родъ узды, но не изъ кожи и безъ удиля.

Овечѣта — барашки.

Одвірокъ — притолока двери.

Одинчикъ — (ум. отъ оди́нець) единственный сынокъ.

Одчепѣти — отвязать.

Озирну́тися — оглянуться.

Онукъ, —ка — внукъ, внучка.

Опнитися — очутиться.

Опісля — послѣ.

Ослѣнь — (нарѣч.) какъ слѣпой, ошунью.

Осмѣхнутися — улыбнуться.

Охвітнѣше — охотѣй, веселѣй.

Очипеній — растровенный, открытый (о дверяхъ и т. п.).

Очивѣти — отворять.

Очортѣти — сильно надобѣсть.

Паламарюва́ти — быть въ должности паномаря.

Пала́нка — такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе.

Палкѣй — удобовоспламеняемый, горячій; пылкій.

Панюга — (увелич.) большой баринъ.

Павѣнка — барышня.

Паровиця — большой воловый возъ, запряженный парой воловъ.

Парубка — паренёкъ.

Пасічка — пчельничекъ.

Пѣтрати — потрошить зарѣванное животное для приготоуленія его въ пищу.

Пекучий—паящий, жаркий.
 Пелюшка; ми-пй—пеленки.
 Передивитися—пересмотреть, переглядеть.
 Переходати—нехаживать, проходить.
 Перечикати—(дѣт. слово) перерывать.
 Пильнессенко—очень пристально.
 Пильнувати—пристально смотреть, наблюдать.
 Піддючнтися—поднимать носъ, дуться и т. п.
 Писанка—расписанное цвѣтами и изображеніями лицо.
 Пивкурчати—поль-пыльенна.
 Пивпівника—поль-пѣтушка.
 Підвѣжити—подвѣть.
 Підлабузнитися—подлеститься, похвѣсть, примазаться къ кому.
 Підсѣикатися—подобрать платье для удобства при работѣ.
 Підсміювати—говорить кому, подсмѣиваясь надъ нимъ.
 Підтюпцемъ—походка между обыкновеннымъ шагомъ и рысью.
 Підчеревий—о животныхъ, у которыхъ шерсть на брюхѣ отличается отъ остальной.
 Пісковатий—песчаный.
 Плахтина, ум. отъ Плахти.
 Повеселшати—повеселить.
 Новинувати—новитася.
 Повітка—навѣсъ, сарай.
 Повішати—повѣсить.
 Повкладатися—улечься.
 Повновидий—полнолицый.
 Повчипаюватися—вѣщаться.
 Погодити—поблаприятствовать.
 Поджжати—осилить, одолѣть, смочь, сдѣлать.
 Позамуровувати—заложить каменную стѣною; засновать (какъ морозъ стекла).
 Позачинювати—(двери; окна) затворены, закрыты вездѣ и всѣхъ.
 Позирати—посматривать.
 Позичати—занимать, одолжаться.
 Позіхати—зѣвать.
 Покиль—пова.
 Покрѣяти—изрѣзать, отрѣзать.
 Покута—эпитимія.
 Полягодити—починить, исправить.
 Побудець—полдникъ.
 Полуднувати—полдничать.
 Полумисокъ—тарелка.
 Поляпасъ—оплеуха, пощечина.
 Помазки—опуны.
 Попахляти—нагнувшіеся, нависшіе.
 Похитися—вступить въ бракъ.

Попанічнтися—заразиться барствомъ.
 Попобити—поколотить, побить.
 Попускъ—льгота, облегченіе.
 Порада—совѣтъ.
 Пороздаровувати—раздать, раздавать.
 Поскрібочокъ—остатокъ тѣста, выскребенный изъ квашни.
 Моро ставати—растать.
 Поснідати—позавтракать.
 Посоромитися—посовѣститься.
 Поспитати—спросить.
 Поставити—поставить.
 Постражати—пристражить.
 Пóступъ—походка.
 Потрачати—терять, тратить.
 Потриножити кобѣй—спутать лошалямъ ноги такъ, чтобъ одну заднюю связать съ передними.
 Потурати—давать поблажку, потакать.
 Потурбуватися—побезпокоиться.
 Потуркотити—загремѣть возомъ при отъѣздѣ.
 Похирити—поболѣть.
 Поцїрно—дешево.
 Привітати—привѣтствовать, поздравлять.
 Пригода—несчастіе, невзгода; услуга.
 Пригодовья—(ум.) несчастіе.
 Приземокъ—дича, чуть подросшее отъ земли.
 Прикипнати—прирости къ землѣ, на мѣстѣ; остаться неподвижнымъ.
 Принамакнати—насмѣшливый эпитетъ, насмѣшка, острота.
 Прираяти—посовѣтовать.
 Присіпки—крылечко.
 Присгріть—сглазъ; дурной глазъ, болѣзнь отъ глазу.
 Приторкѣтися—прикасаться.
 Притулити—прижать.
 Прицкварити—прижарить.
 Прогодувати—прокоржить.
 Прождомъ—опрометью.
 Проміня—лучи, свѣтъ солнечный и лунный.
 Процїтати—развѣтвлять.
 Процанить—богомолецъ.
 Прочухати—наказаніе; проука.
 Пружокъ (ум. отъ пруть) рубецъ, выпуклый жолобокъ.
 Пустота—шалость.
 Пустунчикъ—(уменьшит.) шалуны.
 Ремствувати—злобствовать, злонамятствовать.
 Рештовати—вооружать (пушками судно); снаряжать.

Римига́ти — жевать жвачку (о волахъ).

Риплявий — скрипучий.

Ривчачо́къ — канавка.

Робачо́къ (уменьш.) родъ червяка.

Родичь — родственникъ.

Розвору́шити — разшевелить.

Розго́рити — добыть съ трудомъ.

Розгребти́ — разгрести.

Роздвля́тися — разсматривать, осматриваться кругомъ.

Роздродитися — раздражиться, разяриться.

Роззявити — разинуть.

Розбо́шланий — растрепанный.

Розледа́чити — испортиться, развратиться, сдѣлаться негоднымъ.

Розсе́рдитись — разсердиться.

Роско́пувати — раскапывать.

Росперіа́уватися — расподсывать.

Росляний — росистый.

Рубо́мъ — (нарѣч.) ребромъ.

Ря́мля — рубище.

Садовина́ — садовыя деревья, плоды и проч.

Сакі́вки, ум. отъ Сакви — двойной мѣшокъ.

Свері́вонька (ум. ласк.) — свекровь.

Сві́тка, ум. отъ світа — родъ верхняго платья.

Сі́лькісь — нужды нѣтъ.

Скарбо́вия — мѣсто храненія денегъ.

Ски́нути — (дѣт. слово) скочить.

Ски́рость — скупость; скражничанье.

Скра́дуватися — подкрадываться.

Скри́нка — личицекъ, шкатулка.

Скубо́цѣти — сильно дерцуть за волосы и проч.

Слізо́нька — слѣзка.

Слѣ́жба — обѣдья.

Смакува́ти — находить вкусъ въ чемъ-либо.

Смі́ливость — смѣлость.

Смі́шлявий, ва, ве, — охотникъ, — ца смѣяться.

Сму́жка — (уменьш. отъ смѣга) полоска.

Смуткува́ти — тосковать, грустить, пригорюниваться.

Сму́токъ — тоска, грусть.

Собя́ — вѣзво (слово, которымъ заставляють воловъ поворачивать на лѣво).

Сороко́вийи — поминанье покойника въ сороковый день по смерти.

Сох́а — деревянный столбъ, бремено или подпора, на которыхъ утверждается кровля, перекаладина и т. п.

Со́ляшнико́вий — подсолнечниковый.

Спи́льна — (нарѣч.) пристально.

Споді́ванка — надежда.

Споді́ятися — сдѣлаться, случиться.

Сподоба́тися — полюбиться.

Спо́чинокъ — отдыхъ.

Старе́езный — очень старый.

Старува́ти — быть старымъ, ою; говорить, какъ старики.

Старше́нький — (уменьш.) старше.

Стеме́нісько — точаёхонько.

Стомі́ти — утомить.

Сторо́нька — сторонюшка.

Стри́б! — выражается моментъ прыжка.

Стригу́нець — жеребенокъ, у котораго не выросла еще грива.

Стрива́й — погоди.

Стрѣ́ги — встрѣтить.

Стусо́цѣти — сильно толкнуть кого.

Сумі́рий — скромный, тихій, смирный.

Супру́га — пара воловъ.

Схі́дъ — сонця — востокъ.

Схо́пити — схватить.

Тага́нь — желѣзная подмостка, на которой вѣшается или ставится котелокъ или горшокъ, когда нужно варить.

Та́дички — уменьшит. — такъ.

Тала́нонько — (ум. отъ талань), — счастье, удача.

Та́нути — таать.

Та́то — ласк. названіе отца у дѣтей.

Тагу́сь (ум. ласк.) батюшка, отецъ (родной).

Темно́та — (сбир.) темь; темный людъ.

Тепе́реньки (уменьш.) теперь.

Ти́ць! — выражается моментъ быстрой опорки при движеніи, при даваніи.

Тіту́ся (ум. ласк.) тетенька.

Тойлі́ — тогда, въ то время.

Толо́чити — мять, сбивать (траву, хлѣбъ).

Торба́на — сума; небольшой мѣшокъ.

Тра́питися — случиться.

Тримі́ти — трастись.

Три́чі — трижды.

Троі́стий — тройной, состоящій изъ трехъ.

Троха́ — чуть ли.

Трудо́вийий — приобрѣтенный трудомъ.

Ту́цюва́ти — часто топтать ногами, притопывать.

Турбува́тися — беспокоиться, тревожиться, хлопотать.

Увесь́ — весь.

Угамува́тися — успокоиться, унять-ся.

Ужи́токъ — достояніе, имущество; пользование.

Узгірья—пригорокъ.
Уквічати—убрать пѣтми, зеленью, вѣтвями.
Уклонітися—поклониться.
Уловька (ум.) улипа, гулявье.
Удирѣка (увелич.) ушырь, колдунъ, (бранное слово).
Упóрати—покончить, сдѣлать.
Упóрхати—угомонить, успокоить.
Усѣкъ—каждый, всякій.
Утихомирися—успокоиться.
Ушквѣрити—см. вшквѣрити—
Утрапати — попасть, найти дорогу къ мѣсту.

Фйжа—сильная мятежь.

Хазѣйствечко—ум. отъ хозяйство, имущество.

Халѣва—голенище.
Хапати—хватать.
Хѣяти—прицѣпъ, хулить.
Хвѣртка—калитка.
Хижацтво—хищность.
Хлопчикъ—мальчикъ.
Хлопѣя—мальчикъ.
Холодóкъ—прохлада, тѣнь.
Хрѣщикъ—родъ игры.
Ху́га—погода съ вѣтромъ, морозомъ и мятежью.
Худібонька—(ум. отъ худоба) имущество.
Хутѣнько—(уменьш.) скоро.

Цвѣнтарь—погость церковный.

Цебеніги—сильно литься (о жидкостяхъ).

Цей—этожь.

Ціі, цііі—(женск. род. пад.) этой.
Цілечкый—(уменьшит.) цѣлѣховскій.
Ціпóчокъ—тросточка.
Ціпѣра—(увелич.) палка.
Ці́ота—доблеть.
Цурáтися—чуждаться, отрекаться.
Цуръ—чуръ; цуръ ёму и проч. чортъ съ нимъ!
Цу́йкъ—щенокъ.
Цу́квóваний—покрытый украшениями, испещренный.

Чергува́тися—очередоваться.

Чередá—сельское стадо.
Чикъ—выражаеть мгновѣніе рѣзанія (дѣтск. слово).
Чибáрьскый—кожевничій.
Чоловіченько—(ум. ласк.) муженёкъ.
Чому?—отчего, почему?
Чу́ти—слыхать.

Шарварка—шумъ, бѣготня и т. п.
Шлюбъ—брачный вѣнецъ; вѣнчаніе; бракъ.

Штиль—стиль, строй, способъ, роль, образъ.

Щічка—щечка.

Що-дній—ежедневно.

Югнѣти—шмыгнуть.

Янголя—ангельчикъ.

Ярòкъ (уменьшит. отъ яръ)—степной оврагъ, покрытый кустарникомъ или лѣсомъ, съ ручьемъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОВІСТКИ

(Народні Оповідання)

Марко Вовчка.

2-е издание съ малороссійско-руско-польскимъ словаремъ.

Цѣна безъ пересылки—50 к. сер.

14 7.
14 5.
14 30.
50
60
5/95